

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редакции

- А.В. Шуклин.* Российское военное законодательство на современном этапе (итоги работы научно-практической конференции) 2
В.М. Корякин. Коррупциогенные факторы закона о контрактной системе 9

Правовая страница командира

- А.В. Завальнюк.* К вопросу о возмещении гражданами средств федерального бюджета, затраченных на их военную (специальную) подготовку в образовательных учреждениях ФСБ России (гражданско-правовой аспект) 15
Е.А. Свининых. Правовое регулирование деятельности военных представительств по контролю качества военной продукции, поставляемой по государственному оборонному заказу 20

Социальная защита военнослужащих

- А.В. Ефремов.* О некоторых вопросах, связанных с предоставлением мер социальной поддержки родителям погибших (умерших) военнослужащих 27

Жилищное право

- Е.Г. Воробьев.* О связи служебного и постоянного жилищного обеспечения военнослужащих 32
Е.Н. Трофимов. О некоторых вопросах обеспечения жилыми помещениями членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы в связи с исполнением обязанностей военной службы 42
Д.И. Ковтков. О выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, и членам их семей: вопросы практики 49

Дела судебные

- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» 56
Судебная практика Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации 67

Юридическая помощь военному комиссару

- А.В. Ефремов.* О вопросах, возникающих при расторжении трудового договора по инициативе работника (по собственному желанию) 82

Военно-уголовное право

- И.Ю. Белый.* «Преступление агрессии» и условия осуществления юрисдикции Международного уголовного суда в отношении этих преступлений 89
Я.Н. Ермолович. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности военнослужащих и военно-уголовная политика 92
Р.А. Ормокоев. Преступность военнослужащих Министерства обороны Кыргызской Республики: криминологические показатели и современные тенденции 103

Точка зрения

- Н.Л. Козориз.* Законодательство защищает информацию 107
Е.А. Свининых. Государственный контракт как средство регулирования долгосрочных отношений в сфере государственного оборонного заказа 111

Сведения об авторах, аннотации статей

119

Новое военное законодательство

122

*Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»
№ 9 (195) сентябрь 2013 г.*

Издается с июля 1997 г.

*Главный редактор
А.В. Кудашкин*

*Редакторы:
А.Н. Болонин, А.Л. Горбачев*

*Редакционная коллегия:
В.К. Белов, П.И. Гаврюшенко,
К.В. Симоновский, И.В. Крейс,
И.П. Машин, Е.А. Моргуленко,
С.В. Терешкович, А.И. Тюрин,
К.В. Фатеев, С.С. Харитонов,
С.Н. Шарапов*

*Научный консультант и
ответственный редактор номера
С.В. Терешкович*

*Выпускающий редактор
О.А. Тюрина
Компьютерная верстка
А.Б. Зилькарнаев, С.В. Ященко*

*Издание зарегистрировано
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-1576 от 30 января 2000 г.*

*Учредитель и издатель:
Общественное движение
«За права военнослужащих»*

*Адрес редакции:
117342, г. Москва,
ул. Бутлерова, д. 40
тел.: (495) 334-98-04;
тел./факс: (495)334-92-65*

*Адрес в Интернете:
<http://www.voennoepravo.ru>
E-mail: pvs1997@mail.ru*

*Прием корреспонденции по адресу:
111033, г. Москва, Ж-33,
а/я 44, Харитонову С.С.*

*Подписные индексы по каталогу
«Роспечать» - 72527, 20244*

*Отпечатано в ООО
«Красногорская типография»
Подписано в печать 20.08.2013
Заказ № 1591
Усл. печ. л. 8,0
Тираж 1300 экз.*

*Выходит ежемесячно, распро-
страняется только по подписке
© «Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»*

*Материалы, опубликованные в
журнале, могут быть использованы в
других изданиях только с разрешения
редакции. Редакция консультаций по
телефону не дает, переписку
с читателями не ведет.*

РОССИЙСКОЕ ВОЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

(итоги работы научно-практической конференции)

А.В. Шукин, заместитель руководителя аппарата Комитета Государственной Думы по обороне, полковник юстиции запаса

Декабрь 2013 г. ознаменован датами, значимость которых все более видна по мере удаления от них: это 20-летие со дня принятия Конституции Российской Федерации и 20-летие Федерального Собрания Российской Федерации. Указанным событиям и была посвящена научно-практическая конференция по теме: «Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы)», которую 16 мая этого года провели Комитет Государственной Думы по обороне и Военный университет.

В конференции приняли участие члены Комитета по обороне и сотрудники аппарата, должностные лица и представители Секретариата ОДКБ, Секретариата Совета МПА СНГ, Постоянного Комитета Союзного государства, Министерства обороны Российской Федерации, Главной военной прокуратуры, Следственного комитета. В работе участвовали руководители, научные сотрудники и преподаватели 35 научно-исследовательских и высших учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации, МВД России, ФСБ России из различных регионов, а также представители вооруженных сил Армении, Беларуси, Киргизии, Таджикистана, обучающиеся в Военном университете.

Помимо пленарного заседания, обсуждение проблем законодательного обеспечения обороны проходило на заседаниях двух секций, что позволило дать выступить всем желающим. А их было немало.

Состоялся продуктивный, не всегда однозначный, обмен мнениями о современном состоянии российского военного законода-

тельства, об основных этапах его развития, проблемах законопроектной работы

В докладах, выступлениях были подведены итоги 20-летней законотворческой работы Государственной Думы, деятельности Комитета по обороне в области законодательного обеспечения обороны страны. Анализ выступлений позволяет определиться с точкой «стояния» современного российского военного законодательства, степенью его полноты и интеграции в создаваемые правовые системы Союзного государства, СНГ, ОДКБ, а также наметить пути и рубежи дальнейшей законотворческой работы.

Конечно, говорить, что современное российское военное законодательство берет свое начало от создания Государственной Думы первого созыва, было бы в корне неверно и несправедливо по отношению к предыдущим поколениям людей, участвовавшим в непростом процессе законотворчества и сложной законопроектной работе.

Принятые еще Верховным Советом России, в период 1991 – 1993 гг., такие законы, как: «Об обороне», «О безопасности», «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе» и некоторые другие, хотя в настоящее время уже и утратили силу, однако заложили основу дальнейшего развития военного законодательства современной России.

А такие законы, как «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств

и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы», «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах», продолжают действовать (с изменениями и дополнениями) и в настоящее время.

Однако основная доля работы, конечно, пришлась на рассматриваемый период.

Через Комитет по обороне за все время его существования прошло около 1 000 законо-

проектов. Но от созыва к созыву количество внесенных проектов снижается. Обращает на себя внимание и тот факт, что из общего количества законопроектов по предметам ведения Комитета от созыва к созыву возрастает соотношение принятых к внесенным. Это говорит о возрастающем качестве подготовки проектов, более тщательной их проработке на стадии подготовки к внесению в качестве законодательной инициативы, соблюдении требований Конституции Российской Федерации и Регламента Государственной Думы к подготовке проектов федеральных законов.

Также в последнее время отмечается рост количества законопроектов, вносимых в качестве законодательной инициативы Президентом и Правительством Российской Федерации.

Распределение принятых законов по вопросам обороны, по которым Комитет по обороне был ответственным

№ п/п	Тематика законопроектов	3-й созыв	4-й созыв	5-й созыв	6-й созыв (1,5 года)
1	О прохождении военной службы и исполнении воинской обязанности, о воинском учете граждан, их подготовке к военной службе	7	26	15	3
2	О военном строительстве	1	1	5	3
3	По вопросам социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, страхования военнослужащих, пенсионного обеспечения, деятельности профессиональных союзов военнослужащих	11	16	23	5
4	О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами, государственном оборонном заказе, функционировании оборонно-промышленного комплекса, военных организациях, использовании высвобождаемого военного имущества, уничтожении химического оружия	1	4	6	1
5	О патриотическом воспитании населения страны		7	3	3
6	О военном образовании	1	4		
7	Об укреплении воинской дисциплины		4		
8	Ратификация международных договоров Российской Федерации	5	2	2	2
9	Общее количество	26	64	54	17

В период работы Государственной Думы 1-го и 2-го созывов были приняты и вступили в силу многие основополагающие в сфере обороны федеральные законы. Они регулировали правоотношения по общим вопросам обороны страны, а также по вопросам воинской обязанности и военной службы, социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации, международного военно-технического сотрудничества, другим вопросам, связанным с обороной.

В то же время на рубеже 90-х и 2000-х гг. отсутствовали важные законодательные акты, в том числе предусмотренные Конституцией Российской Федерации, необходимые для регулирования правоотношений при введении чрезвычайного положения, военного положения, устанавливающие принципы и порядок прохождения альтернативной гражданской службы, и ряд др.

Законодательство в области обороны страны в тот период не представляло собой единой целостной системы, в нем имелись пробелы, противоречия, положения некоторых законов носили декларативный характер, в них отсутствовали или имелись в недостаточном количестве нормы прямого действия. Разнообразная, не унифицированная терминология, применявшаяся в законодательных актах, затрудняла правоприменительную деятельность, создавала правовые коллизии. Справедливости ради следует отметить, что данная «детская болезнь» российского законодательства в полной мере не изжита до настоящего времени.

Одновременно многие принятые законы, включая те, которые были направлены на выполнение государственного оборонного заказа, обеспечение социальной защиты военнослужащих, выполнялись не полностью. Это было обусловлено, прежде всего, отсутствием или несовершенством механизмов реализации законов, в том числе отсутствием нормативных положений, устанавливающих юридическую ответственность за их невыполнение либо неполное и неточное выполнение, а также тем, что на реализацию законов не выделялось должного количества средств при

принятии федерального бюджета на очередной год. Это способствовало регулярной ревизии норм, их приостановлению их действия или отмене при принятии федерального бюджета на очередной год.

Можно сказать, что для указанного периода были характерны хаотичность в формировании законодательных основ (и не только в сфере обороны) и незавершенность создания правового поля. В настоящее время можно утверждать, что основные акты в сфере обороны приняты и стоит вопрос их совершенствования и приведения в соответствие с реалиями дня и вновь принятыми законодательными актами.

Не умаляя работу 1-го и 2-го созывов, хотелось бы отметить, что именно в 3-м созыве законопроектная работа приобрела более целенаправленный, комплексный характер. Немалую роль в этом сыграла Концепция законодательного обеспечения обороны страны, одобренная участниками парламентских слушаний, проведенных Комитетом по обороне 5 декабря 2000 г. Ее принятию предшествовала целая серия парламентских слушаний по проблемам законодательного обеспечения обороны страны, проведенных Комитетом в мае и июне 2000 г.

Несмотря на свою «ведомственность», названная Концепция стала своеобразным катализатором, «задала вектор» законодательства не только депутатам – членам Комитета по обороне, но и представителям исполнительной власти, научному и экспертному сообществу. Ее выводы легли в основу законодательской работы, явились основанием для подготовки различных мероприятий по вопросам обороны в Государственной Думе: парламентских слушаний, «круглых столов», заседаний Комитета и др.

По прошествии более чем двенадцати лет с момента принятия указанной Концепции можно отметить, что большая часть ее положений была реализована в ходе работы Комитета по обороне 3 – 5-го созывов и частично в деятельности Комитета 6-го созыва.

Законодательская работа – это основная работа депутатов – тяжелый, достаточно трудоемкий, многогранный и творческий процесс, который подчас не виден.

В частности, законодательное обеспечение обороны страны – это процесс, прежде всего направленный на решение не только конкретных и стоящих в настоящее время перед военной организацией государства задач, но и на перспективу. Это деятельность, как правило, направлена на поиск компромиссов между финансово-экономическими возможностями государства и необходимыми на оборону страны потребностями в материальных и людских ресурсах.

Проблемы законодательного обеспечения обороны Российской Федерации были и остаются актуальными. Динамичный характер российского законодательства, вызванный построением новой системы общественных отношений и изменением взглядов населения страны на необходимость и полноту именно законодательного урегулирования всех сторон жизни, в том числе и на вопросы обороны, наложил особый отпечаток на законодательство в оборонной сфере.

За прошедшее с момента образования нового российского парламента время произошло значительное расширение нормативного обеспечения такой сферы общественной жизни, как оборона государства и, прежде всего, на законодательном уровне.

Появились законы с абсолютно новыми предметами правового регулирования. То, что прежде регулировалось на уровне подзаконных и ведомственных актов, в настоящее время нашло свое отражение в законодательных актах. Это является показателем как важности данной сферы общественных отношений, так и серьезности отношения общества к ней.

На конференции внимание участников было обращено на такой факт. По мнению Комитета по обороне, военное право, как часть правовой системы государства, перешло в настоящее время на качественно новую ступень своего развития. Сохраняя свой комплексный характер, оно все отчетливее и явственнее подтверждает признаки самостоятельной отрасли права, в том числе благодаря значительному увеличению доли специальных военно-правовых актов.

Однако, несмотря на все многообразие и множественность принятых законов, гово-

рить о законченности урегулирования этой сферы общественной жизни все же представляется преждевременным. Можно сказать, что в настоящее время существуют различные уровни полноты урегулированности различных сфер военного законодательства. В то же время отсутствуют обширные правовые «белые пятна», характерные для рубежа 90-х и 2000-х гг.

Участники конференции особо отметили в своих выступлениях, что анализ законотворческой деятельности Государственной Думы в сфере законодательного обеспечения военного строительства за последние 10 лет показывает, что основным способом этой деятельности является принятие «точечных» законов, вносящих те или иные изменения и дополнения в базовые акты военного законодательства. Исключение составляют разве что Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им дополнительных выплат» от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ и Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ. Результатом такого механизма совершенствования военного законодательства является тот факт, что большинство законов, регулирующих сферу обороны и военной безопасности Российской Федерации, представляют собой в настоящее время не в полной мере упорядоченную совокупность норм разных законов, принятых в разное время по разным поводам, нередко – по соображениям политической конъюнктуры, в том числе предвыборной. Особо подчеркивалось, что под давлением внешних обстоятельств порядок разработки и принятия нормативных правовых актов в области строительства Вооруженных Сил Российской Федерации нередко принимает спонтанный характер.

Приводились примеры. Так, в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» за 14 лет его существования различного рода поправки были внесены 77 федеральными законами (получается, что в среднем Государственная Дума обращается к данному Закону каждые два месяца). Изменения и дополнения коснулись 54 из 65 статей названного Закона. Две статьи призна-

ны утратившими силу, в то же время Закон дополнен за эти годы 12 новыми статьями.

В еще большей мере был подвержен изменениям Федеральный закон «О статусе военнослужащих». Изменения и дополнения в него были внесены 56-тью федеральными законами, т. е. в среднем не менее четырех раз в год Государственная Дума «реконструирует» (изменяет) данный Закон. Изменения и дополнения затронули большую часть его статей (24 из 30), две из которых признаны утратившими силу. При этом, общий объем названного Закона вырос: в него включено 12 новых статей.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении иных законов, составляющих основу российского военного законодательства. Так, Федеральный закон «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ за 17 лет изменялся и дополнялся 15 федеральными законами (изменения затронули 16 из его 29 статей, 3 статьи признаны утратившими силу, Закон дополнен тремя новыми статьями). В Закон Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу...» от 12 февраля 1993 г. 4468-1 за 20 лет различного рода изменения и дополнения внесены 32 законами. Поправкам подверглись 48 из 65 статей данного Закона, при этом 5 статей из него исключены.

В докладе председателя Комитета по обороне В.П. Комоедова были определены насущные задачи совершенствования законодательного обеспечения обороны, вытекающие из правоприменительной практики. Кратко их можно сформулировать так:

1. Реализацию законов, регламентирующих деятельность “силовых” ведомств, необходимо постоянно поддерживать экономически, в материальном и финансовом отношении.

2. Необходимы постоянный мониторинг действующего законодательства и на его основе конкретизация и совершенствование ранее принятых законов, отдельные положения которых вошли в противоречие с жизнью и юридической практикой.

3. Поскольку возникают принципиально новые явления в сфере обороны и они оказываются за пределами правового поля, необ-

ходимо своевременно разрабатывать новые законы и подзаконные акты.

4. Периодически возникает необходимость устранения противоречий между содержанием законов, касающихся обороны, и содержанием законодательных актов, регламентирующих другие сферы жизни общества, позволяющих бюрократам манипулировать нестыковками в свою пользу.

5. Поскольку главным в военном деле был и остается человек, особое внимание необходимо уделять социальному блоку законодательных инициатив в области обороны.

Участники конференции, согласившись с направлениями совершенствования российского военного законодательства, высказали большое количество предложений, дополняющих и конкретизирующих предложения председателя Комитета по обороне. Особое внимание обращают на себя следующие.

Прежде всего, был поднят вопрос о необходимости кодификации военного законодательства. Высказывались различные мнения.

Например, о необходимости и целесообразности осуществить переиздание действующих федеральных законов в сфере военного государственного строительства не только с учетом изменений, уже внесенных в них на дату переиздания, но и планируемых изменений, что позволит привести действующее законодательство в соответствие с существующими реалиями и потребностями государства и общества, а также «выводить» из правового применения уже отжившие себя и часто усложняющие правовое регулирование как отдельные нормы законов, так и целые законодательные акты. Участникам конференции был предложен к обсуждению тезис, что переиздание указанных федеральных законов придаст им большее единообразие и системность, упорядоченность, современность изложения, удалит накопившиеся атавизмы, позволит закрепить в них все те значительные изменения в структуре и задачах военной организации государства, которые произошли за последние годы, а также даст возможность учесть новые тенденции политического, экономического и социального развития страны.

Одним из путей решения проблемы участниками конференции было предложено принятие единого свода законов, регулирующие вопросы военной безопасности, – Военного кодекса Российской Федерации. Его содержание должны составить действующие федеральные конституционные законы: «О военном положении»; «О чрезвычайном положении»; федеральные законы: «Об обороне»; «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»; «О воинской обязанности и военной службе»; «О статусе военнослужащих»; «Об альтернативной гражданской службе». Кроме того, в него должны быть включены федеральные законы, о необходимости, разработки которых неоднократно говорилось: «О Вооруженных Силах Российской Федерации»; «О военном строительстве в Российской Федерации»; «Об оперативном оборудовании территории Российской Федерации в интересах обороны» и др.

Особо отмечалось, что в полной мере, с учетом специфики воинских правоотношений, в законодательстве должны найти отражение вопросы противодействия коррупции в военной организации государства. Так, например, в системе прохождения военной службы до сих пор остается нереализованной такая важная мера противодействия коррупции, предусмотренная п. 5 ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, как необходимость обязательного учета при присвоении воинского звания военнослужащему такого критерия, как длительное, безупречное и эффективное исполнение им своих должностных обязанностей. В настоящее время при присвоении очередного воинского звания используется лишь один критерий – истечение срока выслуги в предыдущем воинском звании. Требуется также своего законодательного закрепления правовой институт разрешения конфликта интересов на военной службе (в настоящее время данный вопрос регулируется только применительно к государственной гражданской службе).

И в докладах, и в выступлениях подчеркивалась необходимость совершенствования понятийного аппарата, предлагалось осуще-

ствить работу по совершенствованию и законодательному закреплению понятийного аппарата в рассматриваемой области правового регулирования на основе принципов взаимовязанности и достаточности.

Так, основные правовые дефиниции, касающиеся национальной безопасности государства, на взгляд выступавших участников конференции, должны быть перемещены из Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года в Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ. В Федеральный закон «Об обороне» из Военной доктрины Российской Федерации должны быть перемещены определения понятий «военная опасность», «военная угроза» (внешняя и внутренняя), «военная организация государства», «военное планирование» и др. Кроме того, указанные законы должны быть дополнены и другими правовыми дефинициями, имеющими основополагающий характер.

Предлагалось продолжать работу по совершенствованию действующих нормативных правовых актов. В частности, отмечалось, что на законодательном уровне необходимо:

- нормативно установить целевое предназначение, структуру и задачи военной организации государства и ее составляющих, порядок управления ею; установить состав сил и средств обеспечения военной безопасности государства, их задачи и т. д.;

- определить главный руководящий орган в сфере обеспечения военной безопасности государства, осуществляющий управление военной организацией государства (государством) в военное время; установить его структуру, порядок формирования, основные задачи, порядок изменения его правового статуса при переходе страны от состояния мирного времени к состоянию военного времени и обратно;

- закрепить систему мер по обеспечению военной безопасности государства, разделив их по уровням: по предотвращению угроз, по подготовке к устранению угроз, по их устранению. Эта система должна включать меры военного и невоенного характера с разделением их на сферы деятельности. Меры нево-

енного характера, например, должны включать политические, правовые, экономические, социальные, информационные и другие направления деятельности. Систему мер по обеспечению военной безопасности необходимо изложить в зависимости от нахождения государства в состоянии мирного или военного времени, а также различных периодов угрозы агрессии;

– более подробно установить правовые и организационные основы использования Вооруженных Сил Российской Федерации, в частности за пределами территории Российской Федерации (в том числе при участии в мероприятиях стратегического сдерживания, боевой и оперативной подготовки, обеспечения безопасности экономической деятельности Российской Федерации в Мировом океане и др.);

– закрепить правовые основы организации военно-патриотического воспитания граждан и подготовки к военной службе, в том числе основы создания и функционирования общероссийской общественно-государственной организации и других общественных организаций содействия Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам.

В связи с изложенным отмечалось, что назревшей видится необходимость переработки Федерального закона «Об обороне», по сути, являющегося системообразующим нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере. Было высказано мнение, что поскольку название Закона не в полной мере отвечает сути той сферы правового регулирования, на которую он направлен, целесообразно изложить его наименование в следующей редакции: «Об обеспечении военной безопасности». Использование в названии Закона понятия «военная безопасность государства» предопределяет необходимость включения в него мер по защите государства от внутренних военных угроз. Ввиду этого альтернативным вариантом является применение в названии понятия «оборонная безопасность», что позволит выделить именно оборонную составляющую, т. е. защиту от внешних военных угроз, из понятия военной безопасности государства.

Участники конференции отметили необходимость продолжения развития международно-договорной базы и национального законодательства, регулирующих сферы военно-политического и военно-технического сотрудничества Российской Федерации и других стран. При этом, особое внимание необходимо уделить работе по дальнейшему совершенствованию нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы взаимодействия с союзными государствами, в частности в рамках Союзного государства и Организации Договора о коллективной безопасности. Унификация национального законодательства Беларуси и России – это обязательный и один из наиболее важных элементов интеграционного развития Союзного государства. Подчеркивалось, что необходима более эффективная координация действий министерств обороны государств-участников, в том числе при выработке единых подходов и подготовке предложений по сближению и унификации нормативно-правовой базы в области военного сотрудничества.

Предлагалось рассмотреть вопросы принятия отдельных законодательных актов России для устранения имеющихся пробелов в праве, в том числе определяющих основы военного строительства государства, строительства и применения Вооруженных Сил Российской Федерации, использования формирований Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации, функционирования военной полиции и др.

Докладчики, участники конференции неоднократно обращались к теме гражданского контроля над военной организацией государства.

Отмечалось, что имеющиеся правовые пробелы в сфере гражданского контроля над военной сферой и силовыми структурами государства обуславливают необходимость разработки и принятия федеральных законов «О гражданском контроле и управлении военной организацией и деятельностью в Российской Федерации» и «Об уполномоченном по делам военнослужащих». Было предложено на законодательном уровне закрепить контрольные полномочия Совета Федерации и Госу-

дарственной Думы по созданию парламентских комиссий по расследованию фактов нарушения прав и свобод военнослужащих, иных происшествий и правонарушений в органах военного управления. Также прозвучало предложение о целесообразности учреж-

дения должности Уполномоченного Государственной Думы по делам военнослужащих.

По итогам работы конференции к печати готовится сборник. Полные тексты всех выступлений уже сейчас можно найти на сайте Комитета по обороне в Интернете.

КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЗАКОНА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

В.М. Корякин, доктор юридических наук

С 1 января 2014 г. вступает в силу Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе), который придет на смену действующему Федеральному закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (далее – Закон о размещении заказов).

Сфера государственных закупок, в том числе для нужд обороны и военной безопасности, традиционно считается наиболее коррупциогенной областью общественных отношений. Уголовные дела, возбужденные в рамках расследования деятельности ОАО «Оборонсервис», – убедительное тому подтверждение. В значительной степени условия возникновения коррупционных отношений в рассматриваемой сфере стимулируются несовершенством действующего законодательства. Поэтому представляется весьма важным и актуальным проведение антикоррупционного анализа Закона о контрактной системе с применением Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 (далее – Методика).

Безусловно, в полной мере дать оценку Закону о контрактной системе станет возмож-

ным лишь тогда, когда будет наработана соответствующая правоприменительная, в том числе судебная, практика в данной сфере. Тем не менее, всеобъемлющий антикоррупционный анализ данного законодательного акта необходимо осуществить уже сегодня с тем, чтобы правоприменители могли заблаговременно предвидеть те возможные коррупционные риски, которые могут возникнуть при его реализации.

Приступая к антикоррупционной экспертизе Закона о контрактной системе, прежде всего, обратим внимание на то обстоятельство, что в данном Законе имеется весьма значительное число отсылочных норм, что ставит его реализацию в зависимость от других, в том числе подзаконных, нормативных правовых актов. В настоящее время в Правительстве Российской Федерации, в заинтересованных федеральных органах исполнительной власти развернута масштабная работа по исполнению разработанного Минэкономразвития России Плана мероприятий по реализации Закона о контрактной системе. Указанный План включает 86 позиций. В 2013 – 2015 гг. предстоит разработать и принять 53 акта Правительства Российской Федерации (37 из них – в 2013 г.), а также 14 правовых актов ведомственного уровня.

Коррупциогенность рассматриваемого фактора, связанного с высокой степенью зависимости законодательного акта от системы подзаконных актов, заключается в том, что согласно сложившейся порочной практике создание всеобъемлющей системы подза-

конных актов по реализации вновь принятого закона нередко затягивается не то что на месяцы, но иногда на годы. Отсутствием соответствующего нормативного акта, неопределенностью правил поведения должностных лиц поощряется принятие ими индивидуальных решений, полностью зависящих от их субъективной воли и усмотрения. Именно в этом и заключается опасность возникновения различных коррупционных схем.

Любопытно заметить, что в ранее действовавшей Методике проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 196, правовые пробелы, свидетельствующие об отсутствии правового регулирования некоторых вопросов, рассматривались в качестве самостоятельного коррупциогенного фактора. В ныне действующей Методике о таком коррупциогенном факторе не упоминается, однако это никоим образом не устраняет опасность возникновения коррупционных отношений в сфере госзакупок, связанных с отсутствием соответствующего правового регулирования тех или иных вопросов. Более того, данное обстоятельство – наличие в Законе о контрактной системе большого числа норм, ссылающихся на подзаконные акты, полностью подпадает под такой коррупциогенный фактор, предусмотренный действующей Методикой, как *«чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества»* – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти, принявшего первоначальный нормативный правовой акт.

Анализ текста Закона о контрактной системе свидетельствует о том, что наиболее часто в нем встречаются такие коррупциогенные факторы, как *«определение компетенции по формуле «вправе»* – диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти (их должностны-

ми лицами) действий в отношении граждан и организаций, а также *«юридико-лингвистическая неопределенность»* – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Так, например, согласно ч. 12 ст. 22 Закона о контрактной системе заказчику предоставляется право применять иные, чем предусмотренные Законом¹, методы определения начальной (максимальной) цены контракта «в случае невозможности их применения». В данном случае на заказчика возлагается обязанность включить в обоснование цены «обоснование невозможности применения» указанных методов.

Как представляется, данные нормы предоставляют заказчику широкое поле для действий по своему усмотрению, поскольку Закон о контрактной системе не уточняет, что понимается под «иными методами определения начальной (максимальной) цены контракта», а также не конкретизирует, каким образом заказчик должен «обосновать невозможность» применения методов, установленных Законом. В связи с этим вполне реальны ситуации, когда недобросовестный заказчик, пользуясь указанными весьма неопределенными нормами, будет самостоятельно, в угоду личным корыстным интересам определять начальные цены закупаемых товаров, работ и услуг, включая в них расходы на ожидаемый «откат».

В Законе о контрактной системе имеет место и такой коррупциогенный фактор, как *«выборочное изменение объема прав»* – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти (их должностных лиц). Наглядным подтверждением этого может служить норма, предусмотренная ч. 2 ст. 32 Закона, в которой содержится целый «букет» исключений из общих правил оценки заявок на участие в процедурах отбора поставщиков, подрядчиков и исполнителей.

Согласно данной норме при проведении запроса предложений заказчик вправе:

¹ К числу таких методов относятся: 1) метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка); 2) нормативный метод; 3) тарифный метод; 4) проектно-сметный метод; 5) затратный метод.

– не применять предусмотренные законом критерии оценки заявок²;

– устанавливать по своему усмотрению не предусмотренные Законом о контрактной системе критерии оценки заявок, окончательных предложений, их величины значимости;

– не применять установленные Законом величины значимости критериев.

Еще одно исключение из общих правил для рассматриваемого способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) установлено ч. 1 ст. 36 Закона о контрактной системе: при запросе предложений заказчик не вправе отменить конкурентные процедуры, в то время как в отношении конкурса, аукциона и запроса котировок такая возможность предусмотрена.

Коррупционный потенциал таких весьма серьезных исключений из общих правил в определенной степени ограничивается исчерпывающим перечнем случаев применения данного способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) (ч. 2 ст. 83 Закона о контрактной системе), однако нет никаких гарантий того, что недобросовестные представители заказчика не попытаются из легальной возможности отступления от общих правил извлечь определенную корыстную выгоду для себя и иных лиц.

Серьезные коррупционные риски содержит, на наш взгляд, предусмотренное ч. 15 ст. 34 Закона о контрактной системе право заказчика заключить договор с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в устной форме в порядке и на условиях, которые установлены ГК РФ.

Применение устной сделки при госзакупках Закон о контрактной системе допускает в следующих случаях:

1) осуществление закупки товара, работы или услуги на сумму, не превышающую 100 тыс. руб.;

2) заключение контракта на посещение зоопарка, театра, кинотеатра, концерта, цирка, музея, выставки или спортивного мероприятия;

3) осуществление закупок лекарственных препаратов, которые предназначены для на-

значения пациенту при наличии медицинских показаний (на сумму, не превышающую 200 тыс. руб.).

При этом, в Законе о контрактной системе содержится оговорка о том, что к договору, заключенному в устной форме, могут не применяться требования, связанные с ответственностью заказчика и поставщика.

В рассматриваемом случае одновременно действуют три коррупционных фактора, предусмотренных Методикой: «широта дискреционных полномочий»; «определение компетенции по формуле «вправе»; «отказ от конкурсных (аукционных) процедур».

Да и вообще, по нашему мнению, при совершении сделки юридическим лицом, каковым является государственный заказчик, понятие «устная форма сделки» носит весьма условный характер. В любом случае факт закупки заказчиком товара, работы, услуги и их оплаты должен подтверждаться письменным документом – кассовым чеком, платежным поручением и т. п. Иначе каким образом можно вести учет и контроль произведенных закупок, а также бухгалтерскую отчетность?

Как представляется, нормативно закрепив возможность совершения государственных закупок в устной форме, законодатель заложил серьезную «коррупционную мину» в систему госзакупок. Государственные заказчики получили легальную возможность производить закупки товаров, работ и услуг без документального оформления таких сделок (правда, в пределах установленного лимита: согласно ст. 93 Закона о контрактной системе одна такая закупка не должна превышать 100 тыс. руб., а совокупный годовой объем закупок, которые заказчик вправе осуществить по данной схеме, не должен превышать 5 процентов размера средств, предусмотренных на осуществление всех закупок заказчика в соответствии с планом-графиком, и должен составлять не более чем 50 млн. руб.). Но даже и этого лимита вполне достаточно для того, чтобы чиновники военной организации-закупщика без особого риска улучшали свое личное благосостояние.

² Таковыми критериями являются: 1) цена контракта; 2) расходы на эксплуатацию и ремонт товаров, использование результатов работ; 3) качественные, функциональные и экологические характеристики объекта закупки; 4) квалификация участников закупки.

Ярким проявлением такого коррупциогенного фактора, как «широта дискреционных полномочий», т. е. отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, а также фактора «отсутствие или неполнота административных процедур», т. е. отсутствие порядка совершения органами государственной власти (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка, являются нормы, содержащиеся в ст. 36 Закона о контрактной системе. Данной статьей предусмотрена возможность отмены заказчиком процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя) по одному и более лоту, за исключением проведения запроса предложений, не позднее чем за пять дней до даты окончания срока подачи заявок на участие в конкурсе или аукционе либо не позднее чем за два дня до даты окончания срока подачи заявок на участие в запросе котировок.

В указанной статье Закон о контрактной системе достаточно подробно регламентирует порядок извещения участников закупки, подавших заявки, о принятии решения об отмене определения поставщика (подрядчика, исполнителя), о размещении данного решения в единой информационной системе и некоторые другие связанные с этим вопросы. Отсутствует только главное: Закон умалчивает о том, что может послужить основанием для принятия такого серьезного решения, полностью отдавая этот вопрос на усмотрение заказчика. Не указывает Закон и то, кто правомочен принимать такое решение: соответствующее должностное лицо организации-заказчика или же коллегиальный орган – комиссия по осуществлению закупок.

Коррупционный риск данной ситуации заключается в том, что заказчик имеет законодательное право в любой момент по своему субъективному усмотрению и без объяснения причин отказаться от проведения конкурентных процедур по выбору поставщика (подрядчика, исполнителя). Поводом для такого отказа в числе прочих может быть, например, ситуация, когда нужная организация, от которой чиновник ожидает получить «откат», не успевает подготовить необходимые доку-

менты для участия в конкурсе или аукционе, когда ситуация на объявленных торгах складывается явно не в пользу фирмы-фаворита и т. п. Путем отмены объявленных торгов заказчик дает возможность такой организации более тщательно подготовиться к участию в конкурентных процедурах, может принять дополнительные меры к тому, чтобы именно этот участник размещения заказа стал победителем, либо в последующем применить иной способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Подобные случаи встречаются на практике. Так, автору настоящей статьи известен факт, когда до конкурсной комиссии, членом которой он являлся, было доведено решение соответствующего руководителя органа военного управления об отмене объявленного открытого конкурса на оказание информационных услуг. Причина не объяснялась, однако всем было вполне понятно, что мотивом принятия такого решения было то, что организация, на которую «делал ставку» данный руководитель, на фоне других организаций, подавших заявку, выглядела явно проигрышно и шансы стать победителем у нее были минимальны. В последующем данный заказ был разбит на части и выставлен на торги методом запроса котировок (такая практика в те годы – а происходило это в первой половине 2000-х гг., еще до принятия Закона о размещении заказов, – была довольно распространенным явлением). В одном из запросов котировок победителем оказалась та самая фирма, о которой так пекся чиновник, т. е. часть общего «бюджетного пирога» ей все же досталась.

В связи с изложенным для минимизации коррупционных рисков и нейтрализации рассматриваемого коррупциогенного фактора представляется целесообразным дополнить ст. 36 Закона о контрактной системе нормой, содержащей исчерпывающий перечень оснований для отмены заказчиком конкурентных процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя), а также нормой о том, что полномочия по принятию таких решений принадлежат исключительно комиссии по осуществлению закупок.

Предусмотренный Методикой коррупциогенный фактор «отказ от конкурсных (аук-

ционных) процедур» применительно к Закону о контрактной системе находит свое выражение в его нормах, предусматривающих возможность в отдельных случаях осуществлять закупки товаров, работ и услуг у единственного поставщика, т. е. без применения конкурентных процедур.

Следует отметить, что в специальной литературе имеются диаметрально противоположные оценки данного явления. Так, известный специалист в области госзакупок А.А. Храбкин однозначно относит увеличение количества контрактов, заключенных с единственным поставщиком, к числу серьезных проблем сложившейся в России системы закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд³. Специалисты же, например, Федерального космического агентства (Роскосмоса), наоборот, относят к числу своих заслуг тот факт, что указанный федеральный орган исполнительной власти «...стремится к расширению списка единственных исполнителей с тем, чтобы уйти от конкурсных процедур и не создавать условий для откатов и иных негативных моментов, связанных с коррупцией чиновников либо лиц, предлагающих свои услуги для реализации заказа»⁴.

Как представляется, чрезмерное увлечение закупками у единственного поставщика однозначно создает условия для коррупции. Эта форма госзакупок должна носить исключительный характер и применяться только в строго определенных законом случаях. Законом о контрактной системе в ст. 93 предусмотрено 28 случаев закупки товаров (работ, услуг) у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), что, по нашему мнению, является избыточным и не соответствующим мировой практике. Поэтому следует согласиться с экспертным суждением о том, что в мире существует 5 – 6 общих стандартных условий, допускающих закупки у единственного поставщика: заведомо один источник; срочная закупка; чрезвычайная закупка; до-

полнительная закупка; некоторые секретные закупки. В проекте закона о контрактной системе опять воспроизводится неполный набор из двух-трех десятков частных случаев, которые потом будут без конца дополняться⁵.

Коррупциогенность закупок у единственного поставщика убедительно подтверждает печальный опыт деятельности ОАО «Оборонсервис». В 2009 – 2012 гг. данной коммерческой структуре при активном лоббировании ее интересов прежним руководством Минобороны России удалось добиться издания 8 распоряжений Правительства Российской Федерации, определяющих структуру ОАО «Оборонсервис» единственными поставщиками товаров и исполнителями работ⁶. Наличие статуса единственного поставщика и отсутствие здоровой конкуренции позволило аффилированным структурам ОАО «Оборонсервис», особо не заботясь о качестве поставляемой продукции и предоставляемых услуг, получать стабильное финансирование из бюджета Минобороны России и извлекать из этого немалую прибыль, причем большинство услуг и товаров поставлялись по явно завышенным ценам.

Определенные коррупционные риски имеют место в нормах Закона о контрактной системе, регулирующих антидемпинговые⁷ меры при проведении конкурсов и аукционов (ст. 37). Целесообразность введения в отечественное законодательство данного правового института оценивается специалистами неоднозначно, при этом высказываются различные точки зрения. Так, директор Департамента федеральной контрактной системы Минэкономразвития России О.В. Анчишкина в интервью в сентябре 2011 г. указывала, что «демпинг... – страшная беда для госзаказа. ...Велика вероятность, что ...у исполнителя контракта будет песок вместо цемента и гас-тарбайтеры вместо квалифицированных ра-

³ Храбкин А.А. Федеральная контрактная система: существующие проблемы закупок и пути их решения // Государственные и муниципальные закупки – 2012: сб. докладов. М., 2013. С. 216.

⁴ Воры в мундирах и пиджаках // Военно-промышленный курьер. 2013. № 19.

⁵ Смирнов В.И. Проект ФКС: пока прыжок на месте // Государственные и муниципальные закупки - 2012. С. 363.

⁶ Более подробно об этом см.: Корякин В.М. Ненавязчивый «оборонный сервис»: об экономических последствиях аутсорсинга в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 2.

⁷ Демпинг (англ. dumping букв. сбрасывание) – продажа товаров по низким ценам (иногда ниже издержек производства) в целях устранения конкурентов и захвата рынков (Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 187).

бочих»⁸. Напротив, начальник управления и контроля размещения государственного заказа ФАС России М.Я. Евраев в феврале 2012 г. заявлял, что проблемы демпинга в госзакупках «просто нет. Ведь если произошло значительное снижение цен на торгах и при этом контракт исполнен качественно, то мы все должны говорить не о проблеме демпинга, а только радоваться полученному результату и новым возможностям по закупке товаров, работ или услуг». По мнению указанного должностного лица, «предлагаемое решение устраняет стимулы для ценовой конкуренции и создает дополнительные возможности для злоупотреблений как со стороны заказчиков, так и со стороны недобросовестных компаний»⁹.

В норме, предусмотренной ч. 9 ст. 37 Закона о контрактной системе, по нашему мнению, имеют место признаки двух коррупционных факторов, предусмотренных Методикой: «наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права», т. е. установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям, и «злоупотребление правом заявителя органами государственной власти (их должностными лицами)» – отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций.

Проявление первого из указанных факторов видится в том, что исполнение участником закупки предусмотренной рассматриваемой нормой обязанности представить заказчику обоснование предлагаемой цены контракта в форме гарантийного письма от производителя с указанием цены и количества поставляемого товара на практике весьма затруднительно, а то и вовсе невозможно. Дело в том, что ни одним правовым актом не предусмотрена обязанность производителя выдавать кому-либо из покупателей своей продукции какие-либо гарантийные письма. Кроме того, следует учитывать и встречающуюся у некоторых производителей практи-

ку раздела рынка, в связи с чем отдельные участники закупки могут и вовсе не рассчитывать на получение каких-либо гарантийных писем от производителей.

С учетом изложенного имеются все основания предполагать, что большинство участников процедур закупки воспользуются предоставленной законодателем возможностью представить вместо гарантийного письма производителя «иные документы и расчеты, подтверждающие возможность участника закупки осуществить поставку товара по предлагаемой цене» (ч. 9 ст. 37 Закона).

В данном случае найдет свое проявление коррупционный фактор «злоупотребление правом заявителя органами государственной власти (их должностными лицами)», поскольку, как справедливо указывает А.А. Федоров, тут оставлен полный простор для фантазии участников закупки. Следуя букве закона, участник процедуры закупки может представить абсолютно любой документ, и у комиссии по осуществлению закупок и заказчика нет иной возможности, кроме как удовлетвориться представленным объяснением. Также надо принять во внимание то, что согласно тексту рассматриваемой нормы документ должен подтверждать возможность поставить товар, а не экономическую целесообразность или прибыльность такой сделки; само наличие товара у участника закупки уже должно означать, что он может поставить этот товар по любой цене, поскольку с точки зрения гражданского законодательства отсутствуют запреты на продажу товара по цене ниже закупочной цены или даже ниже себестоимости производства товара¹⁰.

Завершая анализ Закона о контрактной системе на предмет наличия в нем коррупционных норм, еще раз отметим, что изложенные выше соображения носят лишь прогностический характер, поскольку в полной мере коррупционность того или иного нормативного правового акта можно оценить только в процессе его практического применения.

⁸ Цит. по: Федоров А.А. Антидемпинговые меры в законодательстве о федеральной контрактной системе // Государственные и муниципальные закупки - 2012. С. 208.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 210 – 211.

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ГРАЖДАНАМИ СРЕДСТВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА, ЗАТРАЧЕННЫХ НА ИХ ВОЕННУЮ (СПЕЦИАЛЬНУЮ) ПОДГОТОВКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСБ РОССИИ (ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)*

А.В. Завальнюк, адъюнкт Пограничной академии ФСБ России

В конце XX – начале XXI вв. сложилась ситуация, когда средства федерального бюджета тратились на обучение отдельных граждан в военных образовательных учреждениях, которые изначально не планировали проходить военную службу. Количество выпускников, уволившихся в запас в течение пяти лет после выпуска, достигло критических показателей и по отдельным ВВУЗам составляло 50 % и более¹. Молодые офицеры, не неся ответственности за вложенные в их обучение средства, добивались увольнения в запас в основном по «отрицательным» статьям.

В целях повышения эффективности бюджетных расходов был разработан проект федерального закона № 285665-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» в части, касающейся поступления граждан на военную службу по контракту», который определял комплекс мер по закреплению молодых военных специалистов на военной службе после окончания военных образовательных учреждений².

Одной из таких мер стало включение в контракт о прохождении военной службы условия

об обязанности гражданина возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную или специальную подготовку в случае отчисления из военного образовательного учреждения или увольнения с военной службы ранее установленного контрактом срока³.

Комитетом Государственной Думы по обзору законопроект был рассмотрен в целом положительно, вместе с тем, в его заключении был указан ряд недостатков, например, что «законопроект не позволяет установить, к какому виду юридической ответственности относится возмещение средств федерального бюджета, затраченных на военную или специальную подготовку лиц, обучающихся в военных образовательных учреждениях профессионального образования: гражданско-правовой ответственности, материальной ответственности военнослужащих, административной ответственности»⁴. Это, в свою очередь, порождало неопределенность в установлении механизма возмещения средств.

Одной из первых попыток установить материальную ответственность курсантов, отчисленных из военных образовательных уч-

* Мнение редакции может не совпадать с мнением автора, изложенным в настоящей статье.

¹ Чернышов А.В. Военное образование: «бесплатного сыра» не будет // Ваш бюджетный учет. 2007. № 8.

² Проект федерального закона № 285665-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» (окончательная редакция, принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 14 июня 2006 г.).

³ Пункт 7 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ.

⁴ Заключение Комитета по обороне от 18 апреля 2006 г. № 104/1.2 на проект федерального закона № 285665-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» в части, касающейся поступления граждан на военную службу по контракту».

реждений, и военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в случае их досрочного увольнения с военной службы была ст. 12 проекта федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» 1997 г., в соответствии с которой в случае досрочного увольнения военнослужащего с военной службы или отчисления курсанта из военного образовательного учреждения они возмещают полученные ими средства на первоначальное обзаведение, стоимость выданного им в пользование обмундирования с учетом степени износа по установленным нормам, а также денежные средства, полученные ими в порядке финансовой помощи на приобретение (строительство) жилья⁵.

Однако бывший в то время Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельцин в своем письме «Об отклонении Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», указал, что возмещение затрат при досрочном увольнении военнослужащего с военной службы (отчислении курсанта из военного образовательного учреждения профессионального образования) не относится к предмету регулирования указанного Федерального закона. Ввиду отсутствия двух из основных условий материальной ответственности – реального ущерба и противоправности действий – такое возмещение затрат не может являться материальной ответственностью; кроме того, по смыслу оно не требует проведения служебного расследования и нуждается в выработке самостоятельного механизма его осуществления⁶.

В рамках Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ возмещение средств за военную (специальную) подготовку также не может быть реализовано, так как нет факта причинения имущественного ущерба при исполнении обязанностей военной службы (т. е. утраты или повреждения имущества воинской части). В положениях статей данного Закона «Ограниченная материальная ответ-

ственность военнослужащих» и «Полная материальная ответственность военнослужащих» не предусмотрено оснований, по которым гражданин обязан возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную (специальную) подготовку.

Согласно же указанному Заключению Комитета по обороне «отнесение возмещения средств за военную (специальную) подготовку к категории «возмещение вреда» и то, что вред нанесен не при исполнении служебных обязанностей и не в связи с исполнением служебных обязанностей, переводят возникшие правоотношения в сферу гражданско-правовых отношений»⁷.

Исходя из вышесказанного и анализа видов юридической ответственности, можно сделать вывод о том, что правоотношения по возмещению гражданами средств федерального бюджета за военную (специальную) подготовку должны регулироваться нормами гражданского законодательства, в частности в рамках гражданско-правовой ответственности.

Гражданско-правовая ответственность как разновидность юридической ответственности была предметом научного анализа в трудах многих известных ученых-правоведов.

Изучение теории гражданско-правовой ответственности позволяет сделать следующие выводы:

1) необходимо разграничивать «ответственность» и «обязанность должника» независимо от того, выполняется эта обязанность принудительно или добровольно. Ответственность же предусматривает какие-либо неблагоприятные последствия (имущественные, моральные) для лица, которое не выполнило взятые на себя обязательства. Закон четко разграничивает исполнение обязанности и ответственность за неисполнение как самостоятельные, хотя и причинно связанные правовые категории. Например, на основании гл. 25 ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательств» ответственность наступает за

⁵ Проект федерального закона № 96700511-2 «О материальной ответственности военнослужащих» (окончательная редакция, принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 20 марта 1997 г.).

⁶ Письмо Президента Российской Федерации «Об отклонении Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» от 21 апреля 1997 г. № Пр-592.

⁷ Заключение Комитета по обороне от 18 апреля 2006 г. № 104/1.2 на проект федерального закона № 285665-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» в части, касающейся поступления граждан на военную службу по контракту».

неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанности (ст. 393 ГК РФ);

2) в научных кругах сложилось понимание гражданско-правовой ответственности, представляемой в виде: надлежащего исполнения обязанностей; обязанности дать отчет в своих действиях; государственного принуждения; обязанности нести дополнительные неблагоприятные последствия правонарушителем, а также возможности применения санкции за правонарушение.

Гражданско-правовая ответственность обладает рядом *особенных признаков*, которые позволяют *отличать ее* от других видов юридической ответственности. Эти особенности присущи и правоотношениям по возмещению средств федерального бюджета за военную (специальную) подготовку.

Во-первых, гражданско-правовая ответственность носит имущественный характер. Это обусловлено регулированием гражданским правом имущественных отношений с использованием товарно-денежной формы⁸, где имущество является одним из объектов гражданских прав⁹. Средства федерального бюджета, они же «деньги»¹⁰, относятся к сфере гражданских правоотношений, в частности к объектам отношений, носящим возмездный характер¹¹. Денежные средства, полученные потерпевшим в возмещение вреда, дают ему возможность удовлетворить свои имущественные потребности, которые он не смог удовлетворить в результате правонарушения.

Таким образом, возмещая расходы за военную (специальную) подготовку, гражданин дает возможность восстановить имущество или материальные средства, затраченные на его обучение, что позволяет сделать вывод о том, что правоотношение по возмещению средств федерального бюджета за военную (специальную) подготовку носит имущественный характер.

Во-вторых, нарушитель обязан перед потерпевшим, а не перед государством. Так, при

привлечении гражданина к уголовной или административной ответственности имущественные санкции (штраф, конфискация имущества), применяемые к правонарушителю, взыскиваются в пользу государства. Имущественные санкции, применяемые к правонарушителю в порядке гражданско-правовой ответственности, взыскиваются в пользу потерпевшего с целью устранить негативные последствия правонарушения.

Вместе с тем, гражданин, возмещая ущерб федеральному органу исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба, несет обязанность и перед государством, так как в соответствии с Постановлением Верховного Совета Российской Федерации «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «имущество... органов безопасности относится исключительно к федеральной государственной собственности».

В-третьих, размер гражданско-правовой ответственности, как правило, соответствует размеру причиненного вреда. Так, согласно ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный имуществу юридического лица (в нашем случае – федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба), подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Повышенный же размер ответственности может быть предусмотрен в отдельных случаях законом или договором (ст. 1084 ГК РФ).

Следует отметить, что в настоящее время суммы, которые вносятся в контракт о прохождении военной службы курсантов (слушателей), не отражают всей полноты расходов на их подготовку¹².

⁸ Пиляева В.В. Гражданское право. Части общая и особенная: учеб. 3-е изд., стер. М., 2009. С. 10.

⁹ Там же. С. 104.

¹⁰ Там же. С. 833.

¹¹ Гражданское право: учеб. Ч. 1. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 214.

¹² Справка об утвержденных фиксированных значениях для расчета суммы средств федерального бюджета, подлежащих возмещению, затраченных на военную или специальную подготовку курсантов в МПИ ФСБ России на 2012/2013 учебный год (по материалам ФЭО МПИ ФСБ России).

Курсант (слушатель) возмещает средства федерального бюджета, которые выделяются на его подготовку, в частности на реализацию квалификационных требований к военной и специальной подготовке выпускников образовательных учреждений по соответствующим специальностям (направлениям) и специализациям за период обучения по очной форме¹³.

Для определения фиксированного значения суммы подлежащих возмещению средств образовательные учреждения рассчитывают:

а) расходы на содержание и эксплуатацию, ремонт и обслуживание специальной учебной материально-технической базы;

б) расходы на приобретение материальных запасов;

в) расходы на содержание преподавателей (оклад месячного денежного содержания и процентная надбавка за выслугу лет, вещевое обеспечение – для военнослужащих, оплата труда – для лиц гражданского персонала), которые проводят учебные занятия по учебным дисциплинам в соответствии с квалификационными требованиями.

Однако в период обучения средства федерального бюджета тратятся и на преподавателей, которые проводят учебные занятия, например, по иностранному языку или филологии. Денежные средства тратятся и на проведение практик (стажировок), но они также не учитываются в представленной выше структуре расходов.

По мнению автора, расходы должны возмещаться за *обучение*, а не только за *военную (специальную) подготовку*. Только тогда можно говорить о *полном возмещении* расходов за обучение¹⁴, как этого требуют не только новеллы Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹⁵, но и нормы гражданского права о полном возмещении убытков (ст. 15 ГК РФ), что также указывает на гражданско-правовой характер отношений по возмещению средств федераль-

ного бюджета за военную (специальную) подготовку (ст. 1064 ГК РФ).

В-четвертых, гражданско-правовая ответственность допускает возможность добровольно устранить негативные последствия самим причинителем вреда¹⁶. Это положение выражается в том, что гражданин (военнослужащий), отчисленный из образовательного учреждения федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба, имеет право добровольно возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную (специальную) подготовку.

В-пятых, для гражданско-правовой ответственности характерно не всякое государственное принуждение, а только принуждение к несению отрицательных имущественных последствий, возникающих в связи с неисполнением, ненадлежащим исполнением обязанности из договора или из причинения внедоговорного вреда.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, ответственность не всегда связана с санкцией, например, в случае добровольного возмещения вреда лицом его причинившим (т. е. когда гражданин добровольно возместил денежные средства за его обучение).

В-шестых, возможность наступления ответственности за безвиновные действия.

Если в ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» содержится условие о том, что военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб, то в гражданском законодательстве по общему правилу вина является лишь условием, но не мерой ответственности¹⁷.

Гражданин в ходе обучения использовал учебно-методическую тренировочную базу и расходовал материальные ресурсы для получения знаний, совершенствования умений и навыков и не желал наступления негативных последствий для учебно-материальной базы

¹³ Приказ ФСБ России «Об утверждении Методик расчета стоимости износа основных средств, стоимости расхода материальных запасов и расходов на содержание преподавателей, включаемых в состав расходов, затраченных на военную или специальную подготовку граждан Российской Федерации в образовательных учреждениях ФСБ России» от 1 апреля 2009 г. № 125.

¹⁴ Результаты проведенного автором опроса показали, что 57% респондентов выступают за введение полного возмещения расходов за обучение в образовательных учреждениях ФСБ России.

¹⁵ Пункт 7 ст. 56 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

¹⁶ Например, предоставить вещь того же рода и качества или возместить причиненные убытки в соответствии со ст. 1082 ГК РФ.

¹⁷ Гражданское право: учеб. Ч. 1. С. 577.

(например, утраты или повреждения). Соответственно вины в действиях гражданина нет. Вместе с тем, на его обучение расходовались средства федерального бюджета, и поэтому при наступлении оснований, указанных в п. 7 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (например, отчисление курсанта по недисциплинированности), он обязан возместить расходы за его военную (специальную) подготовку.

Указанное положение соответствует нормам п. 2 ст. 1064 ГК РФ, который говорит о возможности наступления гражданско-правовой ответственности и при отсутствии вины причинителя вреда.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1) правоотношения по возмещению гражданами Российской Федерации средств федерального бюджета за их военную (специальную) подготовку не могут регулироваться нормами Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», так как нет факта причинения имущественного ущерба при исполнении обязанностей военной службы (т. е. утраты или повреждения имущества воинской части) и вины военнослужащего;

2) в целях введения полного возмещения средств федерального бюджета целесообразно осуществить замену термина «военная или

специальная подготовка» на термин «обучение».

Введение возмещения средств федерального бюджета за обучение позволит привлекать к возмещению расходов не только курсантов (слушателей), но и такие категории военнослужащих, как слушатели, имеющие воинское звание офицера, адъюнкты (докторанты), магистранты в случаях их отчисления из образовательных учреждений (например, по неуспеваемости) или увольнения с военной службы ранее установленного контрактом срока.

Рассмотрев взгляды теоретиков гражданского права, можно сделать вывод, что гражданско-правовая ответственность может выражаться в виде обязанности возмещения гражданами Российской Федерации средств федерального бюджета за их военную (специальную) подготовку, что прямо и указано в положениях контракта о прохождении военной службы.

Таким образом, данные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что правоотношения по возмещению гражданами Российской Федерации средств федерального бюджета, затраченных на их военную (специальную) подготовку, носят гражданско-правовой характер и должны регулироваться нормами не только военного, но и гражданского законодательства.

Информация

В Московской области за представление фиктивных документов об обучении в ВУЗе осужден офицер

Собранные военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Краснознаменскому гарнизону доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора инженеру войсковой части старшему лейтенанту Б. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем обмана).

Судом установлено, что в 2011-2012 годах командование части помимо 2 основных отпусков, общей продолжительностью 66 суток, предоставило Б. еще 4 учебных отпуска общей продолжительностью 154 суток. Основаниями для предоставления последних являлись рапорты военнослужащего и прилагаемые к ним фиктивные справки-вызовы сначала из негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования (далее – ВПО) «Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт», расположенного в городе Ставрополе, а затем из Махачкалинского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения ВПО «Московский государственный открытый университет». Как сообщил офицер, в конце 2011 года он решил перевестись из коммерческого в государственное учебное заведение. Между тем установлено, что в указанные учебные заведения офицер никогда не поступал и там не обучался, во время учебных отпусков в ВУЗы не прибывал, а находился по месту жительства своих родителей.

По факту предоставления военнослужащему учебных отпусков в 2011 году уголовное дело в отношении Б. прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – т.е. за истечением сроков давности уголовного преследования. За совершение преступлений в 2012 году приговором суда Б. назначено наказание в виде ограничения по службе сроком на 1 год с удержанием в доход государства 15 % денежного содержания осужденного.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ПО КОНТРОЛЮ КАЧЕСТВА ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ, ПОСТАВЛЯЕМОЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБОРОННОМУ ЗАКАЗУ

Е. А. Свиных, кандидат юридических наук, доцент

Качество вооружения и военной техники (далее – ВиВТ), безусловно, является одним из основных факторов, влияющих на боеспособность любой армии. В последние годы стали нарастать проблемы снижения качества ВиВТ российского производства. Так, из средств массовой информации известно, что только подразделениями Минобороны России в 2010 г. было подготовлено 6 889 рекламаций на поставленную продукцию, что на 20 % больше, чем в 2009 г. А за 2011 г. рекламационных документов подготовлено уже 7 119, что на 3 % больше, чем в 2010 г.¹ В 2011 г. военные представительства 336 раз приостанавливали приемку финальной продукции военного назначения. За первое полугодие 2012 г. таких фактов было уже 188². Данные обстоятельства позволяют сделать вывод об ухудшении качества закупаемой в рамках государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) военной продукции. Оставляя за рам-

ками исследования причины сложившегося положения дел, хотелось бы остановиться на вопросе контроля представительствами государственного заказчика качества военной продукции, под которым понимается контроль количественных и (или) качественных характеристик свойств продукции³.

Контроль качества направлен на предотвращение приемки военной продукции, не соответствующей предъявляемым требованиям. Особые требования, предъявляемые к качеству военной продукции, закреплены в ст. 5 Федерального закона «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (далее – Закон о техническом регулировании). В частности, в ч. 1 указанной статьи определено, что в отношении оборонной продукции⁴ (работ, услуг), поставляемой по ГОЗ, обязательными требованиями, наряду с требованиями технических регламентов, являются:

¹ Пресс-конференция первого заместителя Министра обороны Российской Федерации Александра Сухорукова [Электронный ресурс]. URL: http://function.mil.ru/for_media/press_conferences/detail.htm?id=10917821@morfPressConferenceNew (дата обращения: 14.07.2013).

² Много претензий к поставщикам // Военно-промышленный курьер. 2012. № 32. С. 1.

³ Пункт 3 Положения об особенностях оценки соответствия оборонной продукции (работ, услуг), поставляемой по государственному оборонному заказу, процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации, утилизации и захоронения указанной продукции, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 11 октября 2012 г. № 1036 (далее – Положение об особенностях оценки соответствия оборонной продукции). См. также: ГОСТ 16504-81. Межгосударственный стандарт. Система государственных испытаний продукции. Испытания и контроль качества продукции. Основные термины и определения. М., 2001.

⁴ Военная продукция представляет собой разновидность оборонной продукции. Она составляет часть оборонной продукции, которая разрабатывается, производится, эксплуатируется, утилизируется и захоранивается в соответствии с обязательными требованиями в области технического регулирования, установленными государственными заказчиками ГОЗ и уполномоченными федеральными органами исполнительной власти (подп. «б» п. 3 Положения об особенностях стандартизации оборонной продукции (работ, услуг), поставляемой по государственному оборонному заказу, продукции (работ, услуг), используемой в целях защиты сведений, составляющих государственную тайну или относимых к охраняемой в соответствии с законодательством Российской Федерации иной информации ограниченного доступа, продукции (работ, услуг), сведения о которой составляют государственную тайну, а также процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации, утилизации и захоронения указанной продукции, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2009 г. № 822.

а) требования, установленные государственными заказчиками, а также федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными в области обеспечения безопасности, обороны, внешней разведки, противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, государственного управления использованием атомной энергии, государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии⁵, и (или)

б) государственными контрактами (договорами).

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 5 Закона о техническом регулировании Правительство Российской Федерации наделено правом установления особенностей стандартизации оборонной продукции (работ, услуг), поставляемой по ГОЗ.

Одной из особенностей контроля качества военной продукции является привлечение к этой деятельности военных представительств⁶. Основное целевое предназначение военных представительств состоит в исполнении обязанностей государственного заказчика ГОЗ, определенных пп. 11 и 12 ст. 7 Федерального закона «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (далее – Закон о ГОЗ) и состоящих в осуществлении контроля качества товаров (работ, услуг), а также обеспечении приемки продукции по ГОЗ в соответствии с условиями государственного контракта.

Наличие военного представительства Минобороны России – обязательное требование, предъявляемое к организациям промышленности, осуществляющим разработку, производство, испытание, установку, монтаж, техническое обслуживание, ремонт, утилизацию и реализацию ВивТ. Данное требование следует из п. 8 ч. 1 ст. 12 Феде-

рального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ, в соответствии с которым перечисленные виды промышленной деятельности относятся к лицензируемым. В свою очередь, одним из требований, предъявляемых к соискателю лицензии, является наличие у будущего лицензиата военного представительства Минобороны России. В качестве альтернативного требования на нормативном уровне предусмотрено наличие у соискателя лицензии соответствующих договорных отношений⁷. Заметим, что в Положении о лицензировании не раскрывается природа заключаемого договора, а также не определено лицо, с которым соискатель лицензии должен заключить этот договор. Это создает ситуацию правовой неопределенности. Можно лишь предположить, что, по всей видимости, имеется в виду договор, в соответствии с которым Минобороны России вместо дислокации на фондах организаций промышленности военных представительств (их структурных подразделений) направляет в них своих представителей, которые осуществляют контроль качества и приемку военной продукции (п. 3 Положения о военных представительствах, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804).

Проблему отсутствия должной четкости нормативных формулировок в Положении о лицензировании можно исправить путем внесения дополнений в Положение о военных представительствах в части, касающейся определения порядка закрепления военных представительств за организациями промышленности. В последние годы получила распространение порочная практика установления этого порядка на уровне приказов и иных документов, исходящих от раз-

⁵ На основании ч. 2 ст. 5 Закона о техническом регулировании перечисленные федеральные органы исполнительной власти соответственно их компетенции, определенной актами Президента и Правительства Российской Федерации, наделены полномочиями по разработке и установлению своими нормативными правовыми актами и технической документацией (конструкторской, технологической и программной документацией, техническими условиями, документами по стандартизации, инструкциями, наставлениями, руководствами и положениями) обязательных требований в области технического регулирования к оборонной продукции (работам, услугам), поставляемой по ГОЗ.

⁶ Подробнее см.: Харитонов С.С. О перспективах нормативного регулирования контрольных функций военных представительств Минобороны России // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 3.

⁷ Подпункт «в» п. 5 Положения о лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники (далее – Положение о лицензировании), утвержденного Постановлением Правительства Рос. Федерации от 13 июня 2012 г. № 581.

личных должностных лиц Минобороны России⁸. При этом, данные нормативные правовые акты официально не публикуются и фактически не доступны для соискателей лицензии. На взгляд автора, подобным образом необоснованно сужается круг возможных участников ГОЗ и ограничивается конкуренция.

Базовым документом, определяющим правовое положение военных представительств, является Постановление Правительства Российской Федерации «О военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации» от 11 августа 1995 г. № 804. В силу п. 4 данного Постановления его действие распространяется не только на военные представительства Минобороны России, но и на военные представительства ряда иных федеральных органов исполнительной власти, выступающих государственными заказчиками ГОЗ. С помощью такого технико-юридического приема Правительство Российской Федерации расширило сферу действия своего Постановления, что, однако, трудно признать удачным решением. Дело в том, что в утвержденном вышеназванным Постановлением Положении о военных представительствах определяются правовые основы деятельности и подчиненность военных представительств в привязке к особенностям Минобороны России. Вследствие этого при применении норм Постановления Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804 в деятельности военных представительств, не относящихся к Минобороны России, следует использовать избирательный подход.

Ни в Законе о ГОЗ, ни в Постановлении Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804 не определено, в составе каких федеральных органов исполнительной власти – государственных заказчиков ГОЗ, помимо Минобороны России, должны

создаваться военные представительства. В п. 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804 лишь перечисляются федеральные органы исполнительной власти, на военные представительства которых распространяется действие данного Постановления. При этом, отдельные из названных в Постановлении федеральных органов исполнительной власти (например, ФПС России, ФАПСи) давно упразднены. Более того, как уже отмечалось выше, обязательным лицензионным требованием, предъявляемым к организациям промышленности, осуществляющим разработку, производство, испытание, установку, монтаж, техническое обслуживание, ремонт, утилизацию и реализацию ВиВТ, является наличие военного представительства исключительно Минобороны России. Из этого можно сделать вывод, что в указанных организациях промышленности военные представительства иных федеральных органов исполнительной власти – государственных заказчиков ГОЗ, свою деятельность по контролю качества военной продукции не осуществляют. В такой ситуации контроль качества и приемка военной продукции осуществляются военными представительствами Минобороны России на основе заключенных с этой целью договоров между Минобороны России и федеральными органами исполнительной власти – государственными заказчиками ГОЗ (п. 3 Постановления Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804).

Рассматривая вопрос о ведомственной принадлежности военных представительств, хотелось бы попутно указать на рассмотрение Военно-промышленной комиссией вопроса о переподчинении военных представительств и передаче их функций от Минобороны России к Рособоронпоставке⁹. На наш взгляд, в случае положительного решения вопроса потре-

⁸ Например, на специализированных интернет-форумах пишется, что в настоящее время этот порядок определен приказом заместителя Министра обороны Российской Федерации «Об утверждении Порядка закрепления военных представительств Министерства обороны Российской Федерации за организациями промышленности» от 12 января 2013 г. № 1 (URL: <http://www.nachfin.info/SMF/index.php?PHPSESSID=2e2bea2f8f3f6ec22ce617feb9513407&topic=15477.msg394036#msg394036> (дата обращения: 14.07.2013)). Данный приказ заменил собой Положение о порядке закрепления военных представительств Министерства обороны Российской Федерации за организациями промышленности, утвержденное руководителем Департамента вооружения Министерства обороны Российской Федерации 31 августа 2011 г. (URL: <http://www.nachfin.info/SMF/index.php?topic=11817.msg409847#msg409847> (дата обращения: 14.07.2013)).

⁹ Тельманов Д. У Минобороны отберут военную приемку [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/550111#ixzz2YzhFsAUv> (дата обращения: 14.07.2013).

битель военной продукции (в первую очередь, Минобороны России. – *Прим. авт.*) серьезно ослабит свои позиции в сфере оперативного контроля качества закупаемой продукции. Минобороны России утратит возможность привлекать военных представителей к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее выполнение своих должностных обязанностей. Кроме того, неясно, каким образом Рособоронпоставка будет комплектовать штаты военных представительств. Считаем, что для полноценного контроля качества военной продукции военных представителей следует набирать из военнослужащих, имеющих практический опыт работы с вооружением и военной техникой. Такой кадровый набор в состоянии обеспечить только Минобороны России, но не Рособоронпоставка.

Продолжая рассмотрение вопроса правового регулирования деятельности военных представительств, определим правовые основы этой деятельности. Военные представительства Минобороны России при осуществлении контроля качества военной продукции, поставляемой по ГОЗ, руководствуются, помимо вышеупомянутого Положения о них, также законодательством Российской Федерации, воинскими уставами, Инструкцией по организации деятельности военных представительств Министерства обороны Российской Федерации, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2424¹⁰, иными приказами и директивами Министра обороны Российской Федерации. Кроме того, деятельность военных представительств регулируется Положением об особенностях оценки соответствия оборонной продукции. Военные представительства (по терминологии Положения – представительства заказчика) являются участниками работ по оценке соответствия, образующих, наряду с другими элементами, систему оценки соответствия.

Согласно Положению об особенностях оценки соответствия оборонной продукции

(п. 10) оценка соответствия оборонной продукции (работ, услуг), а также процессов в форме контроля качества и приемки осуществляется представительством заказчика только в случае, установленном государственным контрактом (договором). Следовательно, если в государственном контракте отсутствует соответствующее условие, то оценка соответствия военной продукции осуществляется в формах, не предусматривающих участие военных представительств. В частности, государственным заказчикам предоставлено право привлекать к оценке соответствия специализированные и (или) экспертные организации. Норма, закрепленная в п. 10 Положения об особенностях оценки соответствия оборонной продукции, позволяет осуществлять отказ от использования института военных представительств для контроля качества военной продукции. Такая идея уже высказывалась руководителями различных уровней¹¹. В качестве обоснования своих предложений они обычно ссылаются на высокую эффективность введения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (далее – предприятия ОПК) системы менеджмента качества, созданной и функционирующей согласно требованиям стандартов ИСО 9000 и государственных военных стандартов. Как известно, до недавнего времени высказанные идеи подкреплялись тотальным сокращением военных представительств. Резкое снижение качества военной продукции заставило вернуться к мысли о восстановлении института военных представительств и их штатной численности¹². Однако восстановление «полнокровной» системы военных представительств не рассматривается как решение проблемы надлежащего контроля качества военной продукции. Упор продолжает делаться на использование предприятиями ОПК системы менеджмента качества¹³. Позволим себе усомниться в возможности замены контроля со стороны военных представителей на введение предприятием ОПК системы менеджмента качества. Систе-

¹⁰ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См., напр.: Разногласия с «оборонкой» (интервью с А. Сердюковым) // Военно-промышленный курьер. 2011. № 26. С. 3.

¹² Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об исполнении государственного оборонного заказа в 2012 году» от 6 марта 2013 г. № 50-СФ.

¹³ Рогозин Д. Качество оружия лежит в основе многих побед // Военно-промышленный курьер. 2012. № 9. С. 2.

ма менеджмента качества представляет по своей сути механизм самоконтроля со стороны предприятий ОПК. Несмотря на то что в ряде случаев данная система подлежит обязательной сертификации в аккредитованных для этих целей органах, это не является абсолютной защитой от производства низкокачественной продукции в целях, например, сокращения ее себестоимости. В такой ситуации выявление дефектов будет происходить непосредственно в эксплуатирующихся частях, что существенно увеличивает риски снижения боеспособности воинских подразделений и, как следствие, обороноспособности страны. Контроль со стороны военных представительств в состоянии предотвратить отступление производителя от требований государственного контракта еще до начала приемки военной продукции.

В Положении об особенностях оценки соответствия оборонной продукции закреплен перечень форм оценки соответствия (п. 5), который не является исчерпывающим. Контроль качества представляет собой одну из форм оценки соответствия. Формы оценки соответствия, применяемые в каждом конкретном случае, устанавливаются в государственном контракте (договоре) с учетом суммарного риска недостоверной оценки соответствия и вреда при создании и применении (эксплуатации, хранении, транспортировке, утилизации) военной продукции в мирное время, а также ее технической сложности и значимости для нужд обороны страны и безопасности государства.

Правила оценки соответствия регламентируются документами в области стандартизации оборонной продукции и (или) технической документацией. Перечень указанных документов, применяемых для оценки соответствия, включается в государственный контракт (договор).

Следует обратить внимание на то, что, к сожалению, в настоящее время не принят административный регламент исполнения Минобороны России государственной функ-

ции по осуществлению контроля качества и приемки военной продукции, поставляемой по ГОЗ. В качестве аргумента в пользу его принятия укажем, что в отношении продукции военного назначения, предназначенной для экспорта, такой административный регламент был принят еще в 2009 г.¹⁴ Считаем необходимым установить на нормативном уровне требования общего характера к процедуре контроля качества и приемки военной продукции, поставляемой по ГОЗ.

Отсутствие административного регламента исполнения Минобороны России государственной функции по осуществлению контроля качества и приемки военной продукции, поставляемой по ГОЗ, восполняется путем включения в государственные контракты положений о процедуре приемки военной продукции и контроле качества. Для иллюстрации сказанного рассмотрим в качестве примера размещенный на официальном сайте госзакупок проект государственного контракта (далее – Проект) на выполнение работ в рамках ГОЗ по ремонту с модернизацией самолетов типа Су-25, Су-25УБ (штурмовики «Грач») для нужд Минобороны России (заказ № 0173100004511002582)¹⁵.

Вопросам контроля качества военной продукции посвящены разд. 5 и 6 Проекта: «Техническая приемка и контроль качества работ» и «Приемка работ». Сразу же раскроем отличие приемки от технической приемки, приводимое в Проекте. Если техническая приемка представляет собой осуществляемую военным представительством промежуточную приемку выполненных по контракту работ, то под приемкой понимается окончательная приемка работ, осуществляемая конечным получателем военной продукции путем оформления акта сдачи-приемки выполненных работ.

Согласно Проекту техническая приемка результатов работ производится военным представительством по получении от исполнителя работ извещения, удостоверяющего окончание работ и их соответствие ус-

¹⁴ Приказ Министра обороны Российской Федерации «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством обороны Российской Федерации государственной функции по осуществлению контроля качества и приемки продукции военного назначения, предназначенной для экспорта» от 31 декабря 2009 г. № 1505.

¹⁵ URL: http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=1658305 (дата обращения: 14.07.2013).

ловиям контракта. Военное представительство приступает к приемке результатов работ не позднее согласованного в государственном контракте срока с момента получения указанного извещения. Продолжительность приемки результатов работ определяется временем, необходимым для их проверки в объеме требований нормативно-технических документов. Правила приемки не закреплены в тексте Проекта, а изложены в прилагаемых к нему технических условиях. В частности, военное представительство осуществляет контроль за проведением периодических, а также наземных приемо-сдаточных испытаний военной продукции. Кроме того, в целях проверки соответствия военной продукции требованиям технических условий и определения возможности передачи продукции в эксплуатирующие организации летные приемо-сдаточные испытания проводятся непосредственно летным составом военного представительства. В технических условиях оговаривается, что порядок проведения приемки и испытаний должен соответствовать требованиям ряда государственных военных и отраслевых стандартов (ГОСТ РВ 15.307-2002, ОСТ 100357-92, ОСТ 102726-92) и нормативной документации, действующей у исполнителя работ.

В соответствии с Проектом после окончания технической приемки военное представительство не позднее чем в течение 24 часов выдает исполнителю работ удостоверение по установленной форме о соответствии результатов работ условиям контракта в трех экземплярах. Военное представительство принимает результаты работ только в том случае, если продукция, в отношении которой они выполняются, полностью укомплектована и выдержала приемо-сдаточные испытания. При несоответствии результатов работ условиям контракта военное представительство в тот же срок направляет исполнителю письменное извещение об отказе в приемке таких результатов с указанием причин, при этом исполнитель обязан устранить недостатки, указанные военным представительством, за свой счет в течение 10 дней с момента получения такого извещения.

В Проекте определен порядок оформления разногласий между военным представительством и исполнителем по качеству работ или иным вопросам соблюдения условий контракта, возникшим в процессе технической приемки. В частности, разногласия оформляются в суточный срок протоколом за подписями военного представительства и исполнителя работ. Протокол не позднее двухдневного срока направляется государственному заказчику. Решения по такому протоколу принимаются государственным заказчиком в семидневный срок после его получения.

Таким образом, из Проекта следует, что военное представительство осуществляет контроль качества только в ходе технической приемки результатов работ. Между тем согласно п. 4 Положения о военных представительствах они вправе контролировать качество военной продукции и ее соответствие технической документации на любом этапе разработки и производства этой продукции. Данная норма находится в противоречии с п. 10 Положения об особенностях оценки соответствия оборонной продукции, согласно которому военное представительство осуществляет контроль качества только в том случае, если это предусмотрено в государственном контракте. Как уже отмечалось выше, данное право военного представительства в Проекте не предусмотрено, однако в прилагаемых к Проекту технических условиях определено, что военное представительство вправе осуществлять так называемый летучий контроль (т. е. контроль, проводимый во время обычного или внезапного инспектирования. – *Прим. авт.*) ремонта военной техники начиная с материалов, применяемых в производстве, и заканчивая отправкой техники в эксплуатирующую организацию.

Подводя итог, выделим направления совершенствования правового регулирования деятельности военных представительств по контролю качества военной продукции, поставляемой по ГОЗ.

Во-первых, целесообразно путем принятия административного регламента Минобороны России или внесения дополнений в Положение о военных представительствах устано-

вить общие требования к порядку осуществления контроля качества и приемки военной продукции, поставляемой по ГОЗ.

Во-вторых, следует привести Положение о военных представительствах в соответствии с нормативной правовой базой о техническом регулировании, в частности с Положением об особенностях оценки соответствия оборонной продукции.

В-третьих, необходимо определить в официально опубликованном нормативном правовом акте порядок закрепления военных представительств за организациями промышленности в целях снятия административных барьеров для хозяйствующих субъектов, желающих получить лицензию на осуществление разработки, производства, испытания,

установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации ВиВТ.

Кроме того, автор считает нецелесообразным передачу Рособоронпоставке функции контроля качества от Минобороны России, а также отказ от контроля качества со стороны военных представительств в связи с использованием на предприятиях ОПК системы менеджмента качества. О необходимости сохранения системы контроля военных представительств за качеством военной продукции уже заявлялось в научной печати¹⁶. По нашему мнению, внедрение на предприятиях ОПК системы менеджмента качества не позволяет отказаться от контроля со стороны военных представительств.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ												
	АБОНЕМЕНТ на <u>газету</u> 72527 журнал «Право в Вооруженных Силах - индекс издания военно-правовое обозрение» (наименование издания)												
										Количество комплектов			
на 2014 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
(почтовый индекс)				(адрес)									
Кому													
(фамилия, инициалы)													

												ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА	
ПВ			место			ли-тер			на <u>газету</u> 72527 на журнал				
«Право в Вооруженных Силах - индекс издания военно-правовое обозрение» (наименование издания)													
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Кол-во комплектов					
		перед-ресовки		руб.		коп.							
на 2014 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
(почтовый индекс)				(адрес)									
Кому													
(фамилия, инициалы)													

¹⁶ Харитонов С.С. Указ. соч.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ РОДИТЕЛЯМ ПОГИБШИХ (УМЕРШИХ) ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

*А.В. Ефремов, начальник юридического отделения военного комиссариата
Чувашской Республики*

Согласно п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, гражданин, проходящий военные сборы, и гражданин, пребывающий в мобилизационном людском резерве, считаются исполняющим обязанности военной службы в случаях, перечисленных в названной статье Закона. В силу п. 2 ст. 37 указанного Федерального закона военнослужащий или гражданин, проходящий военные сборы, не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы, если это явилось следствием: а) самовольного нахождения вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы, за исключением случаев, предусмотренных подп. «л», «м», «н», «о», «п» и «р» п. 1 ст. 37 Закона; б) добровольного приведения себя в состояние опьянения; в) совершения им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным.

Из анализа положений данной статьи Закона следует, что законодателем не установлены различия между понятиями «погибший» и «умерший» военнослужащий. Принципиальным является тот факт, что гибель (смерть) военнослужащего наступила при исполнении им обязанностей военной службы. Также в ст.ст. 21 и 23.1 Федерального закона «О ветеранах» понятия «погибший» и «умерший» в целях предоставления мер со-

циальной поддержки являются равнозначными. Так, например, статья 21 указанного Закона называется «Меры социальной поддержки членов семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны и ветеранов боевых действий». Федеральный закон «О статусе военнослужащих» применительно к предоставлению социальных гарантий членам семей военнослужащих также рассматривает понятия «умерший» и «погибший» как равнозначные.

В военном законодательстве содержится большое число правовых норм, в которых упоминается смерть военнослужащего (лица, уволенного с военной службы) как юридический факт, влекущий возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Как отмечается в научной литературе, смерть человека, как правило, одновременно выступает правоустанавливающим, правоизменяющим и прекращающим обстоятельством для широкого круга правоотношений. Правоотношения, возникающие в связи со смертью человека, – это существующая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между юридическими или физическими лицами, их организациями, объединениями, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей, поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства, возникающая в результате юридической фиксации прекращения жизнедеятельности человека¹.

¹ Лапшин В.Е. Смерть как правовое явление: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 5.

При анализе законодательства, содержащего нормы о социальной поддержке семей погибших (умерших) военнослужащих, обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически повсеместно законодатель употребляет двойное наименование данного юридического факта: «смерть (гибель)», «умер (погиб)», «умерший (погибший)» и т. п.

Словарь русского языка определяет смерть как прекращение жизни², а гибель – уничтожение, разрушение, смерть (от катастрофы, стихийного бедствия и т. п.); погибнуть, гибнуть – подвергаться уничтожению, гибели³; умереть – перестать жить⁴.

Из приведенных определений можно сделать вывод, что применительно к человеку понятие «смерть» означает общее основание прекращения жизни независимо от причины. Когда же употребляется понятие «гибель», то имеется в виду смерть, наступившая в силу воздействия внешних причин (катастрофа, стихийное бедствие, война и т. п.). При этом, в целях предоставления мер социальной поддержки членам семей погибших (умерших) военнослужащих определяющее значение имеет обстоятельство наступления смерти (гибели) военнослужащего: при исполнении обязанностей военной службы или нет. Такое разграничение причин смерти военнослужащего имеет существенное значение для определения объема социальных гарантий, предоставляемых семьям умерших (погибших) военнослужащих. По общему правилу семьям военнослужащих, смерть которых связана с исполнением обязанностей военной службы, предоставляется более широкий круг мер социальной поддержки, устанавливаются повышенные размеры пенсий, пособий и т. д. в сравнении с семьями военнослужащих, умерших вследствие причин, не связанных с исполнением обязанностей военной службы⁵.

Специфика социально-правового положения семей военнослужащих проявляется в том, что как в военном законодательстве, так и в законодательстве иных отраслей права содержится весьма значительное число специальных правовых норм, регулирующих

различные аспекты социальной защиты семей военнослужащих.

Анализ указанного законодательства показывает, что в зависимости от предмета правового регулирования круг лиц, относящихся к членам семей военнослужащих, в различных нормативных правовых актах определяется по-разному.

Так, согласно п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ к членам семей военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются социальные гарантии, установленные данным Законом, если иное не установлено иными федеральными законами, относятся:

- 1) супруга (супруг);
- 2) несовершеннолетние дети;
- 3) дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет;
- 4) дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме обучения;
- 5) лица, находящиеся на иждивении военнослужащих.

В то же время, согласно ч. 1 ст. 69 ЖК РФ, к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма относятся проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители данного нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство. В исключительных случаях иные лица могут быть признаны членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма в судебном порядке.

Как видно из сравнения норм двух указанных выше законодательных актов, ЖК РФ устанавливает более широкий круг лиц, относящихся к членам семьи военнослужащего, являющегося нанимателем жилого помещения, чем это определено Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 638.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же. С. 723.

⁵ Корякин В.М., Скулакова О.В. Социальные гарантии, предоставляемые семьям военнослужащих. М., 2010. С. 179 – 181.

Еще более широкий круг лиц относит к членам семьи военнослужащего и гражданина, уволенного с военной службы, военнопенсионное законодательство. Так, согласно Закону Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 при наличии условий, указанных в данном Законе, право на пенсию по случаю потери кормильца могут иметь следующие члены семьи погибшего (умершего) военнослужащего: супруга (супруг); дети; родители (мать и отец); братья и сестры; внуки; бабушка и бабушка; усыновители; усыновленные; отчим и мачеха; пасынок и падчерица⁶.

В большинстве случаев предоставление социальных гарантий детям военнослужащих ограничено возрастными рамками: социальные гарантии предоставляются до достижения ими совершеннолетия, т. е. возраста 18 лет, а если они обучаются в образовательных учреждениях по очной форме обучения – то до окончания обучения, но не более чем до достижения возраста 23 лет. Дети военнослужащего, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, признаются членами его семьи независимо от возраста. Другое исключение составляет жилищное обеспечение: право на получение жилого помещения вместе с отцом (матерью) имеют дети военнослужащего независимо от возраста, при условии совместного проживания с военнослужащим (п. 1 ст. 69 ЖК РФ).

Родители военнослужащего считаются членами его семьи, имеющими право на предоставление социальных гарантий, только в случае признания их состоящими у него на иждивении. Исключение составляет право на жилищное обеспечение: согласно п. 1 ст. 69 ЖК РФ родители нанимателя жилого помещения признаются членами его семьи, если они проживают совместно с ним. Кроме того,

родители признаются членами семьи военнослужащего независимо от нахождения на его иждивении и совместного с ним проживания в случаях, прямо указанных в законе (например, в пенсионном законодательстве; в законодательстве об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и др.)⁷.

В тех случаях, когда граждане перестали находиться на иждивении военнослужащего в связи с его гибелью (смертью), определение их статуса как членов семьи возможно только на основе отношений, существовавших при жизни военнослужащего. Особого внимания заслуживает позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в решении от 13 марта 2008 г. № ГКПИ07-1650. В частности, Верховный Суд указал, что п. 1 ст. 21 Федерального закона «О ветеранах» установлены меры социальной поддержки для семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий и определен перечень этих мер. Ремонт индивидуальных жилых домов за счет средств федерального бюджета не упомянут в названной статье, такая мера социальной защиты предусмотрена другим федеральным законом и для иной категории граждан – для членов семей военнослужащих, потерявших кормильца.

Из указанной правовой нормы следует, что родители военнослужащего, не состоящие на его иждивении, не отнесены к числу членов семей военнослужащих, на которых распространяются установленные социальные гарантии и компенсации, если иное не предусмотрено федеральными законами применительно к конкретным социальным льготам⁸.

Согласно п. 1 ст. 21 Федерального закона «О ветеранах» меры социальной поддержки, установленные для семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, предоставляются нетрудоспособным членам семьи погибшего (умершего), состоявшим на его иждивении и получающим пенсию по случаю потери кормильца (имеющим

⁶ Корякин В.М., Скулакова О.В. Указ. соч. С. 11 – 13, 20.

⁷ Корякин В.М., Скулакова О.В. Указ. соч. С. 11 – 13, 20.

⁸ Определение Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2008 г. № КАС08-225.

право на ее получение) в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации. Пунктом 2 ст. 21 названного Закона предусмотрено, что независимо от состояния трудоспособности, нахождения на иждивении, получения любого вида пенсии и заработка меры социальной поддержки предоставляются: родителям погибшего (умершего) инвалида войны, участника Великой Отечественной войны и ветерана боевых действий; супруге (супругу) погибшего (умершего) инвалида войны, не вступившей (не вступившему) в повторный брак; супруге (супругу) погибшего (умершего) участника Великой Отечественной войны, не вступившей (не вступившему) в повторный брак; супруге (супругу) умершего ветерана боевых действий, не вступившей (не вступившему) в повторный брак и проживающей (проживающему) одиноко или с несовершеннолетним ребенком (детьми), или с ребенком (детьми) старше возраста 18 лет, ставшим (ставшими) инвалидом (инвалидами) до достижения им (ими) возраста 18 лет, или с ребенком (детьми), не достигшим (не достигшими) возраста 23 лет и обучающимся (обучающимися) в образовательных учреждениях по очной форме обучения.

В силу п. 3 ст. 21 вышеназванного Закона меры социальной поддержки, установленные для членов семей погибших (умерших) инвалидов боевых действий, распространяются на членов семей военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и органов государственной безопасности, погибших при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей). Указанные меры социальной поддержки предоставляются членам семей военнослужащих, погибших в плену, признанных в установленном порядке пропавшими без вести в районах боевых действий, со времени исключения указанных военнослужащих из списков воинских частей. Следовательно, п. 2 ст. 21 Федерального закона «О ветеранах» прямо предусматривает предоставление мер социальной поддержки родителям погибшего при исполнении обя-

занностей военной службы военнослужащего независимо от нахождения на иждивении и получения любого вида пенсии и заработка, т. е. данная норма является исключением из общего правила о наличии других необходимых условий, предусмотренных п. 1 ст. 21 названного Закона для других членов семьи (нетрудоспособности члена семьи погибшего (умершего) и состояния на иждивении погибшего (умершего) либо получения пенсии по случаю потери кормильца (наличия права на ее получение) в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации). Таким образом, юридическим фактом, с которым закон связывает право родителей погибшего военнослужащего на льготы, предусмотренные ст. 21 Федерального закона «О ветеранах», является гибель (следует обратить внимание на то, что причиной смерти в этом случае является внешнее воздействие, а не болезнь и иные причины) военнослужащего при выполнении им обязанностей военной службы. Именно к такому выводу пришла Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан в своем апелляционном определении от 14 мая 2013 г.

Совершенно к противоположному выводу пришла судебная коллегия по гражданским делам Пермского краевого суда, которая в определении от 5 апреля 2008 г. № 33-1750 указала следующее.

Удовлетворяя требование М-вой, являющейся матерью умершего в период военной службы М-ва, о выдаче удостоверения о праве на льготы, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что право на меры социальной поддержки родителей погибших военнослужащих связано с условием наступления смерти военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы.

Данный вывод суда не основан на действующем законодательстве. Согласно ст. 21 Федерального закона «О ветеранах» меры социальной поддержки, установленные для семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий (далее – погибшие (умершие)), предоставляются нетрудоспособным членам семьи погибшего (умершего),

состоявшим на его иждивении и получающим пенсию по случаю потери кормильца (имеющим право на ее получение) в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации.

Независимо от нахождения на иждивении и получения любого вида пенсии и заработка меры социальной поддержки предоставляются родителям погибшего (умершего).

Меры социальной поддержки, установленные для членов семей погибших (умерших), распространяются на членов семей военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и органов государственной безопасности, погибших при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей). Меры социальной поддержки, указанные в вышеназванной статье, предоставляются членам семей военнослужащих, погибших в плену, признанных в установленном порядке пропавшими без вести в районах боевых действий, со времени исключения указанных военнослужащих из списков воинских частей.

Из содержания данной статьи следует, что законодателем используются два понятия наступления смерти инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, тогда как, распро-

страняя эти меры социальной поддержки на членов семей военнослужащих, законодатель предусматривает такое право только за членами семей погибших военнослужащих.

Из буквального значения слов «погибший» и «умерший» следует, что погибшим при исполнении обязанностей военной службы военнослужащим является лицо, смерть которого наступила сразу в результате увечья (ранения, травмы, контузии), либо которое умерло от его последствий спустя некоторое время после причинения; соответственно умершим при исполнении обязанностей военной службы военнослужащим является лицо, смерть которого наступила от заболевания. Судом было установлено, что М-в умер от онкологического заболевания в период военной службы, т. е. его смерть наступила при исполнении обязанностей военной службы. Однако данное обстоятельство не дает права его матери на меры социальной поддержки, предусмотренные ст. 21 Федерального закона «О ветеранах», поскольку члены семьи умершего военнослужащего не приравнены к членам семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий. Следовательно, истцу не могло быть выдано удостоверение о праве на льготы, предусмотренные ст. 21 Федерального закона «О ветеранах».

Информация

В Новосибирске перед судом предстанут бывшие финансовые работники воинской части, обвиняемые в хищении свыше 56 миллионов рублей

Военным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Центральному военному округу окончено производство по уголовному делу в отношении бывших начальника финансовой службы войсковой части 12212 капитана запаса П., а также бухгалтера по кассовым операциям этой же части А. (до января 2013 года – Е.). Они обвиняются в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 (присвоение и растрата, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере). Кроме того, П. – ч. 1 ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями), ч. 3 ст. 160 (присвоение и растрата, совершенная лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере), ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), А. – ч. 2 ст. 292 УК РФ (служебный подлог, повлекший существенное нарушение охраняемых законом интересов государства).

В ходе предварительного следствия установлено, что П., достоверно зная потребности воинской части в денежных средствах, на протяжении 2009 года ежемесячно представлял в довольствующий орган заведомо ложные сведения о действительной и штатной численности личного состава, а также о количестве уволенных и подлежащих увольнению в запас военнослужащих. В последующем он ставил электронную подпись от своего имени и от имени командира воинской части в заявках на снятие наличных денежных средств, которые подчиненные по его указанию получали в банке. Е. (А.) проводила излишне полученные денежные средства как якобы выданные личному составу. В результате указанных действий похищено в общей сложности свыше 56,7 миллиона рублей.

Представителем военного ведомства заявлен иск о взыскании с обвиняемых в полном объеме причиненного ими ущерба. В отношении обвиняемых избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу.

О СВЯЗИ СЛУЖЕБНОГО И ПОСТОЯННОГО ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Е.Г. Воробьев, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

На страницах журнала «Право в Вооруженных Силах» чаще всего затрагиваются актуальные проблемы, интересующие и военнослужащих, и должностных лиц органов военного управления, ищущих конкретные ответы на определенные юридические вопросы. Поэтому в тех случаях, когда вопрос поставлен, но ответ на него остался неопределенным, завуалированным, неизбежно стремление все-таки окончательно разобраться в поднятой проблематике. Предлагаемая статья относится именно к такому случаю, и в этом смысле является своеобразным сюжетным развитием темы одной из недавних журнальных публикаций¹.

Напомним, что тогда перед читателями был поставлен частный вопрос о том, с какого момента военнослужащий, получивший от государства жилое помещение по избранному им месту жительства по договору социального найма, утрачивает право на денежную компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения по месту его военной службы, если избранное место жительства и место службы не совпадают, а гражданин по независящим от него обстоятельствам продолжает прохождение военной службы и после получения (предоставления) жилья. При этом, было отдельно оговорено, что речь идет о тех гражданах, которые не относятся к категории военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, обеспечиваемых на весь срок военной службы служебными жилыми

помещениями и получивших жилые помещения в собственность не по месту прохождения военной службы.

И вот какой прозвучал ответ: «... В условиях отсутствия нормативно закрепленного понятийного аппарата и соответствующих правовых критериев было бы ошибочным и преждевременным утверждать, что получение военнослужащим по договору социального найма жилого помещения не по месту прохождения военной службы корреспондирует его праву на получение денежной компенсации за наем (поднаем) жилья по месту прохождения военной службы»².

Если читатель из изложенного вывода понял не все, то поспешим его успокоить в том смысле, что с первого раза это сделать непросто. Поэтому предлагаем еще раз вместе проследовать за логикой представленных рассуждений.

Проведенное исследование позволяет заключить, что на поставленный вопрос дается сложно сконструированный ответ, причем в одном случае речь идет об отрицании утверждения, а в другом – об отрицании прежнего отрицания.

Учитывая, что слово «корреспондирует» в конкретном контексте означает «относится», «соотносится», «соответствует»³, выстраиваем основание для категорического силлогизма: *ошибочно утверждать, что получение постоянного жилого помещения вне места службы соответствует праву на получение*

¹ Ефремов А.В. Утрачивает ли военнослужащий право на получение денежной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения в связи с заключением договора социального найма жилого помещения по избранному после увольнения с военной службы месту жительства, отличающемуся от места прохождения им военной службы? // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 2. С. 50 – 54.

² Ефремов А.В. Указ. соч. С. 54.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 298.

денежной компенсации за наем (поднаем) жилья по месту прохождения военной службы. Дальнейшее упрощение этой мысли ведет к заключению, что получение постоянного жилья не соответствует праву на получение выплат за отсутствующее служебное жилье. Таким образом, на вопрос о том, сохраняется или не сохраняется право на компенсацию найма (поднайма) жилья с приобретением права на постоянное жилье в ином месте, в итоге прозвучал ответ, что *эти права не соответствуют друг другу, а значит, допустимо как сохранение выплат, так и их прекращение.*

Правоведение, как известно, относится к гуманитарным наукам, для которых довольно часто характерна многозначность (вариативность) решений конкретно поставленных жизненных вопросов. Этим правоведение в значительной мере отличается от наук точных, естественных, где используются строгие закономерности, одинаковые методы выведения искомых результатов, что, как правило, ведет к однозначным ответам. Недаром в профессиональной среде и теоретиков, и практиков юриспруденции вполне серьезно говорится о нормальности положения, при котором у двух общающихся между собой юристов по одному и тому же вопросу существует не два, а даже три и более мнения. Но наличие разных мнений вместо одного общего вовсе не означает произвольности их выведения, так как каждое из этих неоднозначных мнений имеет свои однозначные правовые основания. Речь, следовательно, о том, что подобное разнообразие не субъективно, а объективно, так как вытекает из объективно существующих различий в правовом регулировании. Там, где таких объективных различий нет, нет и никакой вариативности.

Существует ли вариативность в вопросе, рассматриваемом нами?

Для выявления искомой однозначности следует еще раз внимательно взглянуть на предложенную ситуацию, проанализировав ее, исходя из тех правоотношений, которыми она регулируется.

Просим читателя не иронизировать по поводу ранее приведенной фразы «где два юриста – там три мнения», так как таких правоотношений как раз три:

1) правоотношение по временному жилищному обеспечению военнослужащего по месту службы;

2) сопутствующее ему денежно-компенсационное правоотношение;

3) правоотношение по постоянному жилищному обеспечению военнослужащего вне места службы (по избранному им месту жительства).

Все приведенные выше отношения самостоятельны (поскольку имеют свои юридические основания и свой порядок регулирования), но при определенных условиях, предусмотренных законом, могут быть связаны между собой, влиять друг на друга в силу приобретения качеств элементов юридических составов «соседствующих» самостоятельных правоотношений.

Рассмотрим каждое из таких правоотношений в отдельности.

1. Правоотношение по служебно-жилищному обеспечению военнослужащего по месту службы.

Согласно положениям ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ⁴ все военнослужащие, проходящие службу по контракту, обеспечиваются по месту службы жилыми помещениями. Это правило, в свою очередь, формирует главное правило служебно-жилищного обеспечения военнослужащих, в соответствии с которым жилые помещения могут быть предоставлены или в виде жилья для постоянного пользования (ст. 60 Жилищного кодекса Российской Федерации⁵) или с «титолом» временного, в том числе и служебного, жилья в виде отдельной квартиры или дома по определенным нормам (ст. 104 ЖК РФ).

При обеспеченности военнослужащего постоянным жильем по месту службы (в собственности, по договору социального найма жилого помещения, на правах члена семьи собственника жилья) он считается обеспеченным, не нуждающимся в служебном жилье

⁴ Далее – Закон о статусе.

⁵ Далее – ЖК РФ.

(ч. 2 ст. 99 ЖК РФ), а при отсутствии – считается бесквартирным, нуждающимся в служебно-жилищном обеспечении. Положение бесквартирного складывается и в том случае, когда военнослужащий все-таки имеет постоянное жилье, но таковое находится в иной местности, чем место военной службы, и для целей служебно-жилищного обеспечения на время службы его как бы нет.

2. Денежно-компенсационное правоотношение, сопутствующее служебно-жилищному в качестве его замены.

Предоставление служебного жилого помещения, согласно приведенному основному правилу, предполагает его фактическое наличие, но так как в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и органах, в которых законом предусмотрено прохождение военной службы, надлежащий по количеству и качеству специализированный служебный жилищный фонд до сих пор не создан (за редким исключением), законодатель предусмотрел специальный *порядок временного служебно-жилищного размещения бесквартирных военнослужащих*.

Согласно указанному порядку вместо отсутствующего служебного жилого помещения военнослужащему предоставляются имеющиеся служебное жилое помещение, пригодное для временного проживания (следует полагать, не по нормам предоставления, с подселением нескольких военнослужащих или семей в то же помещение), или жилое помещение маневренного фонда, или общежитие. При отсутствии всех указанных выше «временных» помещений воинские части предоставляют бесквартирным военнослужащим арендованные у частных лиц жилые помещения или, по желанию военнослужащих, выплачивают им ежемесячную компенсацию за самостоятельный наем (поднаем) жилых помещений.

Обратим внимание на конструктивные особенности приведенной выше системы временного обустройства бесквартирных военнослужащих, когда в правовом регулировании *сочетаются элементы факультативного и альтернативного порядка*.

В *факультативном* ряду самим законом установлена конкретная (безальтернативная) последовательность форм временного обустройства, при которой ранее предложенная форма всегда имеет приоритет по отношению к последующей, вытесняет ее:

- служебное жилье по нормам;
- суррогатные формы натурального служебного жилья;
- наемно-денежные формы служебного жилья.

Установленное законом положение, при котором надлежащее служебно-жилищное обеспечение продублировано чередой иных форм, его заменяющих, и при котором более благоприятные для военнослужащих жилищные формы в виде аренды жилья или выплаты компенсации за наем (поднаем) поставлены на последнее место, уступая суррогатным натуральным формам служебного жилья, экономически выгодным для государства, в юридической литературе подвергнуто вполне справедливой критике со стороны военных правоведов. Получается, что закон «терпим» к ситуации, при которой полноценный служебно-жилищный фонд отсутствует неограниченно долго, и, следовательно, главная норма, норма-принцип о желаемом «постоянном» служебно-жилищном обеспечении, легитимно заменяется на «временное», как бы служебно-жилищное обеспечение.

Например, Р.А. Трощенко по данному поводу пишет, что «такие помещения де-юре признаются помещениями для временного проживания, (но) для... военнослужащих это временное проживание де-факто может быть весьма длительным (постоянным)...»⁶.

В каждом элементе приведенного факультативного ряда имеются свои *альтернативные элементы*, когда законодатель уже внутри факультативного правила все-таки допускает выбор (альтернативу) из предлагаемых им нескольких вариантов:

- служебное жилье может предоставляться или в населенном пункте непосредственно по месту дислокации, или в близлежащих населенных пунктах; служебное жилье может быть предоставлено в виде отдельной квар-

⁶ Трощенко Р.А. Нуждаемость в получении жилого помещения как условие получения компенсации за наем (поднаем) жилых помещений // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 6.

тиры или жилого дома; нормы его предоставления могут быть определены или нормами, установленными ст. 15.1 Закона о статусе, или сверх этих норм (не менее). Право альтернативных выборов в данном случае принадлежит государству;

– суррогатные формы натурального служебного жилья варьируются: предоставление или временного служебного жилья, или жилья в маневренном жилищном фонде, или жилья в общежитии. Право альтернативного выбора принадлежит государству;

– наемно-денежные формы служебно-жилищного обеспечения возможны или в виде предоставления чужого жилья, арендованного государством, или в виде частного найма чужого жилья самим военнослужащим, с государственной компенсацией расходов за такой наем. Право этого альтернативного выбора принадлежит и государству, и военнослужащему.

3. Правоотношение по постоянному жилищному обеспечению военнослужащего как по месту службы, так и вне его (по избранному им месту жительства).

Военнослужащим, не являющимся участниками накопительно-ипотечной системы, при признании их жилищной нуждаемости по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более (или 10 лет и более – при досрочном увольнении по «льготным» основаниям) единожды предоставляется постоянное жилое помещение в собственность или по договору социального найма по избранному месту жительства.

Данное право распадается на два подвида близких, но не совпадающих прав: одно – для тех военнослужащих, которые на время военной службы обеспечиваются только служебным жильем (абз. 4 – 7, абз. 12 п. 1 ст. 15 Закона о статусе), другое – для военнослужащих, обеспечиваемых служебным жильем только на первые пять лет военной службы (абз. 3, абз. 11 п. 1 ст. 15 Закона о статусе).

В качестве жилищных гарантий для первой категории граждан прямо предусмотрено, что их обеспечение постоянным жильем не всегда связано с увольнением, т. е. может быть «оторванным» от служебно-жилищного обеспечения. Из приведенной правовой

нормы вытекает, что момент предоставления постоянного жилья и момент прекращения военной службы (с соответствующим прекращением права служебно-жилищного обеспечения по месту службы, в том числе его заменой в форме интересующей нас компенсационной выплаты) *в законе непосредственно не связаны между собой*. Ведь законодателем специально оговорено, что за данными военнослужащими сохраняется право и на служебное жилье, так как *они не обязаны в любом случае освободить занимаемые ими служебные жилые помещения, как это вменено всем прочим военнослужащим* (абз. 12 п. 1 ст. 15 Закона о статусе).

Для второй категории граждан служебно-жилищное обеспечение уже через пять лет должно быть трансформировано в постоянное жилищное обеспечение по месту службы (абз. 3 п. 1 ст. 15 Закона о статусе), а в случае их увольнения они имеют право замены служебного или постоянного жилья на иное постоянное жилье по избранному ими месту жительства после увольнения с военной службы при условии сдачи занимаемых до этого жилых помещений органам военного управления (абз. 1 п. 14 ст. 15 Закона о статусе). При этом, в отличие от первой категории граждан, для второй законом предусмотрена именно замена одного жилья на другое, что не предполагает сохранения прежних прав на служебное жилье.

При получении постоянного жилья по месту службы занимаемое служебное жилье подлежит освобождению в установленном порядке (ч. 2 ст. 99 ЖК РФ). Но при получении постоянного жилья не по месту военной службы служебно-жилищное правоотношение между военнослужащим и государством автоматически не изменяется. В одних случаях оно продолжает реализовываться в той или иной форме, освещенной выше, в других – заменяется путем установления новых жилищных правоотношений в связи с прекращением прежних.

В конкретной правовой ситуации, описанной А.В. Ефремовым, военнослужащий, уже ставший правообладателем постоянного жилья вне места службы, продолжает оставаться и обладателем права на служебно-жилищ-

ное обеспечение по месту службы, так как замена последнего в виде компенсационной выплаты за наем (поднаем) остается неизменной до момента прекращения военно-служебных отношений.

Подобное правопонимание полностью укладывается в прокрустово ложе, соответствующее нормам «чистого» жилищного права, согласно которым служебные жилые помещения предназначены для проживания граждан в связи с прохождением службы (ст. 93 ЖК РФ), договор найма служебных жилых помещений заключается на период прохождения службы, а увольнение со службы (разрыв военно-служебных отношений) является основанием его прекращения (ч. 3 ст. 104 ЖК РФ). Вполне понятно, что с этой точки зрения выплаты ежемесячных денежных компенсаций взамен не предоставленного служебного помещения должны быть ориентированы на эти же правовые требования, что, собственно, и подтвердило частное судебное решение, приведенное в качестве аргумента А.В. Ефремовым, о сохранении права военнослужащего получать такие выплаты и после получения постоянного жилья, вплоть до момента увольнения с военной службы⁷.

Однако такие рассуждения выстроены с позиций охраняемых законом интересов лишь одной стороны – военнослужащего и «не замечают» позиции другой – самого государства. Следовательно, столь однозначный и безапелляционный вывод о праве военнослужащего на продолжение получения компенсационных выплат и после получения постоянного жилья вне места службы не дает ответа на вопрос о том, почему орган государственного управления поступил вопреки указанным нормам закона, прекратив полагающиеся выплаты.

Сомнения в том, что командование может умышленно и открыто действовать незаконно, заставляют пристальней взглянуть на обратную сторону анализируемой правовой ситуации, а именно на *правовые основания и правовые последствия предоставления жилого помещения для постоянного проживания по избранному месту жительства и сохра-*

нения служебно-жилищных правоотношений.

Прежде чем приступить к анализу этой самой государственной «изнанки» военно-жилищного законодательства, укажем на *три неодинаковые правовые модели*, частично уже упомянутые нами, но без акцента на их сходствах и различиях.

Первая модель служебно-жилищного обеспечения закреплена в нормах жилищного законодательства. Согласно этой модели работодатель и работник связаны взаимными жилищными правами и обязанностями лишь на период работы (службы) (ст.ст. 93, 104 ЖК РФ). Но в этой модели нет того принципиально значимого элемента, который предусматривает обязанность работодателя при определенных условиях заместить временное (служебное) обеспечение жилищным обеспечением постоянным, как это чаще всего имеет место в военно-служебных отношениях.

Нет такого элемента и во второй модели, при которой военнослужащий уже обеспечен постоянным жильем вне места военной службы, поэтому при поступлении на нее или по прибытии к новому месту службы государство обременено лишь обязательством предоставить такому гражданину только служебное жилье или общежитие и только на время военной службы (п. 4 ст. 15 Закона о статусе). Ни о каком замещении временного служебно-жилищного обеспечения постоянным жилищным обеспечением речи не идет.

Зато в третьей модели, весьма схожей со второй, но ей не тождественной, заложен *правовой механизм замены служебно-жилищного обеспечения на обеспечение постоянным жильем* в различных формах (предоставлением жилья в собственность, по договору социального найма, выплатой денег в виде средств накопительно-ипотечной системы или государственных жилищных сертификатов). И хотя в отдельных случаях постоянное жилищное обеспечение со стороны государства не прекращает его прав и обязанностей по служебно-жилищному обеспечению военнослужащих, чаще всего *речь идет именно о замене, а не о параллельном существовании и служебно-жилищного, и постоянного жилищно-*

⁷ Ефремов А.В. Указ. соч. С. 52 – 53.

го обеспечения, как это имеет место в регулировании служебных и постоянных жилищных прав участников накопительно-ипотечной системы.

Взглянем пристальней на соответствующие положения третьей правовой модели.

В соответствии с абз. 12 п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, при признании их нуждаемости в получении постоянных жилых помещений после 20 и более лет военной службы или по избранному месту жительства предоставляются постоянные жилые помещения. При этом, такие граждане не выселяются из занимаемых ими служебных жилых помещений не только при продолжении военной службы, но и даже при увольнении с нее (следует полагать, до предоставления постоянного жилья).

Зато согласно п. 14 ст. 15 Закона о статусе в отношении увольняемых военнослужащих, имеющих право на изменение места жительства с предоставлением постоянного жилья за счет государства, *предоставление постоянного жилья осуществляется одновременно с подтверждением освобождения ранее занимаемых жилых помещений* путем предъявления соответствующих документов и данных о снятии с регистрационного учета. Аналогичные правовые положения закреплены и на уровне подзаконного регулирования рассматриваемых общественных отношений.

Согласно пп. 2, 3 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим - гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей» от 31 декабря 2004 г. № 909, денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, выплачивается лишь при условии невозможности их жилищного обеспечения в соответ-

ствии с законодательством Российской Федерации, и только до получения ими жилых помещений.

Согласно п. 17 Инструкции, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации «О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909» от 16 июня 2005 г. № 235, выплата денежной компенсации прекращается со дня, следующего за днем утраты права на нее, в том числе со дня, следующего за днем предоставления военнослужащим жилого помещения по договору социального найма или в собственность, служебного жилого помещения, служебного жилого помещения, пригодного для временного проживания, жилого помещения в общежитии или фактического предоставления им субсидий на приобретение жилого помещения в собственность, в том числе по государственным жилищным сертификатам, либо по иным основаниям в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (за исключением военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, обеспечиваемых на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, получивших жилые помещения в собственность не по месту прохождения военной службы).

Аналогичные правила содержатся и в Инструкции, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280⁸. Согласно пп. 17, 18 этого нормативного правового акта установлен категорический запрет: *договор социального найма предоставленного жилого помещения с военнослужащим не может быть заключен до освобождения им занимаемого жилого помещения и его сдачи, что должно быть подтверждено документально.*

Итак, нормы федерального законодательства и развивающие их подзаконные правила вполне конкретно *связывают акт предоставления жилого помещения для постоянного проживания по договору социального най-*

⁸ Инструкция о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, жилых помещений по договору социального найма (приложение № 1 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280). Далее – Инструкция.

ма в избранном месте жительства с актом прекращения служебно-жилищного обеспечения указанных выше граждан. Следовательно, правовая ситуация, описанная в начале статьи, принимает характер социального отношения, не совпадающего с существующим нормативным порядком: постоянное социальное жилье не по месту службы нельзя получить до сдачи занимаемого служебного помещения, а сдача занимаемого служебного жилья означает и прекращение денежного компенсационного замещения за не предоставленное по месту службы служебное жилье.

Иными словами, в ситуации, описанной А.В. Ефремовым⁹, теряется непогрешимость однозначного разрешения спора между органом военного управления, прекратившим компенсационные выплаты взамен служебного жилья, в пользу военнослужащего, уже получившего от государства постоянное жилое помещение в избранном им после увольнения месте жительства, но еще продолжающего служить.

В основе данного разового социального конфликта лежат две правовые проблемы: частная и общая.

Частная проблема относится к вопросу о единомоментности прекращения прежнего жилищного права и возникновения нового. Следует полагать, что законодатель лишь в общих чертах обозначил свой подход: получение постоянного жилья социального использования не по месту военной службы предполагает одновременное прекращение военно-служебных отношений, т. е. увольнение военнослужащего. Но, зная о нереальности вмененного законом единомоментного вселения в постоянное жилье и выселения из временного (служебного), правоприменитель нашел некую компромиссную формулу сглаживания этого казуса посредством введения своеобразного «переходного» периода.

Например, Департамент жилищного обеспечения Минобороны России в памятке военнослужащему, предоставляющему документы для получения жилого помещения по договору социального найма, помимо поло-

жения о предоставлении документов о сдаче занимаемого жилого помещения, как это предусмотрено пп. 17, 18 Инструкции, допускает вместо справки о сдаче занимаемого жилого помещения предоставлять нотариально заверенное обязательство о сдаче занимаемого жилого помещения, при оформлении которого в тексте обязательства должно быть указано следующее: «...обязуемся в течение 2 месяцев с даты заключения договора социального найма на распределенное жилое помещение, расположенное по адресу... освободить и сдать в надлежащем состоянии квартирным органам Минобороны России занимаемое мной и членами моей семьи жилое помещение, расположенное по адресу... в том числе сняться с регистрационного учета всем составом семьи и закрыть финансовый лицевой счет»¹⁰.

С учетом сказанного решение военного суда, приведенное А.В. Ефремовым, согласно которому орган военного управления должен продолжать производить компенсационные выплаты вплоть до увольнения гражданина, уже получившего социальное жилье, является примером судебного восполнения правового пробела в правилах о жилищном обеспечении военнослужащих.

Общая проблема, которая и была обозначена в заголовке настоящей статьи, касается одного из принципов правового регулирования жилищного обеспечения военнослужащих, а именно соотношения их прав на постоянное и на временное жилищное обеспечение. На данном вопросе есть смысл остановиться и рассмотреть его более подробно, так как рассогласованность единичных правовых правил вполне простительна и преодолима, в то время как нерешенность базовых правовых вопросов (правовых ориентиров, принципов) всегда грозит существенными огрехами и в практике, и в теории правового регулирования.

Итак, как же соотносятся в настоящее время и как в идеале для новых социально-экономических реалий России должны соотноситься два указанных выше вида жилищного обеспечения военнослужащих?

⁹ Ефремов А.В. Указ. соч. С. 50 – 54.

¹⁰ URL:<http://dom.mil.ru/dom/social/permanent/flats.htm> (дата обращения: 17.05.2013).

О состоянии текущего правового регулирования жилищных прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, ранее говорилось вполне достаточно для того, чтобы заключить: *в действующем военном законодательстве есть два принципиально разных подхода*. Первый из них отражает принципы, заложенные еще в советский период, а второй – в наши дни, в реалиях молодой капиталистической России.

Согласно первому подходу, касающемуся всех военнослужащих, не входящих в круг участников накопительно-ипотечной системы, государство допускает «зачет» имеющихся у граждан частных жилищных прав в качестве основания для освобождения государства от заботы по их постоянному жилищному обеспечению. В этом отношении можно припомнить часто встречающийся и хорошо известный аргумент о социальной несправедливости со стороны тех военнослужащих, которые прослужили в армии не одно десятилетие, но так и не получили от государства какого-либо жилья на основании их жилищной обеспеченности за счет собственных (частных) средств.

Согласно второму подходу, касающемуся военнослужащих, входящих в круг участников накопительно-ипотечной системы, государство, образно выражаясь, не заглядывает в частный жилищный карман граждан и гарантирует всем в равной мере определенное законом денежное вспомоществование для самостоятельного решения вопроса о постоянном жилье, независимо от жилищной нуждаемости.

Именно указанный выше концепт в свое время и был подвергнут нами критике¹¹, однако тогда же отмечалось, что подобный подход не лишен особой социальной привлекательности для военнослужащих именно по причине *разграничения жилищных прав военнослужащих на права частножилищные* (по обеспечению постоянным жильем, не в связи с военной службой, как за счет собственных средств, так и с помощью публично-правовых денежных или натуральных выделений) и *публично-жилищные* (по обеспечению вре-

менным, служебным жильем и только в связи с военной службой).

Правда, наш законодатель, как это с ним часто бывает, и в данном вопросе не смог быть до конца последовательным.

Данная непоследовательность хорошо видна при рассмотрении правила о том, что при увольнении с военной службы по «льготным» основаниям до достижения двадцатилетней выслуги выплата накоплений осуществляется всегда, но выплата средств, дополняющих накопления до расчетного «недостающего» двадцатилетнего периода, возможна только для тех участников системы, которые или досрочно воспользовались правом реализации, или могут быть признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий.

Принцип разграничения государственно-публичных и частных жилищных прав военнослужащих – участников накопительно-ипотечной системы не соблюдается и в вопросе о правах тех участников, которые воспользовались своим правом в период службы и приобрели жилье за счет целевого жилищного займа по месту военной службы.

С учетом того что согласно жилищному законодательству, реализация своего права участниками НИС на использование накоплений (как досрочно, так и при приобретении прав на такие накопления) путем приобретения в собственность жилых помещений по месту службы освобождает государство от обязанности предоставить таким военнослужащим служебное жилье, подобные варианты уже просчитываются государством при определении потребностей в служебном жилищном фонде. Так, еще в бытность нахождения на посту министра обороны страны в 2005 г. С. Иванов докладывал Верховному Главнокомандующему следующее. «На будущий год по служебному жилью мы запланировали получение 23 тыс. квартир, что позволит нам иметь их в количестве 225 тыс. Я назвал численность общую – 480 тыс. квартир под всех офицеров и прапорщиков. Но здесь должен оговориться: начиная с 2007 – 2008 годов у нас уже молодые офицеры начинают... покупать квартиры по накопительно-

¹¹ Воробьев Е.Г. Правовая идеология накопительно-ипотечной системы: жилищное обеспечение военнослужащих или государственный откуп от него? // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 10, 11.

ипотечной системе. В этом случае, если они будут иметь квартиру и служить в этом же городе, служебное жилье им практически уже не понадобится... По нашим подсчетам общий фонд через несколько лет, нужный Министерству обороны по служебному жилью, – примерно 420 тысяч квартир за счет вот этого»¹².

Даже невооруженным глазом можно заметить фактическую неравнозначность юридически равнозначных возможностей в решении жилищного вопроса указанных военнослужащих. Приобретая жилье вне места службы, участники системы пользуются благами и служебно-жилищного, и постоянно-жилищного обеспечения одновременно (напомним, что в процессе обсуждения законопроекта о новой системе государственные руководители заверяли, что военнослужащие смогут не только сами проживать в своей квартире, но и, будучи обеспеченными служебным жильем, на законных основаниях сдавать такое жилье внаем иным гражданам, тем самым получая дополнительные средства для ускорения погашения ипотечного кредита), в то время как приобретение жилья по месту службы ставит таких военнослужащих в совсем иное правовое и экономическое положение, уже описанное нами.

Существенный «вклад» в дело смешения постоянных и временных жилищных прав военнослужащих вносит правовая норма абз. 2 п. 1 ст. 15 Закона о статусе о том, что служебно-жилищное обеспечение может осуществляться не только по месту дислокации воинской части (по месту службы), но в иных близлежащих населенных пунктах. Аналогия запрета на предоставление служебного жилья тем, кто обеспечен иным жильем в данном населенном пункте (ч. 2 ст. 99 ЖК РФ), наложенная на военно-правовую норму о возможном служебно-жилищном обеспечении даже вне пункта дислокации воинской части, породила «монстра» чрезмерного военно-административного усмотрения.

Это, следует полагать, означает не только гибкость (вариативность), столь желаемую в правовом регулировании, но и осуждаемую

всеми возможную административно-правовую произвольность в действиях органов военного управления, вытекающую из этой самой вариативности. Ведь именно командованию определять, каким образом будут реализовываться одинаковые по сути служебно-жилищные права граждан:

– кого признавать нуждающимся в служебном жилье, а кого – не признавать;

– кому жить рядом с местом службы, а кому – «в близлежащих населенных пунктах», затрачивать ничем не компенсируемые время и деньги на дорогу;

– кому проживать в просторном доме (коттедже) или отдельной квартире, а кому – в тесной комнате общежития или в квартире с подселением;

– кому пользоваться арендованным жильем, за которое собственнику вместо военнослужащего ежемесячно уплачивается государством от 10 тыс. руб. до 20 тыс. руб., а кому – съемным жильем, выплачивая примерно такие же деньги, но из своего кармана за вычетом компенсации за наем (поднаем) жилья в размере 15 тыс. руб. (для Москвы и Санкт-Петербурга), 3,6 тыс. руб. (для таких населенных пунктов, как города и районные центры) или 2,7 тыс. руб. (для прочих населенных пунктов).

Впрочем, проблема неравенства в равных правах заслуживает отдельного разговора, напрямую не относящегося к рассматриваемому вопросу, хотя указанная произвольность довольно точно отражает ту из черт в соотношении прав на служебное и постоянное жилищное обеспечение, которая касается рассматриваемого нами *существующего смешивания автономных видов права на жилище*. При таком смешивании они могут существенно влиять друг на друга, блокировать реализацию своего антипода или даже вытеснить его.

Правовед С.И. Сулова, подвергнув научному анализу существующую классификацию жилищных прав, обратила внимание на то, что по социальной значимости для человека и общества все жилищные права условно можно разделить на две главные группы:

¹² Владимир Путин: Надувательство прекратить немедленно. Из стенограммы совещания в Кремле 28 ноября 2005 г. URL: <http://www.rg.ru/2005/11/29/putin-voenie.html> (дата обращения: 25.04.2013).

на права срочного (непостоянного, неустойчивого, нестабильного) и бессрочного (постоянного, устойчивого, стабильного) вида¹³. Подчеркнув определенную условность такого деления (по аналогии с ранее приведенным мнением, высказанным Р.А. Трощенко о том, что срочные права могут носить фактически бессрочный характер, и наоборот), С.И. Сулова поддержала мнение известного специалиста в области жилищного права В.Н. Литовкина, который вывел формулу социально-жилищной справедливости в праве на жилище.

В основу данной формулы положена мера участия государства в создании условий для реализации гражданами своего конституционного права (ст. 40 Конституции Российской Федерации) применительно к интересующему нас вопросу о соотношении прав на временное и постоянное жилье. С учетом предмета нашего разговора есть смысл привести главные извлечения из этой формулы: «Временное пользование является малозащищенным правом и должно рассматриваться как нарушение основного права на жилище... Удовлетворяя свои жилищные права «на временной основе», граждане должны иметь возможность и право решить свою жилищную проблему именно путем приобретения жилого помещения на бессрочной основе... где их право будет наконец постоянным, бессрочным, устойчивым, стабильным»¹⁴.

В свое время видный российский теоретик государства и права Ю.С. Гамбаров (1884 – 1920) разъяснял мысль о недопустимости господства лишь юридического формализма, при котором правоведение должно ориентироваться только на писанные правила (нормы законов и подзаконных актов), игнорируя иные социальные реалии, их корректирующие.

«Сводить всю юриспруденцию к толкованию действующего права и притом такого, которое выражено только в законодательстве... это значит вести юриспруденцию как науку к банкротству...»

«Всякое право есть часть целого, которое называется обществом, и из которого оно (право) заимствует как свое содержание, так и основание своего действия. Источником его служит не один закон, который не может всего предвидеть и выражает лишь минимальную часть фактически существующего права. Закон резюмирует... только прошлое и уже пережитое, рядом с которым бьют и никогда неиссякаемые ключи настоящего. Эти ключи исходят из ежедневно нарождающихся потребностей экономической и общественной жизни, из вновь складывающихся в различных общественных слоях навыков и обычаев, из доминирующих в тот или иной момент умственных течений и нравственных идей, из устанавливающейся часто в противоречии с действующим законодательством судебной практики... из постоянно обновляющихся учений юристов, экономистов, политиков и т. д.»¹⁵.

Развитие мыслей одного из классиков российского правоведения имеет отношение и к нашему вопросу о соотношении служебно-жилищного и постоянно-жилищного обеспечения военнослужащих.

В формальном законе мы отчетливо видим следы наслоений прежнего просоветского, порядка на новый, капиталистический. И такое наслоение, в какой-то мере терпимое в настоящее время, в перспективе должно быть «разведено».

В условиях отсутствия в необходимом количестве и качестве специализированного жилищного фонда служебно-жилищное обеспечение военнослужащих определенное время может оставаться вариативным, комплексным, сочетающим в себе элементы и вещно-правовых, и обязательно-правовых форм, дополняющих друг друга в зависимости от конкретных условий прохождения военной службы и задач, решаемых военнослужащими разных категорий. При таком подходе это может быть не только предоставление жилья по договору найма служебных жилых помещений или по договору социаль-

¹³ Сулова С.И. Жилищные права: понятие и система. М., 2011. С. 89 – 94.

¹⁴ Литовкин В.Н. Обеспечительная функция жилищного законодательства // Жилищное право. 2008. № 3.

¹⁵ Цит. по: Радько Т.Н. Хрестоматия по теории государства и права. М., 2009. С. 652 – 653.

ного найма из федеральных жилищных фондов, но и приобретение военнослужащими жилья в собственность с помощью государства, и предоставление военнослужащим арендованных государством жилых помещений, и перевод жилищного обеспечения в форму денежно-компенсационных выплат за их наем (поднаем) у частных лиц на весь период военной службы в урбанизированной местности. Выбор тех или иных форм должен зависеть как от воли и возможностей государства, так и от волеизъявления и возможностей самих военнослужащих.

Однако в любом случае и государство, и граждане не должны злоупотреблять такой вариативностью, а стремиться к соблюдению

принципа разграничения временных и постоянных жилищных прав военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Итак, существующий порядок допускает смешение временных и постоянных форм жилищного обеспечения военнослужащих, что нередко ведет к нарушению и временных, и постоянных жилищных прав. Государству надлежит последовательно нормативно разграничить связи таких форм с тем, чтобы в новых социально-экономических условиях реализация государственных публично-значимых целей не становилась препятствием в осуществлении частных прав и свобод граждан в погонах.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПОГИБШИХ (УМЕРШИХ) В ПЕРИОД ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В СВЯЗИ С ИСПОЛНЕНИЕМ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Е.Н. Трофимов, юрист, подполковник юстиции запаса

В соответствии с ч. 1 ст. 59 Конституции Российской Федерации защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации¹. Указанную функцию граждане Российской Федерации, а в предусмотренных законодательством случаях и иностранные граждане и лица без гражданства в мирное время осуществляют путем прохождения военной службы.

Статьей 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ определено, что «*военная служба – особый вид федеральной государственной службы* (выделено автором), исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного го-

сударства, в Вооруженных Силах Российской Федерации и во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – другие войска), в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти и в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны (далее – воинские формирования), Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государствен-

¹ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875>

ной власти Российской Федерации (далее – органы), воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формирований, а гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранными гражданами – в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях»².

Абзацем 2 п. 2 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ установлено, что на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни³.

Таким образом, для военнослужащих законодательно закреплена допустимость выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. Указанные положения распространяются на военнослужащих как в военное, так и в мирное время.

Новейшая история показала, что в отношении России существуют не только глобальные угрозы, способные привести к войне в классическом ее понимании, но и локальные угрозы, вызванные, прежде всего, проявлениями религиозного экстремизма и терроризма.

Военнослужащие и в настоящий момент продолжают самоотверженно выполнять специальные задачи по обеспечению государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, по обеспечению законности и правопорядка, прежде всего на территории Северо-Кавказского региона, а также выполняют миротворческие функции на территориях других государств в соответствии с международными договорами и соглашениями. Выполнение этих задач объективно сопряжено с риском для жизни и здоровья военнослужащих.

Однако не только выполнение специальных задач и непосредственное участие в боевых действиях создают угрозу жизни и здо-

ровью военнослужащих, но и повседневная деятельность войск, боевая учеба, учения и маневры также сопряжены с риском для жизни и здоровья военнослужащих ввиду того, что все эти мероприятия проводятся с привлечением большого количества машин и механизмов, которые, являясь источником повышенной опасности, несут в себе потенциальную угрозу жизни и здоровью.

Таким образом, сама специфика военной службы предполагает определенную угрозу жизни и здоровью военнослужащих.

Именно особым характером военной службы обусловлены дополнительные права, гарантии и преимущества как для военнослужащих, так и для членов их семей. Это законодательно закреплено п. 2 ст. 1 и п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих»⁴.

Вопрос социальной защиты членов семей погибших (умерших) военнослужащих, в том числе погибших (умерших) в связи с исполнением ими обязанностей военной службы, в настоящее время остается одним из самых актуальных. При этом, наиболее острым является вопрос обеспечения членов семей погибших (умерших) военнослужащих жилыми помещениями.

Социальные гарантии членам семей военнослужащих, погибших (умерших) в связи с исполнением обязанностей военной службы, в том числе в области жилищного обеспечения, регламентируются достаточно большим количеством нормативных правовых актов, которые во многом дублируют друг друга, а различные формулировки в них одних и тех же социальных гарантий и прав (в рассматриваемом случае – жилищных прав) вносят определенную путаницу и допускают неоднозначную их трактовку.

Так, права членов семей погибших (умерших) военнослужащих в части их жилищного обеспечения в той или иной степени отражены:

в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» от 28 мая 1998 г. № 76-ФЗ (п. 3 ст. 15.1, п. 2 ст. 24, п. 3.1 ст. 24, п. 2 ст. 25)⁵;

² URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146307>

³ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133509>

⁴ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133509>

⁵ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133509>

в Федеральном законе «О ветеранах» от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (подп. 4 п. 1 ст. 21)⁶;

в Законе Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» от 21 января 1993 г. № 4328-1⁷ (ст. 3 распространяет на членов семей военнослужащих, погибших при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, социальные гарантии и компенсации, действующие в отношении членов семей военнослужащих, погибших в Великой Отечественной войне);

в Постановлении Правительства Российской Федерации «О дополнительных мерах по социальной защите членов семей военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, непосредственно участвующих в борьбе с терроризмом на территории Республики Дагестан и погибших (пропавших без вести) при выполнении служебных обязанностей» от 25 августа 1999 г. № 936⁸ (п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 28 октября 1999 г. № 1197-68⁹ действие Постановления Правительства Российской Федерации от 25 августа 1999 г. № 936 распространено на военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и сотрудников уголовно-исполнительной системы, выполняющих задачи на территории Северо-Кавказского региона, и членов их семей);

в Постановлении Правительства Российской Федерации «Об усилении социальной защиты членов семей погибших (умерших) военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти» от 21 июня 2002 г. № 451¹⁰;

в Постановлении Правительства Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и со-

трудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» от 9 февраля 2004 г. № 65¹¹ (п. 10);

в приказе Министра обороны Российской Федерации «О дополнительных мерах по социальной защите членов семей военнослужащих, выполнявших задачи на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и погибших (пропавших без вести), умерших, ставших инвалидами в связи с выполнением служебных обязанностей»¹² от 26 января 2000 г. № 44 (п. 2);

в директиве Министра обороны Российской Федерации «Об улучшении работы по обеспечению жилой площадью семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы» от 11 июля 1996 г. № Д-16¹³.

В связи с изложенным следует отметить, что в соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, с учетом права на дополнительную жилую площадь. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

Указанным военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной служ-

⁶ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=144774>

⁷ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133797>

⁸ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=107872>

⁹ URL: <http://www.referent.ru/1/65478>

¹⁰ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=57813>

¹¹ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=107871>

¹² URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=68634>

¹³ URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_57607.html

бы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования), и совместно проживающим с ними членам их семей на первые пять лет военной службы предоставляются служебные жилые помещения или общежития. При продолжении военной службы свыше указанных сроков им предоставляются жилые помещения на общих основаниях.

В соответствии с п. 2 ст. 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» члены семей военнослужащих, потерявшие кормильца, не могут быть выселены из занимаемых ими жилых помещений без безвозмездного предоставления им другого благоустроенного жилого помещения в случае прекращения членами семей трудовых отношений с соответствующими организациями, за ними после гибели (смерти) военнослужащего сохраняется право на улучшение жилищных условий в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Пункт 3.1 ст. 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусматривает, что за членами семей военнослужащих (за исключением военнослужащих, участвовавших в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих), погибших (умерших) в период прохождения военной службы, а также за членами семей граждан, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, сохраняется право на обеспечение жилыми помещениями, которое они приобрели в соответствии с названным Федеральным законом до гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, уволенного с военной службы.

При этом, лицам, указанным в абз. 1 п. 3.1 ст. 24 названного Закона, жилые помещения предоставляются в первоочередном порядке.

Именно буквальная трактовка вышеприведенного положения п. 3.1 ст. 24 Федераль-

ного закона «О статусе военнослужащих» позволяет учреждениям Министерства обороны Российской Федерации, уполномоченным принимать решения о предоставлении жилья военнослужащим и членам их семей за счет фондов Министерства обороны Российской Федерации, отказывать членам семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения ими военной службы, в том числе в связи с исполнением обязанностей военной службы при участии в боевых действиях, в предоставлении им жилых помещений, если сам военнослужащий с соответствующим составом семьи до момента гибели (смерти) в установленном порядке не был признан нуждающимся в получении жилого помещения по договору социального найма либо в собственность.

Видится, что в соответствии с действующим законодательством, с учетом того, что вопросы жилищного обеспечения членов семей погибших (умерших) военнослужащих регламентируются и иными нормативными правовыми актами, подобные утверждения не являются бесспорными.

Следует отметить, что зависимость обязанности Министерства обороны Российской Федерации по обеспечению жилыми помещениями членов семей погибших (умерших) военнослужащих от признания таких военнослужащих до момента гибели (смерти) нуждающимися в получении жилья не является абсолютной.

Так, ст. 3 Закона Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» от 21 января 1993 г. № 4328-1 установлено, что на членов семей военнослужащих, погибших при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, распространяются социальные гарантии и компенсации, действующие в отношении членов семей военнослужащих, погибших в Великой Отечественной войне.

Согласно подп. 4 п. 1 ст. 21 Федерального закона «О ветеранах» от 12 января 1995 года № 5-ФЗ членам семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны и ветеранов боевых действий, нуждающимся в улучшении жилищных условий и вставшим на учет до 1 января 2005 г., предоставляется такая мера социальной поддержки в области жилищного обеспечения, как обеспечение за счет средств федерального бюджета жилыми помещениями, которое осуществляется в соответствии с положениями ст. 23.2 названного Федерального закона.

Члены семей погибших (умерших) инвалидов боевых действий и ветеранов боевых действий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жильем в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации. Члены семей погибших (умерших) инвалидов Великой Отечественной войны и участников Великой Отечественной войны обеспечиваются жильем независимо от их имущественного положения. *В указанных нормах речь идет о признании нуждающимися в получении жилья самих членов семей погибших (умерших) военнослужащих.*

Таким образом, условием обеспечения жильем членов семей погибших (умерших) военнослужащих – ветеранов боевых действий является их нуждаемость в жилом помещении, при этом независимо от их имущественного положения.

Пунктом 1 Постановления Правительства Российской Федерации «О дополнительных мерах по социальной защите членов семей военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, непосредственно участвующих в борьбе с терроризмом на территории Республики Дагестан и погибших (пропавших без вести) при выполнении служебных обязанностей» от 25 августа 1999 г. № 936 на Министерство обороны Российской Федерации, другие федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации возложена обязанность по предоставлению во внеочередном порядке нуждающимся в улучшении жилищных условий семьям военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел,

Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системы, непосредственно участвовавших в проведении контртеррористической операции и погибших (пропавших без вести) при выполнении служебных обязанностей, жилых помещений по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Указанное положение продублировано п. 2 приказа Министра обороны Российской Федерации «О дополнительных мерах по социальной защите членов семей военнослужащих, выполнявших задачи на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и погибших (пропавших без вести), умерших, ставших инвалидами в связи с выполнением служебных обязанностей» от 26 января 2000 г. № 44.

Пунктом 10 Постановления Правительства Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» от 9 февраля 2004 г. № 65 также предписано предоставлять во внеочередном порядке семьям погибших (пропавших без вести) сотрудников и военнослужащих из числа указанных в п. 1 названного Постановления, нуждающимся в улучшении жилищных условий, жилые помещения по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации «Об усилении социальной защиты членов семей погибших (умерших) военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти» от 21 июня 2002 г. № 451 в части установления порядка обеспечения жилыми помещениями членов семей погибших (умерших) военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти определено, что на Министерство обороны Российской Федерации, другие федеральные органы исполнительной власти, в которых законом предусмотрена

военная служба, Федеральную службу исполнения наказаний, Федеральную таможенную службу и Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков возложена обязанность предоставлять нуждающимся в улучшении жилищных условий членам семей военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, сотрудников органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов и органов налоговой полиции, погибших (умерших) в период прохождения военной службы (службы), жилые помещения во внеочередном порядке на основании и условиях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и имевших место на момент гибели (смерти) военнослужащего (сотрудника).

Таким образом, из анализа вышеуказанных правовых актов следует, что условием предоставления во внеочередном порядке членам семей военнослужащих, выполнявших задачи на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и погибших (пропавших без вести) в связи с выполнением служебных обязанностей, является их нуждаемость в улучшении жилищных условий на момент их обращения с соответствующим заявлением, независимо от того, признавался ли ранее сам военнослужащий, с соответствующим составом семьи, нуждающимся в улучшении жилищных условий.

Указанный вывод при изложенных выше обстоятельствах подтвержден решением Верховного Суда от 16 сентября 2010 года № ГКПИ10-921.

Так, Верховный Суд Российской Федерации при правовой оценке Постановления Правительства Российской Федерации «Об усилении социальной защиты членов семей погибших (умерших) военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти» от 21 июня 2002 г. № 451 в части установления порядка обеспечения жилыми помещениями членов семей погибших (умерших) военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной

власти пришел к выводу, что приведенная в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 июня 2002 г. № 451 норма не только не ухудшает положение членов семьи погибшего сотрудника, а по существу *вводит дополнительную, не предусмотренную федеральным законом социальную гарантию для членов семьи погибшего сотрудника, ранее не состоявших на жилищном учете, но нуждающихся в улучшении жилищных условий.*

В последующем определением Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2010 г. № КАС10-614 решение Верховного Суда от 16 сентября 2010 г. № ГКПИ10-921 оставлено без изменения. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2010 г. № КАС10-614 отмечено, что из содержания Постановления Правительства Российской Федерации от 21 июня 2002 г. № 451 следует, что данный акт принят в целях повышения уровня социальной защиты членов семей погибших (умерших) военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти. *При этом, обязанность соответствующих органов по предоставлению нуждающимся в улучшении жилищных условий жилых помещений на условиях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и имевших место на момент гибели (смерти) военнослужащего (сотрудника), не связывается с условием постановки на жилищный учет.*

Следует указать, что обязанность по обеспечению жильем членов семей погибших (умерших) в период прохождения военной службы военнослужащих возлагается на Министерство обороны Российской Федерации, что прямо вытекает из Постановления Правительства Российской Федерации от 21 июня 2002 г. № 451.

Обеспечение членов семей погибших при исполнении обязанностей военной службы военнослужащих, нуждающихся в улучшении жилищных условий, независимо от их нахождения на жилищном учете предусмотрено также и директивой Министра обороны Российской Федерации «Об улучшении работы по обеспечению жилой площадью семей военнослужащих, погибших (умерших) в период

прохождения военной службы» от 11 июля 1996 г. № Д-16.

Указанный правовой акт Министерства обороны Российской Федерации является действующим. Директива Министра обороны Российской Федерации от 11 июля 1996 г. № Д-16 предполагает возможность обеспечения жильем членов семей погибших (умерших) в период прохождения военной службы военнослужащих независимо от обстоятельств их гибели (смерти), но ее положения распространяются на ограниченную категорию членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения ими военной службы.

Так, п. 2 указанной директивы Министра обороны Российской Федерации предложено семьям погибших (умерших) военнослужащих, проходивших военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, проживающим за границей, в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с тяжелыми и неблагоприятными климатическими и экологическими условиями, на территориях, отнесенных к зонам вооруженных конфликтов, и не имеющим в собственности квартиры, индивидуального жилого дома или забронированной жилой площади, в виде особого исключения предоставлять по решению заместителя Министра обороны Российской Федерации – начальника строительства и расквартирования войск жилую площадь из фонда Министерства обороны Российской Федерации.

Таким образом, в соответствии с указанной директивой на членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, распространяются гарантии в области жилищного обеспечения при условии их проживания за границей, в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с тяжелыми и неблагоприятными климатическими и экологическими условиями, на территориях, отнесенных к зонам вооруженных конфликтов, при условии, если они не имеют в собственности квартиры, индивидуальные жилые дома или забронированные жилые площади.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что на получение

жилого помещения по договору социального найма вправе рассчитывать не только члены семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, в том числе в связи с исполнением обязанностей военной службы, признанные в установленном порядке вместе с военнослужащим нуждающимися в получении жилого помещения по договору социального найма (в собственность) до его гибели (смерти), но и те члены семей погибших (умерших) военнослужащих, которые по тем или иным причинам не были признаны вместе с военнослужащим нуждающимися в получении жилья, но в соответствии с действующим законодательством являются нуждающимися в получении такого жилья.

Следует указать, что основания признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, определены ст. 51 Жилищного кодекса Российской Федерации. Так, гражданами, нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются:

1) не являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения;

2) являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы;

3) проживающие в помещении, не отвечающем установленным для жилых помещений требованиям;

4) являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма, членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма или собственниками жилых помещений, членами семьи собственника жилого помещения, прожива-

ющими в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно, и не имеющими иного жилого помещения, занимаемого по договору социального найма или принадлежащего на праве собственности. Перечень соответствующих заболеваний устанавливается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Видится, что вопросы социального обеспечения (в том числе жилищного обеспечения) членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, прежде всего в связи с исполнением

обязанностей военной службы, требуют более детального раскрытия и кодификации¹⁴. Это можно сделать как на основе действующего Федерального закона «О статусе военнослужащих», так и путем принятия отдельного закона. С учетом того что военнослужащие выполняют как в мирное, так и в военное время общественно значимые функции, было бы справедливым не ставить вопрос обеспечения жильем членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в связи с исполнением обязанностей военной службы, в зависимости от общей продолжительности военной службы таких военнослужащих на момент их гибели (смерти) и от их признания нуждающимися в получении жилья до момента их гибели (смерти).

¹⁴ Кодификация – упорядочение юридических норм в процессе правотворческой деятельности, издание на этой основе единого, юридически и логически цельного кодифицированного акта (основ, кодекса, устава, положения и др.).

О ВЫПЛАТЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДОПОЛНЯЮЩИХ НАКОПЛЕНИЯ ДЛЯ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, ВОЕННОСЛУЖАЩИМ, УЧАСТВОВАВШИМ В НАКОПИТЕЛЬНО-ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ, И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ: ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Д.И. Ковтков, консультант отдела Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Право на обеспечение жилыми помещениями – важная социальная гарантия правового статуса военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (далее – военнослужащие), закрепленная в ч. 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (далее – Федеральный закон № 76-ФЗ) и Федеральном законе «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ (далее – Федеральный закон о НИС), распространяющая-

ся как на самих военнослужащих, так и на членов их семей.

В настоящей статье мы рассмотрим вопросы, связанные с выплатой денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, военнослужащим – участникам накопительно-ипотечной системы (далее – участники НИС).

С принятием Федерального закона о НИС порядок и условия жилищного обеспечения военнослужащих, впервые поступивших на военную службу по контракту после 1 января 2005 г., а также некоторых иных катего-

рий военнослужащих кардинально поменялись.

Согласно абз. 1 п. 15 ст. 15 Федерального закона № 76-ФЗ военнослужащим, являющимся участниками НИС, выделяются денежные средства на приобретение жилых помещений в порядке и на условиях, которые установлены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При этом, согласно абз. 2 п. 15 на военнослужащих – участников НИС и членов их семей не распространяется действие абз. 12 п. 1, пп. 13 и 14 ст. 15, а также абз. 2 и 3 п. 1 ст. 23 Федерального закона № 76-ФЗ, т. е. не распространяются нормы о натуральном обеспечении жилыми помещениями военнослужащих и предоставлении им государственных жилищных сертификатов.

Из изложенного следует, что Федеральный закон № 76-ФЗ прямо закрепляет, что военнослужащим – участникам НИС и членам их семей жилые помещения в натуре не предоставляются, а их жилищное обеспечение осуществляется в соответствии со специальным законом и иными нормативными правовыми актами.

Вместе с тем, военнослужащие – участники НИС получают накопительные взносы, которые ежеквартально перечисляются из федерального бюджета¹ и учитываются на именном накопительном счете участника НИС.

Федеральный закон о НИС предусматривает выплату в установленных случаях участникам НИС накоплений, учтенных на именных накопительных счетах участников НИС, и денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения. При этом, необходимо отметить, что выплату денежных средств, дополняющих накопления, производит федеральный орган исполнительной власти, в котором участник НИС проходил военную службу, в то время как за перечисление накоплений для жилищного

обеспечения отвечает уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, обеспечивающий функционирование накопительно-ипотечной системы (Минобороны России² в лице ФГКУ «Росвоенипотека»³). Для денежных средств, дополняющих накопления, и накоплений для жилищного обеспечения установлены различные основания и сроки выплаты, цели расходования.

Пункт 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона о НИС предусматривает возможность реализации права на жилище участниками НИС посредством выплаты денежных средств, дополняющих накопления, учтенные на именном накопительном счете, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник НИС в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы в календарном исчислении могла бы составить 20 лет (без учета дохода от инвестирования).

Право на получение денежных средств, дополняющих накопления, в соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона о НИС также имеют и члены семьи участника НИС, исключенного из списков личного состава воинской части в связи с гибелью или смертью, признанием безвестно отсутствующим или объявлением умершим.

К членам семьи участника НИС ч. 1 ст. 12 Федерального закона о НИС относит: супруга или супругу; несовершеннолетних детей; детей старше 18 лет, ставших инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; детей в возрасте до 23 лет, обучающихся в образовательных учреждениях по очной форме обучения; лиц, находящихся на иждивении военнослужащего. Данный перечень членов семьи военнослужащего – участника НИС, естественно, полностью совпадает с перечнем членов семьи военнослужащего, закрепленным в абз. 5 п. 5 ст. 2 Федерального закона № 76-ФЗ.

Выплата денежных средств, дополняющих накопления, осуществляется в соответствии

¹ В 2013 г. размер накопительного взноса на одного участника НИС составляет 222,0 тыс. руб. (ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» от 3 декабря 2012 г. № 216-ФЗ).

² Указ Президента Российской Федерации «Вопросы накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» от 20 апреля 2005 г. № 449.

³ Постановление Правительства Российской Федерации «О создании федерального государственного учреждения «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» от 22 декабря 2005 г. № 800.

с Федеральным законом о НИС, Правилами выплаты участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих или членам их семей денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2005 г. № 686 (далее – Правила), а также нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Указанные нормативные правовые акты, устанавливая и регулируя правила выплаты денежных средств, дополняющих накопления, вместе с тем, по мнению автора, нуждаются в совершенствовании. Так, данные акты не устанавливают, в течение какого срока члены семьи участника НИС имеют право обратиться за выплатой денежных средств, дополняющих накопления, равны ли доли членов семьи участника НИС при выплате денежных средств, дополняющих накопления, в каком порядке выплачиваются денежные средства, дополняющие накопления, несовершеннолетним членам семьи участника НИС, которые проживают, например, с бывшей супругой (супругом) участника НИС либо находятся под опекой (попечительством), что делать, если члены семьи, а также законные представители несовершеннолетнего не обращаются за выплатой денежных средств, дополняющих накопления, и др.

В настоящей статье мы постараемся ответить на эти и другие вопросы.

Частью 2 ст. 4 Федерального закона о НИС установлено, что выплата денежных средств, дополняющих накопления, производится военнослужащим, участвовавшим в НИС, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Федеральным законом о НИС.

Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона о НИС в случае исключения участника НИС из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью, признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим члены его семьи имеют право использовать денежные средства, дополняющие накопления, в целях приобретения жилого помещения или жилых помещений в собственность или в иных целях.

Таким образом, право на использование денежных средств, дополняющих накопления, возникает у членов семьи участника НИС только после его исключения из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью (смертью), признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим (объявлением умершим) и только на основании и в соответствии с положениями названного Федерального закона.

При этом, поскольку право на получение денежных средств, дополняющих накопления, имеют все члены семьи участника НИС, в том числе и несовершеннолетние, то вместо несовершеннолетних членов семьи дополняющие накопления денежные средства вправе получать и распоряжаться ими в интересах несовершеннолетних только их законные представители – родители, усыновители или опекуны (попечители), что прямо предусмотрено ст.ст. 26 и 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации и гл. 4 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ.

Если нахождение несовершеннолетнего члена семьи участника НИС либо его законных представителей неизвестно, то о том, что несовершеннолетний имеет право на получение денежных средств, дополняющих накопления, а также в целях защиты его прав, по нашему мнению, необходимо уведомлять не только его законных представителей, но и орган опеки и попечительства по последнему известному месту жительства (регистрации) несовершеннолетнего и (или) его законных представителей.

Федеральный закон о НИС, Правила не содержат порядка определения причитающейся каждому члену семьи участника НИС доли денежных средств, дополняющих накопления, а также не содержат прямых норм, указывающих на то, что такие доли необходимо считать равными.

При этом, определять доли членов семьи участника НИС исходя из ч. 1 ст. 245 ГК РФ, согласно которой, если доли участников долевой собственности не могут быть определены на основании закона и не установлены соглашением всех ее участников, доли считаются равными, либо исходя из ч. 2 ст. 1141 ГК РФ, в которой закреплено, что наследники одной очереди наследуют в равных долях, как это иногда пытаются делать на практике федеральные органы исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, нельзя, поскольку ч. 8 ст. 5 Федерального закона о НИС закрепляет, что *накопления для жилищного обеспечения являются собственностью Российской Федерации* (здесь и далее по тексту курсив мой. – Д. К.), в связи с чем накопления для жилищного обеспечения нельзя считать общей долевой собственностью участника НИС и членов его семьи, а также они не могут входить в состав наследственного имущества участника НИС и на них не распространяются положения разд. V ГК РФ о наследовании.

Более того, в ст. 2 ГК РФ закреплено, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

Сам Федеральный закон о НИС не предусматривает применение к регулируемым им отношениям, в том числе связанным с выплатой денежных средств, дополняющих накопления, каких-либо положений гражданского законодательства.

Однако доли членов семьи участника НИС, по нашему мнению, необходимо считать рав-

ными, в том числе исходя из положений п. 12 Правил, которым установлено, что дополняющие накопления перечисляются заинтересованным федеральным органом исполнительной власти участнику НИС или членам его семьи в безналичном порядке для возврата задолженности перед уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, для погашения обязательств по ипотечному кредиту (займу), полученному участником НИС, для оплаты жилого помещения, приобретаемого этим участником или одним из членов его семьи, *либо на счет участника или члена его семьи для дальнейшего приобретения жилого помещения.*

При этом, платежные реквизиты счета либо счетов, на которые должны быть зачислены денежные средства, указываются в рапорте (заявлении) лица либо лиц, имеющих право на получение денежных средств, дополняющих накопления, т. е. в этом случае денежные средства, дополняющие накопления, по заявлениям совершеннолетних лиц, имеющих право на получение таких денежных средств, должны быть перечислены каждому из них в отдельности в равных долях.

Таким образом, доли денежных средств, дополняющих накопления, членов семьи участника НИС должны считаться равными⁴ и по заявлению таких лиц либо законного представителя несовершеннолетнего должны перечисляться на их отдельные счета.

Кроме этого, из Федерального закона о НИС и Правил следует, что каждый член семьи участника НИС имеет самостоятельное право на долю денежных средств, дополняющих накопления, а значит наличие оснований для отказа в выплате доли денежных средств, дополняющих накопления, одному из членов семьи участника НИС не означает, что остальным членам семьи также должно быть отказано в выплате доли денежных средств, дополняющих накопления.

Поскольку доля члена семьи участника НИС, которому отказано в выплате денежных средств, дополняющих накопления, может быть ему выплачена при устранении при-

⁴ См. также: *Свинных Е.А.* О праве участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и членов их семей на денежные средства, дополняющие накопления для жилищного обеспечения // *Право в Вооруженных Силах.* 2013. № 2. С. 41 – 49.

чин, послуживших основанием для отказа в выплате доли, после его повторного обращения с заявлением о выплате доли денежных средств, дополняющих накопления, представляется, что доля такого члена семьи (при отказе в выплате) между другими членами семьи участника НИС распределению не подлежит.

Кроме того, доля денежных средств, дополняющих накопления, принадлежит члену семьи участника НИС на основании закона, в связи с чем также не может быть распределена между другими членами семьи участника НИС и в случае отказа в ее выплате подлежит перечислению в федеральный бюджет в установленном порядке, однако после повторного обращения члена семьи участника НИС с заявлением о выплате причитающейся ему доли она должна быть ему выплачена, если не имеется предусмотренных Правилами оснований для отказа в выплате доли.

Следующее, на что необходимо обратить внимание при выплате денежных средств, дополняющих накопления, это на то, что, как уже было сказано, ч. 2 ст. 4 Федерального закона о НИС закрепляет, что денежные средства, дополняющие накопления, выплачиваются только участникам НИС или членам их семьи, *не являющимся* нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Федеральным законом о НИС.

Таким образом, ч. 2 ст. 4 устанавливает, что денежные средства, дополняющие накопления, не выплачиваются участнику НИС или членам его семьи только в том случае, если они являются собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, приобретенных не за счет использования целевых жилищных займов, предоставленных в соответствии с Федеральным законом о НИС. Если же жилые помещения участником НИС или членами его се-

мьи приобретены за счет использования целевых жилищных займов, предоставленных в соответствии с Федеральным законом о НИС, то такие жилые помещения при выплате денежных средств, дополняющих накопления, участнику НИС или членам его семьи учитываться не должны.

Вместе с тем, в п. 10 Правил закреплено, что участник НИС или члены его семьи вправе повторно обратиться с рапортом (заявлением) о выплате денежных средств, дополняющих накопления, после устранения причин, послуживших основанием для отказа в их выплате.

Основаниями к отказу в выплате денежных средств, дополняющих накопления, согласно п. 9 Правил являются непредставление или представление не в полном объеме предусмотренных документов либо недостоверность сведений, содержащихся в представленных документах.

При этом, необходимо отметить, что такого основания к отказу в выплате денежных средств, дополняющих накопления, как ухудшение жилищных условий, ни Федеральный закон о НИС, ни Правила не содержат, в связи с чем положения ст. 53 и ч. 8 ст. 57 Жилищного кодекса Российской Федерации о необходимости учета при предоставлении гражданину жилого помещения действий и гражданско-правовых сделок с жилыми помещениями, совершение которых привело к уменьшению размера занимаемых жилых помещений или к их отчуждению, к участнику НИС или членам его семьи при выплате денежных средств, дополняющих накопления, не применимы.

Как следствие, прекращение совместного проживания с нанимателем жилого помещения по договору социального найма (собственником жилого помещения) непосредственно перед подачей рапорта (заявления) о выплате дополнительных средств, в том числе при повторном обращении за их выплатой, не может являться основанием для отказа в выплате денежных средств, дополняющих накопления⁵.

Федеральным законом о НИС и Правилами также не определен период времени, в те-

⁵ См. также: Свиных Е.А. Указ. соч.

чение которого участнику НИС либо членам его семьи необходимо подать рапорт (заявление) о выплате денежных средств, дополняющих накопления.

Однако в п. 7 Правил в отношении участника НИС указано, что он должен подать заявление о выплате денежных средств, дополняющих накопления, до его исключения из списков личного состава воинской части, а член семьи участника НИС – после исключения участника НИС из списков личного состава воинской части. Таким образом, в отношении участника НИС срок подачи рапорта (заявления) ограничен моментом его исключения из списков личного состава воинской части. В отношении же членов семьи участника НИС ограничений в сроке подачи заявления не установлено.

Таким образом, исходя из положений Правил, можно прийти к выводу, что участник НИС должен подать указанное заявление в период с момента издания приказа о его увольнении с военной службы до момента его исключения из списков личного состава воинской части. При этом, Правила не предусматривают возможность продления или восстановления этого срока. В то же время п. 9 Правил не содержит такого основания для отказа в выплате участнику НИС денежных средств, дополняющих накопления, как пропуск срока подачи заявления, что позволяет нам сделать вывод о том, что срок подачи участником НИС заявления не является пресекательным и по его истечении право на совершение данного действия повторно не запрещено.

Еще один вопрос, который мы хотим рассмотреть в настоящей статье: выплачиваются ли денежные средства, дополняющие накопления, участнику НИС или членам его семьи в случае если один из членов семьи имеет гражданство другого государства либо не имеет регистрации по месту жительства или пребывания на территории Российской Федерации.

Как указано в подп. «в» п. 6 Правил участник НИС либо члены его семьи к рапорту (заявлению) о выплате денежных средств, дополняющих накопления, должны приложить копии паспортов гражданина Российской Фе-

дерации всех членов семьи (с отметками о регистрации по месту жительства или пребывания) и свидетельств о рождении детей, не достигших 14-летнего возраста.

Из изложенного следует, что на момент подачи рапорта (заявления) о выплате денежных средств, дополняющих накопления, все совершеннолетние члены семьи участника НИС, а также члены семьи, достигшие возраста 14 лет, должны иметь не только паспорта гражданина Российской Федерации, т. е. официальные документы, подтверждающие гражданство Российской Федерации, но и регистрацию по месту жительства или пребывания на территории Российской Федерации.

При этом, на членов семьи участника НИС, достигших 14 лет, должны быть представлены именно копии паспортов гражданина Российской Федерации, представление же взамен них копий свидетельств о рождении не допускается.

Такой вывод основан на том, что согласно п. 1 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828, паспорт гражданина Российской Федерации является основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, а сам паспорт обязаны иметь все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории Российской Федерации.

Таким образом, фактически Правилами установлено, что денежные средства, дополняющие накопления, могут быть выплачены только участнику НИС или членам его семьи при условии, что они являются гражданами Российской Федерации и имеют регистрацию по месту жительства или пребывания на территории Российской Федерации.

Если хотя бы один член семьи имеет гражданство другого государства и (или) не имеет регистрации по месту жительства или пребывания на территории Российской Федерации, то в данном случае выплата дополняющих накоплений участнику НИС либо такому члену семьи не осуществляется, пока та-

кой член семьи участника НИС не приобретает гражданство Российской Федерации и (или) не регистрируется по месту жительства или пребывания на территории Российской Федерации.

Отказ в выплате денежных средств, дополняющих накопления, в данном случае будет основан на п. 9 Правил – в связи с непредставлением или представлением не в полном объеме документов, необходимых для выплаты денежных средств, дополняющих накопления.

Положительное решение о выплате денежных средств, дополняющих накопления, по нашему мнению, должно быть принято и в случае, если член семьи участника НИС является бипатридом, т. е. лицом с двойным гражданством.

Такой вывод основан на том, что согласно ст. 3 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (далее – Федеральный закон № 62-ФЗ) двойное гражданство – наличие у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства.

При этом, в ст. 6 Федерального закона № 62-ФЗ указано, что гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерации

ей только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом, само приобретение гражданином Российской Федерации иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации.

Более того, как указано в ст. 3 Федерального закона № 62-ФЗ, гражданство Российской Федерации – это устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей.

Таким образом, наличие у члена семьи участника НИС – гражданина Российской Федерации гражданства другого государства, по нашему мнению, не может являться основанием к отказу в выплате денежных средств, дополняющих накопления, поскольку требования подп. «в» п. 6 Правил о предоставлении копии паспорта гражданина Российской Федерации участником НИС либо членами его семьи будут соблюдены. Тем более, что п. 9 Правил не содержит такого основания к отказу в выплате денежных средств, дополняющих накопления, как наличие у члена семьи участника НИС – гражданина Российской Федерации гражданства другого государства.

Информация

В Сахалинской области перед судом предстанут военнослужащие по призыву, обвиняемые в убийстве и нарушении уставных взаимоотношений между военнослужащими

Военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по гарнизону Горячие Ключи завершено расследование уголовного дела в отношении военнослужащих рядовых Г. и З. Они обвиняются в совершении преступления, предусмотренного пп. «б, в» ч.2 ст.335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности), кроме того, Г. – ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство).

По данным следствия, ночью 30 октября 2012 года на территории учебно-тренировочного комплекса военнослужащие группы обслуживания распивали спиртные напитки. После этого Г. и З., применив физическое насилие, заставили 2 сослуживцев более позднего срока призыва мыть посуду. Затем Г., приказав этим же военнослужащим выкопать яму рядом с казармой, нанес одному из них множественные удары лопатой по голове и телу. Увидев происходящее, второй военнослужащий убежал, чтобы позвать на помощь. Прибывшие на место происшествия сослуживцы увидели, что Г. пытается закопать убитого.

Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу.

В Краснодарском крае в отношении работника военного комиссариата возбуждено уголовное дело по подозрению в получении взятки

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю возбуждено уголовное дело в отношении начальника одного из отделений отдела военного комиссариата края Краснодарского края по Апшеронскому району. Он подозревается в получении взятки в значительном размере (ч.2 ст.290 УК РФ).

По версии следствия, в июне 2013 года к работнику комиссариата обратился местный житель, ранее уклонявшийся от прохождения военной службы, по вопросу получения военного билета в связи с достижением им 27 лет. Начальник отделения сообщил, что готов снять обратившегося мужчину со сторожевого контроля и выдать военный билет при условии передачи ему в 50 тысяч рублей. О поступившем предложении мужчина сообщил в правоохранительные органы. 24 июня 2013 года в помещении своего служебного кабинета работник комиссариата получил от заявителя указанную сумму. После этого его дальнейшие противоправные действия были пресечены работниками отдела ЭБ и ПК МВД России по Апшеронскому району.

В настоящее время рассматривается вопрос об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения. Проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления. Расследование уголовного дела продолжается.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТ 9 ИЮЛЯ 2013 ГОДА № 24
«О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ
О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ОБ ИНЫХ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ»**

Международное сообщество, стремясь выработать эффективные меры по предупреждению и искоренению коррупции, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединенных Наций (например, Конвенция против коррупции), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок Организации экономического сотрудничества и развития и др.

В этих документах отмечается, что коррупция превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает все страны. Этим обусловлено исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней.

В Российской Федерации правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и другие нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции.

В целях уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции и в интересах

выполнения международных обязательств Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений. Среди них наиболее распространенным и опасным является взяточничество. Оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие.

Правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В связи с вопросами, возникающими у судов при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ) и об иных связанных с ним преступлениях, в том числе коррупционных (в частности, предусмотренных статьями 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ), и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь ста-

тьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 9, 14 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. При разрешении вопроса о том, совершено ли коррупционное преступление должностным лицом, лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации либо государственную должность субъекта Российской Федерации, иностранным должностным лицом, должностным лицом публичной международной организации (далее – должностное лицо), а равно лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, судам следует руководствоваться примечаниями 1, 2 и 3 к статье 285, примечанием 2 к статье 290, примечанием 1 к статье 201 УК РФ, учитывая при этом соответствующие разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

Обратить внимание судов на то, что к иностранным должностным лицам и должностным лицам публичной международной организации в статьях 290, 291 и 291.1 УК РФ относятся лица, признаваемые таковыми международными договорами Российской Федерации в области противодействия коррупции.

Под иностранным должностным лицом понимается любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия (например, министр, мэр, судья, прокурор).

К должностным лицам публичной международной организации относятся, в частности, члены парламентских собраний международных организаций, участником которых является Российская Федерация, лица, зани-

мающие судебные должности любого международного суда, юрисдикция которого признана Российской Федерацией.

2. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 290 УК РФ, судам необходимо иметь в виду, что в этой статье установлена ответственность за получение взятки: а) за совершение должностным лицом входящих в его служебные полномочия действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц; б) за содействие должностным лицом в силу своего должностного положения совершению указанных действий (бездействию); в) за общее покровительство или попустительство по службе; г) за совершение должностным лицом незаконных действий (бездействие).

3. Под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица следует понимать такие действия (бездействие), которые оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции (например, сокращение установленных законом сроков рассмотрения обращения взяткодателя, ускорение принятия должностным лицом соответствующего решения, выбор должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для взяткодателя или представляемых им лиц решения).

4. Способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания воздействия на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе. Такое воздействие заключается в склонении другого должностного лица к совершению соответствующих действий (бездействию) путем уговоров, обещаний, принуждения и др.

При этом, получение должностным лицом вознаграждения за использование исключительно личных, не связанных с его должностным положением, отношений не может квалифицироваться по статье 290 УК РФ. В этих

случаях склонение должностного лица к совершению незаконных действий (бездействию) по службе может при наличии к тому оснований влечь уголовную ответственность за иные преступления (например, за подстрекательство к злоупотреблению должностными полномочиями или превышению должностных полномочий).

5. Судам следует иметь в виду, что при получении взятки за общее покровительство или попустительство по службе конкретные действия (бездействие), за которые она получена, на момент ее принятия не оговариваются взяткодателем и взяткополучателем, а лишь осознаются ими как вероятные, возможные в будущем.

Общее покровительство по службе может проявляться, в частности, в необоснованном назначении подчиненного, в том числе в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам.

К попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения.

Относящиеся к общему покровительству или попустительству по службе действия (бездействие) могут быть совершены должностным лицом в пользу как подчиненных, так и иных лиц, на которых распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а также его организационно-распорядительные функции.

6. Под незаконными действиями (бездействием), за совершение которых должностное лицо получило взятку (часть 3 статьи 290 УК РФ), следует понимать действия (бездействие), которые: совершены должностным лицом с использованием служебных полномочий, однако в отсутствие предусмотренных законом оснований или условий для их реализации; относятся к полномочиям другого должностного лица; совершаются должностным лицом единолично, однако могли быть осуществлены только коллегиально либо по согласованию с другим должностным лицом

или органом; состоят в неисполнении служебных обязанностей; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

К ним, в частности, относятся фальсификация доказательств по уголовному делу, неисполнение предусмотренной законом обязанности по составлению протокола об административном правонарушении, принятие незаконного решения на основании заведомо подложных документов, внесение в документы сведений, не соответствующих действительности.

Получение должностным лицом взятки за использование должностного положения в целях содействия совершению другим должностным лицом незаконных действий (бездействию) по службе надлежит квалифицировать по части 3 статьи 290 УК РФ.

7. Не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера и т. п. за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям.

8. Ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки – до или после совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, а также независимо от того, были ли указанные действия (бездействие) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки.

9. Предметом взяточничества (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ) и коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ), наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав.

Под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имуществен-

ных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами).

Имущественные права включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (статья 1225 ГК РФ). Получение взятки в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др.

Переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта.

10. Получение и дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, посредничество во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является). При этом, не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению.

Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по пункту «в» части 5 статьи 290 УК РФ.

11. В тех случаях, когда предметом получения или дачи взятки, посредничества во взяточничестве либо коммерческого подкупа является незаконное оказание услуг имущественного характера, преступление считается оконченным с начала выполнения с согласия должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, действий, непосредственно направленных на приобретение ими имущественных выгод (например, с момента уничтожения или возврата долговой расписки, передачи другому лицу имущества в счет исполнения обязательств взяткополучателя, заключения кредитного договора с заведомо заниженной процентной ставкой за пользование им, с начала проведения ремонтных работ по заведомо заниженной стоимости).

12. В случае если должностное лицо или лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, отказалось принять взятку или предмет коммерческого подкупа, действия лица, непосредственно направленные на их передачу, подлежат квалификации как покушение на преступление, предусмотренное статьей 291 или статьей 291.1 УК РФ, частью 1 или частью 2 статьи 204 УК РФ.

Если условленная передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия которых были непосредственно направлены на их передачу или

получение, содеянное следует квалифицировать как покушение на дачу либо получение взятки, на посредничество во взяточничестве или коммерческий подкуп.

13. Получение или дача взятки, в том числе через посредника, а равно получение либо передача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

14. Обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами.

Если при этом иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по независящим от них обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать как приготовление к даче взятки (часть 1 статьи 30 и соответственно части 3 – 5 статьи 291 УК РФ) или к получению взятки (часть 1 статьи 30 и соответственно части 2 – 6 статьи 290 УК РФ), а равно к коммерческому подкупу (часть 1 статьи 30 и соответственно части 2 – 4 статьи 204 УК РФ).

15. Взятку или предмет коммерческого подкупа надлежит считать полученными группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более должностных лица или два и более лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, которые заранее договорились о совместном совершении данного преступления путем принятия каж-

дым из членов группы части незаконного вознаграждения за совершение каждым из них действий (бездействие) по службе в пользу передавшего незаконное вознаграждение лица или представляемых им лиц.

В таких случаях преступление признается оконченным с момента принятия взятки либо незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе хотя бы одним из входящих в преступную группу должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации.

При квалификации действий указанных лиц не имеет значения, какая сумма получена каждым из членов преступной группы, а также то, сознавал ли взяткодатель, что в получении взятки участвует несколько должностных лиц.

Действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными статьей 290 или статьей 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются соответственно как посредничество во взяточничестве (статья 291.1 УК РФ) или соучастие в коммерческом подкупе (статья 204 УК РФ со ссылкой на статью 33 УК РФ).

16. Исходя из положений статьи 35 УК РФ организованная группа характеризуется устойчивостью, более высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и (или) руководителя.

В организованную группу (пункт «а» части 5 статьи 290 УК РФ и пункт «а» части 4 статьи 204 УК РФ), помимо одного или нескольких должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта получения взятки или коммерческого подкупа.

В случае признания получения взятки либо предмета коммерческого подкупа организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этих преступлений, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по соответствующей

части статьи 290 или статьи 204 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ. Преступление признается оконченным с момента принятия незаконного вознаграждения любым членом организованной группы.

17. Решая вопрос о квалификации получения взятки или предмета коммерческого подкупа в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы, следует исходить из общей стоимости ценностей (имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера), предназначавшихся всем участникам преступной группы.

18. Под вымогательством взятки (пункт «б» части 5 статьи 290 УК РФ) или предмета коммерческого подкупа (пункт «б» части 4 статьи 204 УК РФ) следует понимать не только требование должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, дать взятку либо передать незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы в целях предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (например, умышленное нарушение установленных законом сроков рассмотрения обращений граждан).

Для квалификации содеянного по пункту «б» части 5 статьи 290 УК РФ либо по пункту «б» части 4 статьи 204 УК РФ не имеет значения, была ли у должностного лица либо у лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, реальная возможность осуществить указанную угрозу, если у лица, передавшего взятку или предмет коммерческого подкупа, имелись основания опасаться осуществления этой угрозы (например, следователь, зная, что уголовное дело подлежит прекращению в связи с отсутствием в деянии состава преступления, угрожает обвиняемому направить дело с обвинительным заключением прокурору, а, получив взятку, дело по предусмотренным законом основаниям прекращает).

Если в процессе вымогательства взятки либо предмета коммерческого подкупа

должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершило действия (бездействие), повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, содеянное при наличии к тому оснований должно быть дополнительно квалифицировано по статье 285, 286 или 201 УК РФ.

19. По пункту «б» части 5 статьи 290 УК РФ либо по пункту «б» части 4 статьи 204 УК РФ следует квалифицировать получение взятки либо незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе и в том случае, когда вымогательство с согласия или по указанию должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, осуществлялось другим лицом, не являющимся получателем взятки либо предмета коммерческого подкупа. Действия последнего при наличии оснований должны оцениваться как посредничество во взяточничестве по соответствующим частям статьи 291.1 УК РФ либо как пособничество в коммерческом подкупе по части 5 статьи 33 и пункту «б» части 4 статьи 204 УК РФ.

20. Квалифицирующие признаки, характеризующие повышенную общественную опасность взяточничества или коммерческого подкупа (вымогательство, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, получение взятки в значительном, крупном или особо крупном размере и др.), следует учитывать при юридической оценке действий соучастников соответствующих преступлений, если эти обстоятельства охватывались их умыслом.

21. От совокупности преступлений следует отличать продолжаемые дачу либо получение в несколько приемов взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе. Как единое продолжаемое преступление следует, в частности, квалифицировать систематическое получение взяток от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены единым умыслом.

Совокупность преступлений отсутствует и в случаях, когда взятка или незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе получены или переданы от нескольких лиц, но за совершение одного действия (акта бездействия) в общих интересах этих лиц.

Не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений.

Если общая стоимость полученных должностным лицом имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера превышает двадцать пять тысяч рублей, сто пятьдесят тысяч рублей либо один миллион рублей, то содеянное может быть квалифицировано как получение взятки соответственно в значительном, крупном либо особо крупном размере лишь в том случае, когда принятие всех ценностей представляло собой эпизоды единого продолжаемого преступления.

22. Обратить внимание судов на то, что совершение должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, за взятку либо незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе действий (бездействие), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступлений, предусмотренных статьей 290 и частями 3 и 4 статьи 204 УК РФ. В таких случаях содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т. п.

23. Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь). При наличии к тому оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий.

Если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный статьей 291 либо статьей 291.1 УК РФ.

24. Получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за совершение действий (бездействие), которые входят в его полномочия либо которые оно могло совершить с использованием служебного положения, следует квалифицировать как получение взятки либо коммерческий подкуп вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие).

В том случае, если указанное лицо получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мо-

шенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Владелец переданных ему ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп.

25. Если должностное лицо, выполняющее в государственном или муниципальном органе либо учреждении организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, заключило от имени соответствующего органа (учреждения) договор, на основании которого перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, получив за это незаконное вознаграждение, то содеянное им следует квалифицировать по совокупности преступлений как растрату вверенного ему имущества (статья 160 УК РФ) и как получение взятки (статья 290 УК РФ).

Если же при указанных обстоятельствах стоимость товаров, работ или услуг превышена не была, содеянное должно квалифицироваться как получение взятки.

26. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве.

По смыслу закона, если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное частями 1 – 4 статьи 291.1 УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этой статьи как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291.1 УК РФ.

В случае когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве,

заведомо не намеревалось передавать ценности в качестве взятки должностному лицу либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным частью 5 статьи 291.1 УК РФ.

27. При отграничении непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя (посредничество во взяточничестве) от дачи взятки должностному лицу за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого взяткодателя физического либо юридического лица судам следует исходить из того, что посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взяткодателя. В отличие от посредника взяткодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого им лица, использует в качестве взятки принадлежащее ему или незаконно приобретенное им имущество.

28. Должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, поручившее подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать взятку должностному лицу, несет ответственность по статье 291 УК РФ за дачу взятки, а работник, выполнивший его поручение, – при наличии оснований, по статье 291.1 УК РФ за посредничество во взяточничестве.

Должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, поручившие подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, незаконное вознаграждение, несет ответственность по части 1 или части 2 статьи 204 УК РФ, а работник, выполнивший его поручение, – по части 5 статьи 33 и части 1 или части 2 статьи 204 УК РФ.

Привлечение указанных лиц к уголовной ответственности за дачу взятки или незаконную передачу предмета коммерческого подкупа не освобождает юридическое лицо, от

имени или в интересах которого совершены соответствующие коррупционные действия, от ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридического лица, установленной статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

29. К числу обязательных условий освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 291, 291.1 и частью 1 или частью 2 статьи 204 УК РФ, в силу примечаний к указанным статьям относятся добровольное сообщение после совершения преступления о даче взятки, посредничестве во взяточничестве либо коммерческом подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело, а также активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления.

Сообщение (письменное или устное) о преступлении должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель. При этом, не может признаваться добровольным сообщение, сделанное в связи с тем, что о даче взятки, посредничестве во взяточничестве или коммерческом подкупе стало известно органам власти.

Активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления должно состоять в совершении лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (взяткодателя, взяткополучателя, посредника, лиц, принявших или передавших предмет коммерческого подкупа), обнаружение имущества, переданного в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, и др.

30. Освобождение от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа, не означает отсутствия в их действиях состава преступления. Поэтому такие лица не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, передан-

ных в виде взятки или предмета коммерческого подкупа.

От передачи взятки или предмета коммерческого подкупа под воздействием вымогательства следует отличать не являющиеся преступлением действия лица, вынужденного передать деньги, ценности, иное имущество, предоставить имущественные права, оказать услуги имущественного характера должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения (статья 39 и часть 2 статьи 40 УК РФ), когда отсутствовали иные законные средства для предотвращения причинения вреда правоохраняемым интересам владельца имущества либо представляемых им лиц. В таком случае имущество, полученное должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, подлежит возврату их владельцу.

Не образуют состав преступления, предусмотренный статьей 291 либо частями 1 и 2 статьи 204 УК РФ, действия лица, в отношении которого были заявлены требования о даче взятки или коммерческом подкупе, если до передачи ценностей оно добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбуждать уголовное дело либо осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и передача имущества, предоставление имущественных прав, оказание услуг имущественного характера производились под контролем в целях задержания с поличным лица, заявившего такие требования. В этих случаях деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, подлежат возвращению их владельцу.

31. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 204 УК РФ, судам следует иметь в виду, что на основании примечаний 2 и 3 к статье 201 УК РФ уголовное преследование за коммерческий подкуп, совершенный лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, может осу-

ществляться лишь по заявлению либо с согласия руководителя данной организации.

Если незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе получено руководителем такой коммерческой организации, то его уголовное преследование осуществляется по заявлению или с согласия органа управления организации, в компетенцию которого входит избрание или назначение этого руководителя, а также с согласия члена органа управления организации или лиц, имеющих право принимать решения, определяющие деятельность юридического лица.

Уголовное преследование осуществляется на общих основаниях в случаях, когда в результате коммерческого подкупа лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, вред причинен интересам иных организаций либо интересам граждан, общества или государства.

В таком же порядке осуществляется уголовное преследование за коммерческий подкуп в отношении лица, выполняющего управленческие функции на государственном или муниципальном предприятии либо в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

32. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (статья 304 УК РФ) наступает лишь в случае, когда попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа и должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не совершало действия, свидетельствующие о его согласии принять взятку либо предмет коммерческого подкупа, или отказалось их принять.

Провокация взятки или коммерческого подкупа является оконченным преступлением с момента передачи имущества либо оказания услуг имущественного характера без

ведома должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо вопреки их отказу принять незаконное вознаграждение.

Передача в вышеуказанных целях должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, имущества, оказание им услуг имущественного характера, если указанные лица согласились принять это незаконное вознаграждение в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, исключают квалификацию содеянного по статье 304 УК РФ.

33. В связи с тем что провокация взятки либо коммерческого подкупа совершается без ведома либо заведомо вопреки желанию должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, указанные лица не подлежат уголовной ответственности за получение взятки либо за коммерческий подкуп за отсутствием события преступления (пункт 1 части 1 статьи 24 УПК РФ).

34. От преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа.

Указанные действия совершаются в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ).

35. Разъяснить судам, что предметом преступления, предусмотренного статьей 292 УК РФ, является официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля.

Под внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих действительное содержание указанных документов, необходимо понимать отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов как в уже существующих официальных документах (подчистка, дописка и др.), так и путем изготовления нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа.

Субъектами служебного подлога могут быть наделенные полномочиями на удостоверение указанных фактов должностные лица либо государственные служащие или служащие органа местного самоуправления, не являющиеся должностными лицами.

36. Обратит внимание судов на необходимость исполнять требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания лицам, совершившим коррупционные преступления с использованием своего служебного положения, учитывая при оценке степени общественной опасности содеянного содержание мотивов и це-

лей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, другие фактические обстоятельства и данные о личности виновного.

При наличии условий, указанных в части 3 статьи 47 УК РФ, судам следует обсуждать вопрос о необходимости назначения виновному в совершении коррупционного преступления лицу дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, имея в виду, что такой вид наказания может быть назначен независимо от того, предусмотрен ли он санкцией уголовного закона, по которому квалифицированы действия осужденного.

37. Рекомендовать судам при рассмотрении дел о коррупционных преступлениях устанавливать обстоятельства, способствовавшие совершению таких преступлений, особенно получению и даче взятки, посредничеству во взяточничестве, нарушения прав и свобод граждан, а также нарушения законодательства Российской Федерации и в соответствии с частью 4 статьи 29 УПК РФ в каждом конкретном случае выносить частные постановления (определения), обращая внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер для их устранения.

38. В связи с принятием настоящего постановления признать утратившими силу:

постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 года № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 года № 7, от 23 декабря 2010 года № 31 и от 22 мая 2012 года № 7);

пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 года № 7 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»;

пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»;

постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2012 года № 7 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 года № 6 «О судеб-

ной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе».

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. Лебедев

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. Момотов

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКИ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Досрочное увольнение военнослужащего в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы без проведения аттестации является нарушением порядка увольнения, влекущего восстановление военнослужащего на военной службе

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2013 г. № 201-КГ13-7 по заявлению Д. (извлечение)

Наро-Фоминский гарнизонный военный суд 22 декабря 2011 г. удовлетворил заявление Д. в той части, в которой он просил признать незаконными приказ командующего войсками Восточного военного округа об увольнении с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта и приказ командира воинской части об исключении из списков личного состава части.

Московский окружной военный суд 16 февраля 2012 г. решение гарнизонного военного суда в части удовлетворенных требований отменил и принял по делу новое решение – о признании оспариваемых приказов законными.

В кассационной жалобе Д., утверждая о нарушении порядка увольнения, выразившемся в непроведении в отношении его аттестации, просил отменить кассационное опре-

деление окружного военного суда и оставить в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы дела, переданные для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Военной коллегии от 29 марта 2013 г., Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Отменяя решение суда и принимая новое решение – об отказе в удовлетворении заявления, суд кассационной инстанции исходил из того, что Д. уволен с военной службы в связи с недобросовестным отношением к служебным обязанностям, подтвержденным, в частности, наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий, что указывает на правомерность принятого командующим войсками Восточного военного округа решения об увольнении заявителя в связи с невыполнением им условий контракта.

При этом, суд оставил без внимания то, что командованием не был соблюден порядок увольнения Д. с военной службы, что привело к существенному нарушению его прав.

Из материалов дела следует, что решение об увольнении заявителя в связи с невыполнением условий контракта было принято командующим войсками Восточного военного округа на основании представленных ему

данных протокола служебного совещания командного состава военного округа от 5 марта 2011 г. и представления командира воинской части от 7 марта 2011 г.

Согласно выписке из протокола служебного совещания от 5 марта 2011 г. Д. характеризовался отрицательно, трижды рассматривался на заседании аттестационной комиссии, надлежащих выводов не сделал.

В представлении к досрочному увольнению от 7 марта 2011 г. командир части указал, что заявитель после окончания в 2010 г. общевойсковой академии Вооруженных Сил Российской Федерации, где был аттестован положительно и рекомендован к назначению на должность командира батальона, по прибытии к новому месту службы в августе 2010 г. зарекомендовал себя с отрицательной стороны, имеет пять неснятых дисциплинарных взысканий, должных выводов не делает, проведенные после каждого привлечения к дисциплинарной ответственности беседы и меры воспитательного характера результатов не дали.

Между тем в суде установлено, что о привлечении к дисциплинарной ответственности 23 октября, 2 и 28 ноября, 3 декабря 2010 г. заявителю стало известно только после ознакомления со своей служебной карточкой 7 марта 2011 г. При этом, утверждение Д. о том, что дисциплинарные взыскания ему не объявлялись и бесед в связи с этим не проводилось, представителем командования в судебном заседании опровергнуто не было.

Не вызывался заявитель 23 октября 2010 г. и на заседание аттестационной комиссии вышестоящей воинской части, после которого он был предупрежден о неполном служебном соответствии.

Следовательно, представленные командующему войсками Восточного военного округа данные о том, что Д. трижды рассматривался на заседании аттестационной комиссии, а после каждого привлечения к дисциплинарной ответственности к нему применялись меры воспитательного характера и проводились беседы, подтверждения в судебном заседании не нашли.

Более того, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской

Федерации, изложенной в п. 4.3 постановления от 21 марта 2013 г. № 6-П, в случае, когда военнослужащий по своим деловым и личным качествам не соответствует требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу (о чем, в частности, может свидетельствовать наличие у него неснятых дисциплинарных взысканий), аттестацию следует признать обязательным элементом порядка досрочного увольнения такого военнослужащего с военной службы, поскольку в системе действующего правового регулирования только процедура аттестации способна обеспечить необходимую степень полноты, объективности и всесторонности при оценке того, отвечает ли военнослужащий указанным требованиям.

При таких данных допущенное в отношении Д. нарушение порядка увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, выразившееся в непроведении в отношении его аттестации на предмет соответствия предъявляемым к нему требованиям, Военная коллегия признала существенным нарушением его прав.

Из этого следует, что суд первой инстанции, признавая незаконными оспариваемые приказы об увольнении и исключении заявителя из списков личного состава воинской части, пришел к правильному выводу о необходимости восстановления Д. на военной службе, а вывод суда кассационной инстанции об обратном не основан на законе.

На основании изложенного Военная коллегия отменила кассационное определение Московского окружного военного суда от 16 февраля 2012 г. по заявлению Д. и оставила в силе решение Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 22 декабря 2011 г.

Военнослужащие, принятые на учет нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 г., сохраняют право состоять на учете до получения ими жилых помещений по договорам социального найма независимо от изменения Министерством обороны Российской Федерации уполномоченного органа по вопросам жилищного обеспечения

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля

2013 г. № 202-КГ13-1 по заявлению С. (извлечение)

Военная коллегия, рассмотрев дело по кассационной жалобе заявителя С., отменила решение Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 1 февраля 2012 г. и апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 26 апреля 2012 г. по его заявлению в части разрешения судами требований о восстановлении права заявителя состоять на учете лиц, нуждающихся в жилых помещениях, а дело в этой части направила на новое рассмотрение в Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд.

В обоснование принятого решения Военная коллегия указала следующее.

Из материалов дела следует, что заявителем были оспорены действия (бездействие) должностных лиц, повлекшие, по его мнению, нарушение его права состоять на жилищном учете в связи с отсутствием в Осинорощинской КЭЧ района, где он в период военной службы состоял на жилищном учете, документов о признании его нуждающимся в жилых помещениях и передаче этих документов в Федеральное государственное учреждение «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны России ФГУ «ЗРУЖО» (далее – ФГУ «ЗРУЖО»), на которое в 2010 г. были возложены функции жилищного обеспечения военнослужащих.

В связи с этим С. просил суд признать незаконным бездействие начальника Осинорощинской КЭЧ района, связанное с нарушением порядка учета его жилищного дела и передачей в ФГУ «ЗРУЖО» сведений о нахождении его в списках нуждающихся в жилом помещении, а начальника ФГУ «ЗРУЖО» – обязать включить его в автоматизированную систему учета с даты признания его нуждающимся в жилых помещениях, то есть с 14 января 2002 г.

К заявлению С. приложил копии справки о сдаче 18 декабря 2001 г. жилья по прежнему месту службы и карточки учета жилой площади, согласно которой он с 14 января 2002 г. признан нуждающимся в жилом помещении по новому месту военной службы в Сертоловском гарнизоне, а также копии от-

ветов на его запросы в Осинорощинскую КЭЧ района и ФГУ «ЗРУЖО» о том, что в связи с реорганизацией в 2010 г. КЭЧ района вся документация передана в архив Ленинградского военного округа и ФГУ «Северо-Западное территориальное управление имущественных отношений» Министерства обороны Российской Федерации и что документы о признании заявителя нуждающимся в жилых помещениях в ФГУ «ЗРУЖО» не передавались.

Отказывая С. в удовлетворении заявления, суд первой инстанции обосновал принятое решение тем, что должностное лицо не рассматривало вопрос о постановке заявителя в автоматизированную систему учета военнослужащих, нуждающихся в получении жилого помещения, и решение по этому вопросу не принималось, что свидетельствует об отсутствии нарушения его прав.

При этом, судом оставлены без внимания положения следующих нормативных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации, учет которых имеет существенное значение для правильного разрешения дела.

Согласно п. 26 Инструкции о порядке обеспечения жилыми помещениями в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2000 г. № 80, действовавшей на момент увольнения С. в запас, учет военнослужащих, нуждающихся в получении жилых помещений, осуществлялся жилищными комиссиями воинских частей и довольствующими КЭЧ районов по спискам очередников на получение жилых помещений с одновременным заведением на военнослужащего карточки учета жилых помещений, предоставляемых военнослужащему, и внесением содержащейся в ней информации в автоматизированную систему учета военнослужащих, нуждающихся в получении жилых помещений.

В связи с утверждением Министром обороны Российской Федерации Инструкции о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, жилых

помещений по договору социального найма (приказ от 30 сентября 2010 г. № 1280) ранее действовавший приказ от 15 февраля 2000 г. № 80 утратил силу.

Однако в п. 10 Инструкции, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280, было оговорено, что военнослужащие, принятые на учет нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 г., сохраняют право состоять на учете до получения ими жилых помещений по договорам социального найма.

Уполномоченным органом Министерства обороны Российской Федерации по вопросам реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации требований названной Инструкции приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 ноября 2010 г. № 1455 определен Департамент жилищного обеспечения, который осуществляет свои функции, в частности, через ФГУ «ЗРУЖО».

Из изложенного следует, что в случае обоснованного признания С. в 2002 г. нуждающимся в жилых помещениях по договору социального найма он сохранял право состоять на учете в ФГУ «ЗРУЖО» до получения жилого помещения.

То обстоятельство, что заявитель непосредственно не обращался в ФГУ «ЗРУЖО» с заявлением о включении его в автоматизированную систему учета военнослужащих, в случае выполнения им всех необходимых действий для признания нуждающимся в жилых помещениях и наличия об этом решения жилищной комиссии воинской части не давало суду оснований для отказа в удовлетворении заявления. Лишение заявителя в такой ситуации права состоять на учете до получения жилого помещения свидетельствует о нарушении его прав со стороны должностных лиц Министерства обороны Российской Федерации.

Таким образом, суду следовало выяснить нуждаемость С. в жилье, проверить утверждение о признании его жилищной комиссией воинской части нуждающимся в жилых помещениях в январе 2002 г. с заведением на него в довольствующей КЭЧ района карточки учета и правомерность такого признания,

а при соблюдении названных условий установить, в результате чьих действий не было сохранено право заявителя состоять на жилищном учете в ФГУ «ЗРУЖО», и только после этого принять решение по существу заявленных требований. Однако ничего этого судом сделано не было.

Принятие на учет дееспособных граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях осуществляется только на основании их заявлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 201-КГ13-6 по заявлению К. (извлечение)

Московский гарнизонный военный суд 3 июля 2012 г. удовлетворил заявление К. о признании незаконным утвержденного командиром решения жилищной комиссии воинской части от 16 мая 2012 г. об отказе в снятии матери заявителя с учета нуждающихся в жилых помещениях.

Московский окружной военный суд 4 октября 2012 г. решение гарнизонного военного суда в апелляционном порядке отменил и принял по делу новое решение, которым в удовлетворении требований К. отказал.

В кассационной жалобе К., утверждая, что его мать, являющаяся нанимателем жилого помещения по договору социального найма, без ее согласия не может состоять на учете граждан, нуждающихся в жилых помещениях, просил отменить состоявшееся по данному делу апелляционное определение и оставить в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев материалы дела, Военная коллегия отменила апелляционное определение ввиду существенного нарушения судом норм материального права и оставила в силе решение гарнизонного военного суда по следующим основаниям.

По делу установлено, что 21 августа 2009 г. К. обратился в жилищную комиссию воинской части с рапортом о признании нуждающимся в жилом помещении его и трех малолетних детей, проживающих в качестве членов семьи в квартире, нанимателем которой по договору социального найма является его мать.

Принимая во внимание, что общая площадь указанного жилого помещения составляет менее учетной нормы, установленной в г. Москве, Центральная жилищная комиссия ФСБ России решением от 30 декабря 2009 г. с учетом уточнений от 7 марта 2012 г. приняла К. на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий вместе с матерью и тремя детьми заявителя.

После этого К. обратился в жилищную комиссию с рапортом о снятии матери с жилищного учета, приложив ее заявление об этом.

16 мая 2012 г. жилищная комиссия отказала К. в снятии члена его семьи – матери с учета нуждающихся в жилых помещениях, указав, что снятию с учета подлежит лишь очередь с членами семьи.

Признавая законность данного решения жилищной комиссии и отменяя в связи с этим решение суда первой инстанции, судебная коллегия окружного военного суда указала, что в соответствии со ст. 69 ЖК РФ мать заявителя является членом его семьи, а поэтому не может быть снята с жилищного учета отдельно от заявителя.

Указанный вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 ЖК РФ граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаются ими. Граждане свободны в установлении и реализации своих жилищных прав в силу договора и (или) иных предусмотренных жилищным законодательством оснований.

Из содержания ч. 3 ст. 52 ЖК РФ следует, что принятие на учет дееспособных граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях осуществляется только на основании их заявлений.

Правилами признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации, обеспечиваемых на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512, также предусмотрено, что заявление о признании

военнослужащего нуждающимся в жилом помещении должно быть подписано совершеннолетними членами его семьи.

Следовательно, без соответствующего волеизъявления дееспособный гражданин не может быть принят на жилищный учет в том числе и в качестве члена семьи военнослужащего.

Материалы дела не содержат сведений о том, что мать заявителя изъявляла желание быть обеспеченной другим жилым помещением в качестве члена семьи сына. Более того, узнав о нахождении на учете нуждающихся в жилых помещениях по месту военной службы К., она обратилась в жилищную комиссию с заявлением о снятии с этого учета. Данное заявление подлежало безусловному удовлетворению на основании п. 1 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ, а также в соответствии с подп. «а» п. 29 Правил организации в органах федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утвержденных приказом ФСБ России от 24 октября 2011 г. № 590.

Таким образом, решение жилищной комиссии о принятии матери заявителя на жилищный учет без ее волеизъявления, как и последующий, несмотря на ее заявление, отказ в снятии с такового свидетельствуют о нарушении органами жилищного учета своей компетенции.

Отсутствие в материалах дела заключения межведомственной комиссии о признании помещения непригодным для проживания не позволило установить нуждаемость заявителя и членов его семьи в жилом помещении и повлекло отмену судебных постановлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 202-КГ13-5 по заявлению З. (извлечение)

Согласно решению Псковского гарнизонного военного суда от 9 апреля 2012 г., оставленному без изменения в апелляционном порядке 12 июля 2012 г. Ленинградским окружным военным судом, З. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии отдела ПУ ФСБ России, утвержденное его начальником, об отказе в признании

его и членов семьи нуждающимися в жилых помещениях.

В кассационной жалобе З., указывая на признание жилого помещения, принадлежащего его супруге на праве собственности, непригодным для проживания и проживание по договору социального найма в квартире, размер площади которой составляет менее учетной нормы, просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение – об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела, переданные для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Военной коллегии от 29 апреля 2013 г., Военная коллегия решение Псковского гарнизонного военного суда и апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда отменила, а дело направила на новое рассмотрение по существу в суд первой инстанции ввиду существенного нарушения норм материального права, выразившегося в следующем.

В суде установлено, что З., с 1993 г. проходящий военную службу по контракту в ПУ ФСБ России, 13 августа 1999 г. вселен в качестве члена семьи нанимателя жилого помещения – своей супруги в квартиру общей площадью 46,2 кв. м, находящуюся в Псковском районе Псковской области, в которой, помимо них, проживают еще три члена семьи.

Согласно постановлению собрания депутатов Псковского района Псковской области от 19 октября 2005 г. учетная норма площади жилого помещения для принятия граждан на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий составляет 10 кв. м общей площади жилого помещения на одного человека.

Из материалов дела также следует, что супруге заявителя на праве собственности принадлежит жилой дом, который заключением эксперта от 30 января 2012 г. признан аварийным и непригодным для проживания. После этого постановлением Администрации Палкинского района Псковской области от 16 марта 2012 г. жилое помещение признано непригодным для постоянного проживания и

на его собственника возложена обязанность осуществить демонтаж дома.

Решением жилищной комиссии отдела ПУ ФСБ России от 12 марта 2012 г. З. отказано в признании нуждающимся в жилом помещении в связи с наличием у супруги в собственности жилого дома и обеспеченностью в связи с этим жилым помещением по установленным нормам.

Признавая законным названное решение жилищной комиссии, суд первой инстанции указал, что заявитель может быть признан нуждающимся в жилом помещении только после выполнения постановления Администрации Палкинского района Псковской области от 16 марта 2012 г. в части осуществления собственником демонтажа дома. С таким выводом согласился и окружной военный суд.

Из этого следует, что обязательным условием признания заявителя нуждающимся в жилом помещении, по мнению суда, является не отсутствие пригодного для проживания жилья, а демонтаж находящегося в собственности его супруги дома, признанного непригодным для постоянного проживания.

Такой вывод не основан на законе.

В соответствии с чч. 1, 2 ст. 4 ЖК РФ жилищное законодательство регулирует отношения по поводу возникновения, осуществления, изменения, прекращения права владения, пользования, распоряжения жилыми помещениями государственного и муниципального жилищных фондов, пользования жилыми помещениями частного жилищного фонда.

То есть объектом отношений, регулируемых жилищным законодательством, является жилое помещение.

Согласно ч. 2 ст. 15 ЖК РФ жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

Следовательно, существенным признаком жилого помещения является пригодность его для проживания, а собственник помещения, не отвечающего установленным для жилых

помещений правилам и нормам, не может считаться обеспеченным жильем.

При таких данных признание помещения непригодным для постоянного проживания само по себе может явиться основанием для признания гражданина, у которого это помещение находится в собственности, нуждающимся в жилом помещении вне зависимости от его демонтажа.

Ошибочный вывод суда об обратном привел к тому, что остались невыясненными обстоятельства, имеющие существенное значение для дела.

Согласно ч. 4 ст. 15 ЖК РФ жилое помещение может быть признано непригодным для проживания по основаниям и в порядке, которые установлены уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Порядок признания жилого помещения непригодным для проживания установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47, утвердившим Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции (далее – Положение).

Пунктом 7 Положения предусмотрено, что признание помещения пригодным (непригодным) для проживания граждан осуществляется межведомственной комиссией, создаваемой в этих целях органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления.

В силу п. 8 Положения орган местного самоуправления вправе принимать решение о признании частных жилых помещений, находящихся на соответствующей территории, пригодными (непригодными) для проживания граждан и делегировать комиссии полномочия по оценке соответствия этих помещений установленным в Положении требованиям и по принятию решения о признании этих помещений пригодными (непригодными) для проживания граждан. Вместе с тем, названная правовая норма, как указано в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 1014-О-О, не предусматривает возможность

произвольного принятия решения органом местного самоуправления.

Из материалов дела следует, что постановлением Администрации Палкинского района Псковской области от 26 ноября 2007 г. создана межведомственная комиссия для оценки жилых помещений жилищного фонда района, однако решения в отношении дома, находящегося в собственности супруги заявителя, комиссия не принимала.

Между тем отсутствие заключения межведомственной комиссии, которой дано право признавать помещение пригодным (непригодным) для проживания граждан, не позволяет установить наличие либо отсутствие нуждаемости заявителя и членов его семьи в жилом помещении и дать оценку законности оспариваемого решения жилищной комиссии.

Что касается представления заявителем в судебное заседание заключения эксперта независимой экспертной компании от 30 января 2012 г., то по изложенным основаниям оно не может подменять заключение межведомственной комиссии.

Таким образом, в целях восполнения обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, суду следовало истребовать из администрации Палкинского района Псковской области сведения о проведении межведомственной комиссией обследования дома на предмет признания его пригодным (непригодным) для проживания, а также выяснить, на основании каких данных органом местного самоуправления было принято решение о признании этого дома непригодным для постоянного проживания и являются ли эти данные достаточными для принятия названного решения. Однако этого сделано не было.

Военнослужащие, удостоенные юбилейной медали СССР «70 лет Вооруженных Сил СССР», имеют право на получение мер социальной поддержки, предусмотренных Федеральным законом «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня

2013 г. № 201-КГ13-12 по заявлению М. (извлечение)

М. в период военной службы был удостоен медали «70 лет Вооруженных Сил СССР», в связи с чем при увольнении с военной службы поставил вопрос об увеличении единовременного пособия на один оклад денежного содержания на основании п. 5 ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», однако при исключении его приказом Министра обороны Российской Федерации из списков личного состава воинской части выплата единовременного пособия ему была установлена без увеличения на один оклад денежного содержания.

В связи с невыплатой денежного довольствия в полном объеме при исключении из списков личного состава части М. обжаловал действия должностных лиц в суд.

Московский гарнизонный военный суд 26 июля 2012 г. в удовлетворении заявления М. отказал.

Московский окружной военный суд, рассмотрев 18 октября 2012 г. дело в апелляционном порядке, решение суда первой инстанции оставил без изменения.

В кассационной жалобе М., указывая на ошибочный вывод судов о том, что медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР», которой он был удостоен в период военной службы, не отнесена к государственным наградам СССР, просил отменить вынесенные судебные постановления в названной части и принять по делу новое решение – об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Военная коллегия признала, что судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, выразившиеся в следующем.

Признавая законным отказ в выплате заявителю единовременного пособия, увеличенного на один оклад денежного содержания, суд в решении указал, что юбилейная медаль, награждение которой не было обусловлено наличием особых заслуг, не относится к государственным наградам.

Такой вывод основан на ошибочном истолковании норм материального права.

Согласно ст. 1 Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1979 г. № 360-Х «Об утверждении Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» (в ред. от 22 августа 1988 г.), ордена, медали и почетные звания СССР являются государственными наградами СССР.

В соответствии со ст.ст. 5, 26 и 28 указанного Общего положения для каждой медали СССР утверждается положение, а их вручение производится военнослужащим, как правило, военным командованием в воинских частях от имени и по поручению Президиума Верховного Совета СССР.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1988 г. № 8400-ХI в ознаменование 70-летия Вооруженных Сил СССР учреждена юбилейная медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР», утверждено Положение о ней и внесены изменения в ст. 17 Общего положения, согласно которым юбилейная медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР» включена в перечень медалей СССР.

Согласно ст. 2 Положения о юбилейной медали «70 лет Вооруженных Сил СССР» вручение этой медали производится от имени Президиума Верховного Совета СССР командирами воинских частей.

При таких данных юбилейная медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР» является государственной наградой СССР.

Пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» установлено, что гражданам Российской Федерации, удостоенным государственных наград СССР, предоставляются меры социальной поддержки в порядке и случаях, установленных законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 5 ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту,

удостоенным в период прохождения военной службы государственных наград (государственной награды) СССР или государственных наград (государственной награды) Российской Федерации, в том числе удостоенным почетного звания СССР или почетного звания Российской Федерации, размер единовременных пособий при увольнении с военной службы увеличивается на один оклад денежного содержания.

Таким образом, военнослужащие, удостоенные юбилейной медали СССР «70 лет Вооруженных Сил СССР», имеют право на получение мер социальной поддержки, предусмотренных Федеральным законом «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

Кроме того, из материалов дела следует, что Министр обороны Российской Федерации, приказом которого от 27 апреля 2012 г. заявителю был установлен размер единовременного пособия при увольнении с военной службы, к участию в деле судом не привлекался.

Между тем его (либо представителя) участие, в связи с характером спорного правоотношения, являлось обязательным.

На основании изложенного Военная коллегия признала, что допущенные судами нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав заявителя, в связи с чем обжалуемые судебные постановления в части отказа в удовлетворении заявления об увеличении размера единовременного пособия при увольнении с военной службы на один оклад денежного содержания отменила, а дело направила на новое рассмотрение по существу в суд первой инстанции.

Решение суда о признании законным приказа об увольнении военнослужащего с военной службы отменено, поскольку суд не проверил исполнение другого судебного решения, которым увольнение заявителя поставлено в зависимость от получения жилья

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2013 г. № 201-КГ13-1 по заявлению К. (извлечение)

Рязанский гарнизонный военный суд 6 апреля 2012 г. отказал К. в удовлетворении требований в части признания незаконным приказа Министра обороны Российской Федерации об увольнении его с военной службы в запас в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе.

Московский окружной военный суд 28 июня 2012 г. апелляционным определением решение суда первой инстанции оставил без изменения, а апелляционную жалобу заявителя – без удовлетворения.

В кассационной жалобе К., указывая на то, что обжалуемые судебные постановления делают невозможным исполнение решения Рязанского гарнизонного военного суда от 24 января 2007 г., согласно которому он не мог быть уволен с военной службы без обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства, просил их отменить и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе судей.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Военная коллегия признала, что при рассмотрении дела судами допущено существенное нарушение норм процессуального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что К. в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе обратился по команде с рапортом об увольнении в запас с предварительным обеспечением жилым помещением по избранному месту жительства, а когда ему в этом было отказано, оспорил отказ в судебном порядке.

Рязанский гарнизонный военный суд 24 января 2007 г. возложил на командира воинской части обязанность по обеспечению заявителя жилым помещением в соответствии с жилищным законодательством с последующим представлением к увольнению.

22 февраля 2011 г. Рязанский гарнизонный военный суд возложил обязанность по исполнению судебного решения в части обеспечения К. жилым помещением на Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. заявитель

был уволен с военной службы в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Отказывая К. в удовлетворении заявления в части признания незаконным приказа об увольнении, суд первой инстанции указал в решении, что заявитель по месту службы обеспечен служебным жильем и избрал местом жительства после увольнения иной населенный пункт, в связи с чем на основании предписаний п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, он может быть уволен в запас с оставлением в списках нуждающихся в жилом помещении.

При этом, судом оставлено без внимания то, что ранее этим же судом было вынесено вступившее в законную силу решение о возможности увольнения заявителя с военной службы только после обеспечения жилым помещением.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, возлагает на государство обязанность по принятию необходимых мер по обеспечению реализации судебного решения.

Правовая позиция, согласно которой защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется, также сформулирована в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 г. № 13-П, от 15 января 2002 г. № 1-П, от 14 июля 2005 г. № 8-П.

При таких обстоятельствах оценка судом правомерности издания Министром обороны Российской Федерации приказа об увольнении заявителя с военной службы была невозможна без выяснения вопроса об исполнении решения суда в части обеспечения его в период военной службы жилым помещением по избранному месту жительства.

Что касается п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, согласно которому при желании военнослужащих получить жилые помещения не по месту дис-

локации воинской части они увольняются с военной службы и обеспечиваются жилыми помещениями в соответствии с законодательством Российской Федерации, то с учетом установленных в суде указанных выше обстоятельств эта норма в данном деле применению не подлежит.

Таким образом, нарушение судом норм процессуального права и неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые данные об исполнении судебного решения, препятствующего увольнению заявителя до обеспечения жильем.

Это обстоятельство, в силу ст. 387 ГПК РФ, явилось основанием для отмены Военной коллегией в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных постановлений в части увольнения заявителя с военной службы без обеспечения жилым помещением для постоянного проживания и направления дела в этой части на новое рассмотрение в Рязанский гарнизонный военный суд в ином составе судей.

Оставляя без рассмотрения апелляционную жалобу в связи с тем, что представленная заявителем доверенность не оформлена в нотариальном порядке и не заверена надлежащим воинским должностным лицом, окружной военный суд оставил без внимания положения ч. 6 ст. 53 ГПК РФ, согласно которым полномочия представителя могут быть определены в устном заявлении, занесенном в протокол судебного заседания, или письменном заявлении доверителя в суде

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2013 г. № 208-КГ13-4 по заявлению С. (извлечение).

Хабаровский гарнизонный военный суд 14 марта 2012 г. отказал С. в удовлетворении заявления об оспаривании двух дисциплинарных взысканий.

На данное решение представителем заявителя – С. В.Е. была подана апелляционная жалоба, которую Дальневосточный окружной военный суд 19 июня 2012 г. оставил без рассмотрения по существу, поскольку полно-

мочия представителя должным образом не подтверждены – представленная доверенность не оформлена в нотариальном порядке и не заверена надлежащим воинским должностным лицом.

Определением Хабаровского гарнизонного военного суда от 12 июля 2012 г., оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Дальневосточного окружного военного суда от 30 августа 2012 г., в удовлетворении заявления С. В.Е. о продлении процессуального срока для исправления недостатка апелляционной жалобы отказано.

Дальневосточный окружной военный суд 11 октября 2012 г. отказал С. в пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам в части решений, указанных в определениях от 19 июня 2012 г. и 30 августа 2012 г.

В кассационной жалобе С. просил отменить апелляционное определение ввиду неправомерности требования суда апелляционной инстанции представить нотариально заверенную доверенность, поскольку он вместе с представителем лично участвовал в судебном заседании и суд имел возможность убедиться в полномочиях представителя.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Военная коллегия признала, что при рассмотрении дела судами допущено существенное нарушение норм процессуального права, выразившееся в следующем.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Согласно ч. 1 ст. 48 ГПК РФ граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

В соответствии с ч. 6 ст. 53 ГПК РФ полномочия представителя могут быть определены

в устном заявлении, занесенном в протокол судебного заседания, или письменном заявлении доверителя в суде.

Согласно материалам дела в заседании суда первой инстанции наряду с заявителем участвовал его представитель – С. В.Е. Хабаровский гарнизонный военный суд допустил представителя к участию в деле на основании письменного заявления и устного ходатайства С., а также письменной доверенности, в которой специально оговорено право на обжалование судебного постановления.

Таким образом, для обращения с апелляционной жалобой в суд второй инстанции представитель обладал необходимыми полномочиями, дополнительное подтверждение которых по закону не требовалось.

Более того, на заседание суда апелляционной инстанции наряду с представителем явился и сам заявитель, подтвердив его полномочия.

Несмотря на это, судебная коллегия по гражданским делам Дальневосточного окружного военного суда оставила апелляционную жалобу представителя заявителя без рассмотрения, указав, что доверенность, на основании которой действовал С. В.Е., в нарушение требований ч. 2 ст. 53 ГПК РФ не удостоверена в нотариальном порядке и не заверена командиром воинской части или руководителем военно-учебного учреждения, в которых проходит военную службу и обучение С.

Этот вывод противоречит требованиям ч. 1 ст. 48 и ч. 6 ст. 53 ГПК РФ и повлек существенное нарушение прав заявителя, выразившееся в нерассмотрении судом второй инстанции дела и жалобы по существу.

Несмотря на то что С. В.Е. на следующий день после заседания суда апелляционной инстанции представил доверенность, удостоверенную в нотариальном порядке, Хабаровский гарнизонный военный суд определением от 12 июля 2012 г. отказался признать этот факт надлежащим устранением недостатка апелляционной жалобы, а судебная коллегия окружного военного суда 30 августа 2012 г. подтвердила данный вывод, чем вновь преградила С. возможность рассмотрения его дела и жалобы представителя.

Не принял окружной военный суд мер к восстановлению нарушенного права С. и при рассмотрении его заявления о пересмотре ранее вынесенных определений по вновь открывшимся обстоятельствам 11 октября 2012 г. В этом заявлении С. правильно отметил, что в соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», суд апелляционной инстанции (даже ошибочно признав необходимость представления нотариально удостоверенной доверенности) не вправе был прекращать производство по апелляционной жалобе, а должен был возвратить жалобу вместе с делом в суд первой инстанции для совершения процессуальных действий, предусмотренных ст.ст. 323, 324, 325 ГПК РФ.

В результате перечисленных нарушений гражданского процессуального закона апелляционная жалоба представителя заявителя на решение от 14 марта 2012 г. до настоящего времени остается нерассмотренной.

На основании изложенного Военная коллегия отменила все обжалованные судебные постановления, апелляционную жалобу представителя заявителя вместе с делом возвратила в суд второй инстанции для рассмотрения по существу, а производства по заявлениям о продлении срока для исправления недостатка апелляционной жалобы и о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам прекратила.

На допущенные нарушения требований закона Военная коллегия обратила внимание частным определением.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

После отказа государственного обвинителя от обвинения суд не вправе принимать на себя функцию обвинения

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2013 г. № 1пк13 по уголовному делу в отношении С. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 30 марта 2001 г., оставленному без изменения Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации 18 октября 2001 г., прапорщик С. осужден по пп. «а», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы сроком на 18 лет в исправительной колонии строгого режима.

Это преступление, как установлено судом, он совершил при следующих обстоятельствах.

14 июля 2000 г., в 1-м часу, на заставе воинской части С. во время распития спиртных напитков со своими сослуживцами двумя очередями из автомата убил рядового З. и прапорщика Н. на почве недовольства служебной деятельностью последнего.

В надзорной жалобе был поставлен вопрос об исключении из обвинения С. по приговору п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения и о смягчении наказания осужденному.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе защитника осужденного, признал судебные постановления подлежащими изменению на основании ч. 1 ст. 409, п. 3 ч. 1 ст. 379 УПК РФ в связи с неправильным применением уголовного закона по следующим основаниям.

Квалифицируя причинение С. смерти двум лицам как убийство из хулиганских побуждений, суд в приговоре указал, что действия осужденного в период расправы над безоружными сослуживцами носили демонстративный и пренебрежительный к интересам других лиц характер пьяного куража.

Между тем, как следует из протокола судебного заседания, государственный обвинитель в прениях заявил, что доказательств совершения С. убийства своих сослуживцев из хулиганских побуждений в суде не добыто, в связи с чем просил квалифицировать его действия только по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

К моменту рассмотрения дела судами первой и кассационной инстанций вступило в силу постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и час-

ти первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижний Новгород».

В п. 3 указанного постановления сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой, по смыслу ст.ст. 118 и 123 Конституции Российской Федерации, суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение. Таким образом, если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме и тем более если прокурор и потерпевший отказались от поддержания обвинения в суде (полностью или частично), то это должно приводить – в системе действующих уголовно-процессуальных норм при их конституционном истолковании – к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

После отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения в указанной части суд не вправе был принимать на себя функцию обвинения.

Следовательно, убийство осужденным З. и Н. надлежит квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 30 марта 2001 г. и определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2001 г. в отношении С. изменил, постановив считать его осужденным только по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и смягчив наказание до 17 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля

2013 г. № 208-О13-1 по уголовному делу в отношении Х. (извлечение)

Дальневосточный окружной военный суд 21 декабря 2012 г. признал Х. виновной, в частности, в разбойном нападении на М., совершенном группой лиц по предварительному сговору, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей.

Это преступление, как установлено судом, Х. совершила при следующих изложенных в приговоре обстоятельствах.

В январе 2012 г. Щ., К. и Х. по предложению последней договорились совершить хищение у гражданки М., которая в силу возраста и состояния здоровья не выходила из дома.

Осуществляя свое намерение, в ночь на 23 января 2012 г. они подошли к дому, после чего Х., согласно распределению ролей, осталась на улице в целях предупреждения Щ. и К. от возможного обнаружения, а Щ., разбив топором окно, проник в дом, подбежал к проснувшейся от шума М. и нанес ей удар обухом топора по голове, от которого потерпевшая потеряла сознание и упала на пол. После этого Щ. впустил в дом К., который, зайдя в спальную комнату для поиска денег и увидев хрипевшую на полу М., нанес ей обухом топора три удара по голове и один удар по руке. Обследовав содержимое дома, К. похитил принадлежащие М. деньги в сумме 3 300 рублей.

В ту же ночь потерпевшая скончалась от причиненных совместными действиями К. и Щ. телесных повреждений.

В кассационных жалобах Х. и ее защитник просили переквалифицировать содеянное осужденной Х. с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ и смягчить ей наказание.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы, приведенные в кассационных жалобах, Военная коллегия нашла, что приговор в части осуждения Х. за разбойное нападение на М. подлежит изменению по следующим основаниям.

Согласно ст. 36 УК РФ эксцессом исполнителя признается совершение одним или

несколькими исполнителями преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Судом установлено, что предварительной договоренности у осужденных на причинение потерпевшей вреда здоровью или на ее убийство не было.

Никаких действий, направленных на причинение потерпевшей тяжкого вреда здоровью, Х. не совершала, не оказывала она содействия и при совершении таких действий К. и Щ.

Данных, свидетельствующих о том, что умыслом осужденной Х. охватывалось причинение потерпевшей М. в ходе разбойного нападения вреда ее здоровью или лишение ее жизни, в приговоре не приведено.

Более того, судом установлено, что перед проникновением в дом в целях хищения чужого имущества К. и Щ. не оговаривали с Х. возможность применения к М. какого-либо насилия, в связи с чем она полагала, что с помощью топора К. и Щ. только проникнут в дом потерпевшей.

При таких обстоятельствах Военная коллегия переквалифицировала действия Х. с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабеж, совершенный по предварительному сговору группой лиц, с незаконным проникновением в жилище, и смягчила наказание.

Оставление без рассмотрения судом кассационной инстанции ходатайства осужденного о проведении кассационного заседания с участием защитника повлекло отмену судебного постановления.

В случае изготовления протокола в ходе судебного заседания по частям течение срока на подачу замечаний на протокол судебного заседания начинается со дня окончания ознакомления с протоколом

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2013 г. № 209-ДП13-1 по уголовному делу в отношении Ф. (извлечение)

Согласно приговору Мирненского гарнизонного военного суда от 2 июня 2005 г., с

учетом изменений, внесенных 3-м окружным военным судом 28 сентября 2005 г. в кассационном порядке и президиумом того же суда 27 ноября 2012 г., Ф. признан виновным в растрате вверенного ему чужого имущества, совершенной в крупном размере.

Кроме того, постановлением судьи Мирненского гарнизонного военного суда от 8 августа 2005 г. оставлены без рассмотрения замечания осужденного на часть протокола судебного заседания, а вторая часть замечаний отклонена и возвращена осужденному.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – главный военный прокурор поставил вопрос об отмене кассационного определения, постановления президиума окружного военного суда в отношении Ф. и постановления судьи гарнизонного военного суда в части оставления без рассмотрения и возврата осужденному замечаний на протокол судебного заседания ввиду нарушения уголовно-процессуального закона и о направлении уголовного дела на новое кассационное рассмотрение.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению, судебные постановления в обжалуемой части отменила, а уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение на основании ч. 1 ст. 409, п. 2 ч. 1 ст. 379 УПК РФ в связи с нарушением уголовно-процессуального закона.

Согласно ч. 1 ст. 16 УПК РФ подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника.

Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ эти требования закона распространяются и на осужденного.

Из материалов дела следует, что осужденным и его защитником – адвокатом М. поданы кассационные жалобы на приговор и заявлены ходатайства о проведении кассационного заседания с участием защитника. При этом, адвокат просил суд кассационной инстанции назначить Ф. другого защитника ввиду своей занятости в другом процессе, а осужденный против этого не возражал.

В судебном заседании окружного военного суда 28 сентября 2005 г. адвокат участия не принимал. Уголовное дело рассмотрено в кассационном порядке с участием осужденного и прокурора. Данных о том, что судом обсуждались вопросы о причинах неявки адвоката и об обеспечении осужденного другим защитником, в материалах дела не имеется.

Таким образом, при кассационном рассмотрении дела было нарушено право Ф. на защиту.

Кроме того, из материалов дела следует, что протокол судебного заседания в целом председательствующим и секретарем был подписан после 15 июня 2005 г., возможность ознакомления с ним была предоставлена осужденному 4 июля 2005 г., а 1 августа 2005 г. ему был установлен срок окончания ознакомления с протоколом до 5 августа 2005 г. Однако при рассмотрении 8 августа 2005 г. замечаний на протокол судебного заседания часть из них судья оставил без рассмотрения со ссылкой на их подачу с нарушением установленного ч. 1 ст. 260 УПК РФ срока.

При этом, судья оставил без внимания то, что согласно ч. 6 ст. 259 и ч. 1 ст. 260 УПК РФ в случае изготовления протокола в ходе судебного заседания по частям председательствующий и секретарь подписывают как его части, так и протокол в целом, а течение срока на подачу замечания на протокол судебного заседания начинается со дня окончания ознакомления с протоколом.

При таких данных рассмотрению подлежали все замечания на протокол судебного заседания, а оставление судьей без рассмотрения части замечаний указывает на нарушение предусмотренного п. 17 ч. 4 ст. 47 УПК РФ права подачи осужденным замечаний на протокол судебного заседания и необходимость в связи с этим отмены постановления судьи гарнизонного военного суда от 8 августа 2005 г. в обжалуемой части.

В связи с изложенным Военная коллегия кассационное определение 3-го окружного военного суда от 28 сентября 2005 г., постановление президиума 3-го окружного военного суда от 27 ноября 2012 г. в отношении Ф., а также постановление судьи Мирненского гарнизонного военного суда от 8 августа 2005 г. в части оставления без рассмотрения и возврата замечаний Ф. на протокол судебного заседания отменила и уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в 3-й окружной военный суд.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательство «За права военнослужащих» выпустило в свет Сборник «Судебная практика Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, окружных (флотских) и гарнизонных военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2010 – 2013)».

Заказ сборника по адресу, электронной почте и телефонам редакции.

Информация

В Ямало-Ненецком автономном округе местный житель признан виновным в уклонении от прохождения военной службы

Собранные следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора в отношении 21-летнего местного жителя, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.328 УК РФ (уклонение от прохождения военной службы).

Судом установлено, что 5 сентября 2012 года обвиняемому под роспись была вручена повестка о явке в отдел военного комиссариата по городу Ноябрьску для прохождения мероприятий, связанных с призывом на военную службу. Однако в назначенное время он не явился. 20 ноября 2012 года обвиняемый был доставлен сотрудниками полиции в отдел, где в категорической форме отказался от прохождения медицинской комиссии.

Приговором суда молодому человеку назначено наказание в виде штрафа в размере 20 тысяч рублей.

О ВОПРОСАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТНИКА (ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ)

*А.В. Ефремов, начальник юридического отделения военного комиссариата
Чувашской Республики*

В настоящей статье автор остановится на правовых вопросах, связанных с одним из самых распространенных в настоящее время оснований расторжения трудового договора – по инициативе работника (по собственному желанию).

Так, в соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» от 17 марта 2004 г. № 2 при рассмотрении споров о расторжении по инициативе работника трудового договора, заключенного на неопределенный срок, а также срочного трудового договора (п. 3 ч. 1 ст. 77, ст. 80 Трудового кодекса Российской Федерации – далее ТК РФ) судам необходимо иметь в виду следующее:

а) расторжение трудового договора по инициативе работника допустимо в случае, когда подача заявления об увольнении являлась добровольным его волеизъявлением. Если истец утверждает, что работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию, то это обстоятельство подлежит проверке и обязанность доказать его возлагается на работника;

б) трудовой договор может быть расторгнут по инициативе работника и до истечения двухнедельного срока предупреждения об увольнении по соглашению между работником и работодателем.

Если заявление работника обусловлено невозможностью продолжения им работы (зачисление в образовательное учреждение, выход на пенсию либо наличие иных уважи-

тельных причин, в силу которых работник не может продолжать работу, например направление мужа (жены) на работу за границу, к новому месту службы), а также в случаях установленного нарушения работодателем трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, локальных нормативных актов, условий коллективного договора, соглашения или трудового договора, работодатель обязан расторгнуть трудовой договор в срок, указанный в заявлении работника. При этом, необходимо иметь в виду, что названные нарушения могут быть установлены, в частности, органами, осуществляющими государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства, профессиональными союзами, комиссиями по трудовым спорам, судом;

в) исходя из содержания ч. 4 ст. 80 и ч. 4 ст. 127 ТК РФ работник, предупредивший работодателя о расторжении трудового договора, вправе до истечения срока предупреждения (а при предоставлении отпуска с последующим увольнением – до дня начала отпуска) отозвать свое заявление, и увольнение в этом случае не производится при условии, что на его место в письменной форме не приглашен другой работник, которому в соответствии с ТК РФ и иными федеральными законами не может быть отказано в заключении трудового договора (например, в силу ч. 4 ст. 64 ТК РФ запрещается отказывать в заключении трудового договора работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя,

в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы). Если по истечении срока предупреждения трудовой договор не был расторгнут и работник не настаивает на увольнении, действие трудового договора считается продолженным (ч. 6 ст. 80 ТК РФ).

Порядок и условия расторжения трудового договора по инициативе работника предусмотрены ст. 80 ТК РФ. В соответствии с этой статьей любой работник может расторгнуть свой трудовой договор, независимо от того, какой это договор: трудовой договор на неопределенный срок или срочный трудовой договор. Для такого расторжения трудового договора не требуется согласия работодателя. Важно лишь письменно предупредить его о своих намерениях не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен ТК РФ или иным федеральным законом. Течение указанного срока начинается на следующий день после получения работодателем заявления работника об увольнении.

Таким образом, ТК РФ устранил различие в порядке увольнения по инициативе работника для лиц, заключивших трудовой договор на неопределенный срок, и лиц, принятых на работу по срочному трудовому договору. Единственным юридическим фактом увольнения по собственному желанию является письменное заявление работника о расторжении трудового договора, причем важно отметить, что это заявление должно быть написано добровольно, без какого-либо воздействия со стороны работодателя. В противном случае увольнение будет признано в судебном порядке незаконным. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 17 марта 2004 г. № 2 указал, что суды должны проверять утверждение истца о том, что работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию. Обязанность доказать правомерность такого утверждения возлагается на работника.

Заявление об увольнении по собственному желанию может быть подано не только во время работы, но и в период временной нетрудоспособности, нахождения в отпуске,

командировке. Если заявление об увольнении было подано во время работы, а затем работник заболел, то он вправе расторгнуть трудовой договор в период временной нетрудоспособности, если истек двухнедельный срок предупреждения. Время болезни не приостанавливает двухнедельный срок предупреждения.

Срок предупреждения сокращается у работников, заключивших трудовой договор на срок до двух месяцев, а также у работников, занятых на сезонных работах. Они обязаны предупредить работодателя за три календарных дня о досрочном расторжении трудового договора (ст. 296 ТК РФ). Право отработать три дня вместо двух недель есть и у работника, который в период испытания решил, что предложенная ему работа для него не подходит (ст. 71 ТК РФ). Кроме того, срок предупреждения может быть сокращен по соглашению сторон трудового договора. В этом случае работник увольняется со дня достижения договоренности с работодателем. ТК РФ предусматривает также возможность расторжения трудового договора в срок, указанный в заявлении работника. Это касается случаев, когда заявление работника об увольнении обусловлено невозможностью продолжения им работы (зачисление в образовательное учреждение, выход на пенсию и др.), а также в случаях установленного нарушения работодателем законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, условий коллективного договора, соглашения или трудового договора¹.

Так, например, если работник подал соответствующее заявление об увольнении с работы по собственному желанию, работодатель обязан в соответствии с требованиями ст. 80 ТК РФ, предусматривающей право работника расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме не позднее чем за две недели, выяснить волеизъявление работника в письменном виде по данному вопросу, а также проверить, указана ли в заявлении дата, с которой работник желает уволиться, и дата составления заявления работника об увольнении, заявле-

¹ Орловский Ю.П., Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. Трудовое законодательство: актуальные вопросы, комментарии, разъяснения: практич. пособие / отв. ред. Ю.П. Орловский. М., 2012.

ние работника обязательно должно быть зарегистрировано. Если по истечении двухнедельного срока трудовой договор не был расторгнут и работник не настаивает на увольнении, то действие трудового договора продолжается. На заявлении работника об увольнении по собственному желанию должна быть соответствующая резолюция руководителя организации, предписывающая подчиненным ему должностным лицам подготовить проект приказа об увольнении работника. В противном случае, при несоблюдения указанной процедуры по порядку увольнения работника по собственному желанию, работник подлежит восстановлению на работе в прежней должности.

С момента присоединения муниципальных военных комиссариатов районов и городов в виде отделов по муниципальным образованиям к военному комиссариату субъекта Российской Федерации, лишения их статуса самостоятельного юридического лица прошло уже более двух с половиной лет. После того как это присоединение было завершено окончательно к январю 2010 г., перед должностными лицами кадровых (строевых) подразделений и командованием военных комиссариатов субъектов Российской Федерации встал вопрос: как и кто имеет право принимать на работу и заключать с работниками трудовые договоры? Конечно же, ответ очень прост, на первый взгляд: естественно, работодатель. Но, к сожалению, многие военные комиссариаты субъектов Российской Федерации совершили ошибочный выбор: предоставили и делегировали соответствующие полномочия по приему и увольнению работников начальникам отделов по муниципальным образованиям на основании доверенностей² от органа работодателя – военного комиссара. Основной причиной таких решений послужило большое расстояние между населенными пунктами, в которых размещены структурные обособленные подразделения военного комиссариата субъекта Российской Федерации в виде отделов по муниципальным об-

разованиям. Прошло много времени, было проиграно в судах достаточное количество трудовых споров, пока в военном комиссариате, где работает автор, пришли к простому и логическому выводу: лучше и правильнее всего не делегировать такие полномочия начальникам отделов по муниципальным образованиям, так как в данных отделах в основном отсутствуют штатные должности как кадровиков, так и юристов, финансовых работников.

Рассмотрим примеры из судебной практики.

М. обратилась в суд с иском к военному комиссариату Пермского края, отделу военного комиссариата Пермского края по Свердловскому и Ленинскому району г. Перми и с учетом уточненных исковых требований просила восстановить ее на работе в соответствующей должности, которую она занимала до своего увольнения, а также взыскать заработную плату за дни вынужденного прогула и компенсировать моральный вред. Свои требования мотивировала тем, что она работала в отделе муниципального образования военного комиссариата, соответствующим приказом она была уволена якобы по личному заявлению. Заявление об увольнении М. не писала, желания быть уволенной у нее не было. Начальник муниципального отдела военного комиссариата использовал заявления работников без указания даты, которые он получил обманным путем в целях шантажа и издевательства над подчиненными несколько месяцев назад. Такие заявления без дат путем угроз увольнения начальник муниципального отдела военного комиссариата много месяцев назад требовал написать многих своих подчиненных и держал эти заявления в своем сейфе. Периодически он вызывал работников в свой кабинет, угрожал поставить дату на заявлении и уволить их.

Поводом для увольнения М. послужило то, что она болела в определенный период времени, это не понравилось начальнику муни-

² Следует отметить, что такие полномочия не могут быть переданы по доверенности. В соответствии со ст. 20 ТК РФ права и обязанности работодателя в трудовых отношениях осуществляются: органами управления юридического лица или уполномоченными ими лицами в порядке, установленном законодательством, учредительными документами и локальными нормативными актами. Следовательно, о наделении полномочиями начальников отделов должен был быть издан приказ военного комиссара субъекта Российской Федерации.

ципального отдела военного комиссариата, и он посчитал, что она симулировала болезнь. В первый день выхода на работу после излечения начальник муниципального отдела вызвал М. в свой кабинет и в присутствии ее непосредственного начальника достал из сейфа ее заявление и сказал: «Видите свое заявление? Я ставлю на нем дату. Вы уволены». В этот же день был издан приказ о ее увольнении.

Истец считает увольнение незаконным, личного заявления об увольнении она не писала, ее воли на увольнение не было³.

В решении Свердловского районного суда г. Перми от 27 мая 2013 г. по гражданскому делу № 2-2937/2013 о восстановлении работника в прежней должности суд указал на то, что несоблюдение работодателем порядка увольнения по собственному желанию лишило бывшего работника, а ныне истца возможности выполнять в течение предусмотренного трудовым законодательством возложенную на нее трудовую функцию, получать причитающуюся ей заработную плату, а также она была лишена возможности отозвать свое заявление об увольнении в случае изменения своего решения. При таких обстоятельствах суд указал на то, что истец подлежит восстановлению на работе в прежней должности с указанной даты.

Напоминаем читателям журнала о том, что расторжение трудового договора по инициативе работника допустимо в случае, когда подача заявления об увольнении являлась добровольным его волеизъявлением. Факт понуждения к подаче заявления об увольнении по собственному желанию обязан доказать работник (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» от 17 марта 2004 г. № 2).

Так, например, Т., работая в ОАО «Российские железные дороги» оператором ПТО, приказом работодателя от 28 апреля 2007 г. была уволена по собственному желанию. Обратившись в суд с иском о восстановлении на работе, истец указала, что заявление об увольнении было написано ею под давлени-

ем представителя администрации. Проверяя законность заявленных Т. требований, суд установил, что приказом работодателя от 9 февраля 2007 г. в целях выполнения задания по производительности труда, а также приведения численности работающих в соответствие с утвержденным начальником дороги штатным расписанием Астраханского эксплуатационного депо обеспечено высвобождение оператора ПТО Астрахань-2, должность исключена из штатного расписания по состоянию на 1 февраля 2007 г.

10 февраля 2007 г. истцу было выдано уведомление, которым она поставлена в известность о предстоящем увольнении. 28 апреля 2007 года Т. была уволена по собственному желанию.

Доводы ответчика о том, что увольнение было добровольным волеизъявлением истца, были проверены судом, который установил, что заявление об увольнении Т. было написано за 10 дней до увольнения ее по сокращению штатов, тогда как она имела бы определенные гарантии, установленные как трудовым законодательством, так и коллективным договором, касающиеся, в частности, выплаты выходного пособия. Более того, согласно коллективному договору (п. 4.5.5, п. 4.6.2), Т., достигнув 53 лет и попав под сокращение, имела право на досрочное оформление пенсии и получение выходного пособия в размере четырехмесячного заработка, чего при увольнении по собственному желанию она лишалась.

Кроме этого, допрошенные в судебном заседании свидетели как со стороны истца, так и со стороны ответчика не отрицали того факта, что Т. написала заявление дома и передала его через представителя работодателя. Издав 28 апреля 2007 г. приказ об увольнении истца по собственному желанию, представитель работодателя в этот же день вечером привезла ей домой трудовую книжку. Из медицинских документов, имеющихся в материалах дела, следует, что в этот день из роддома выписывалась дочь истца, в связи с чем необходимости именно в этот день решать вопрос о своем увольнении у Т. также не имелось.

³ Решение Свердловского районного суда города Перми от 27 мая 2013 года по гражданскому делу № 2-2937/2013.

Из заявления Т. об увольнении по собственному желанию усматривается, что работник не указал дату увольнения, следовательно, согласно положениям трудового законодательства, увольнение должно состояться через две недели. Предоставление этого срока является не правом, как на это ссылается представитель ответчика в жалобе, а обязанностью работодателя, о чем и говорится в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Увольнение до истечения двухнедельного срока предупреждения об увольнении возможно лишь только по соглашению между работником и работодателем.

Допрошенный в судебном заседании в качестве свидетеля начальник эксплуатационного вагонного депо Н. пояснил, что Т. он не видел и не интересовался, почему она перед сокращением решила уволиться по собственному желанию. Таким образом, районным судом было установлено, что соглашения между сторонами о расторжении трудового договора до истечения двухнедельного срока предупреждения об увольнении достигнуто не было.

О вынужденности увольнения Т. свидетельствуют и показания М., пояснившей, что мероприятия по сокращению были, однако должность, которую занимала Т., не подлежала сокращению и согласно штатному расписанию сокращение либо высвобождение данной должности не было предусмотрено изначально.

С учетом установленных обстоятельств суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу, что при увольнении Т. работодателем были нарушены нормы трудового законодательства, в связи с чем заявленные ею требования правомерно удовлетворены.

Д. обратился с иском к ООО «Стройтрансэнергосервис» с иском о восстановлении на работе. Решением Приволжского районного суда Астраханской области в удовлетворении исковых требований отказано.

Судом установлено, что истец работал у ответчика в должности водителя с 8 июля 2004 г. Приказом № 18-к от 19 февраля 2007 г. он уволен по п. 3 ст. 77 ТК РФ по собственному желанию.

Доказательств тому, что заявление об увольнении по собственному желанию было написано Д. в принудительном порядке, а также доказательств, свидетельствующих о нарушении ответчиком законов и иных нормативных актов, содержащих нормы трудового права, условия коллективного или трудового договора, представлено не было, в связи с чем суд правомерно отказал истцу в заявленном иске.

В. был принят в 1213-е управление начальника работ на должность плотника пятого разряда. Приказом работодателя он был уволен по п. 3 ст. 77 ТК РФ по собственному желанию.

Обращаясь в суд с иском о восстановлении на работе, истец указал, что увольнение имело место после истечения срока предупреждения, что является нарушением его трудовых прав.

Согласно ст. 80 ТК РФ работник имеет право расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен названным Кодексом или иным федеральным законом. Течение указанного срока начинается на следующий день после получения работодателем заявления работника об увольнении. Если по истечении срока предупреждения об увольнении трудовой договор не был расторгнут и работник не настаивает на увольнении, то действие трудового договора продолжается.

Из материалов дела следует, что 16 июля 2007 г. В. обратился к работодателю с заявлением об увольнении по собственному желанию. Согласно визе на указанном заявлении дата увольнения определена работодателем 30 июля 2007 г.

Однако из совокупности представленных сторонами доказательств районный суд правомерно установил, что после истечения указанного выше срока В. продолжил выполнять трудовые обязанности.

Статья 84-1 ТК РФ предусматривает общий порядок оформления прекращения трудового договора, в которой, в частности, закреплено, что в последний рабочий день работник должен под роспись ознакомиться с приказом; по его требованию работодатель обя-

зан выдать ему надлежащим образом заверенную копию указанного приказа, копии документов, связанных с работой; кроме этого, работодатель обязан выдать работнику трудовую книжку и произвести с ним расчет. В случае когда в день прекращения трудового договора выдать трудовую книжку работнику невозможно в связи с его отсутствием либо отказом от ее получения, работодатель обязан направить работнику уведомление о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправление ее по почте.

В судебном заседании представители ответчика пояснили, что истец отсутствовал 30 июля 2007 г. на работе, а поэтому они не могли ознакомить его с приказом, вручить трудовую книжку и произвести окончательный расчет. Однако доводы ответчика в этой части опровергаются исследованными в судебном заседании платежными ведомостями и расходными кассовыми ордерами, из которых следует, что В. 30 июля и 8 августа 2007 г. получал заработную плату, находился на работе, в связи с чем необходимости направлять ему письма с просьбой явиться за трудовой книжкой и расчетом не было. Не было суду представлено доказательств и того, что с В. был произведен окончательный расчет.

Доводы истца о том, что он после 30 июля 2007 г. продолжал осуществлять свои трудовые обязанности, подтвердили свидетели У. и Л. Показания указанных свидетелей объективно подтверждаются совокупностью вышеприведенных доказательств, в связи с чем оснований для критической оценки данных доказательств у судебной коллегии не имеется. При таких обстоятельствах районный суд пришел к правильному выводу о незаконности увольнения истца⁴.

Работник имеет право написать заявление об увольнении в период временной нетрудоспособности, в отпуске и других случаях уважительного отсутствия на рабочем месте. Дата увольнения также может приходиться на эти периоды. Работодатель обязан удовлетворить эту просьбу. Такое разъяснение дает Федеральная служба по труду и занято-

сти в письме от 5 сентября 2006 г. № 1551-6, подчеркивая, что запрет на увольнение в период уважительного отсутствия на работе распространяется только на увольнения по инициативе работодателя (ч. 6 ст. 81 ТК РФ). Заявление на увольнение работник может передать не только лично, но и по почте, факсу, электронной почте и т. д. Главное, чтобы у работодателя не возникло сомнений в подлинности такого заявления.

Целесообразно, чтобы письменное заявление работника о расторжении трудового договора по собственному желанию содержало дату предполагаемого увольнения. Этот день будет являться последним днем работы у данного работодателя при условии, что заявление подано заблаговременно, т. е. за две недели до даты увольнения (ст. 14, ч. 1 ст. 80 ТК РФ). Если работодатель не возражает, в заявлении можно указать и более раннюю дату увольнения, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 80 ТК РФ расторжение трудового договора в указанном случае возможно и до истечения двухнедельного срока предупреждения об увольнении.

Однако если в течение двухнедельного срока предупреждения о расторжении трудового договора работодатель установил факт грубого нарушения работником трудовых обязанностей, прогула или появления его на рабочем месте в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, работодатель вправе расторгнуть трудовой договор до истечения этого срока по основаниям, указанным в ст. 81 ТК РФ.

Следует отметить, что не для всех работников действуют правила о двухнедельном сроке для предупреждения работодателя о предстоящем расторжении трудового договора. Срок предупреждения работодателя об увольнении увеличен до одного месяца для руководителей организаций (ст. 280 ТК РФ), для спортсменов и тренеров, если трудовой договор заключен на срок не менее четырех месяцев (ч. 1 ст. 348.12 ТК РФ). Для некоторых других категорий работников сроки предупреждения об увольнении, наоборот, сокращены. Например, временные и сезонные

⁴ Обобщение судебной практики Астраханского областного суда по рассмотрению гражданских дел о восстановлении работников на работе за 2007 год.

работники, а также работники, заключившие срочный трудовой договор на срок до двух месяцев, в трехдневный срок должны предупредить работодателя о предстоящем увольнении (ч. 1 ст. 292, ч. 1 ст. 296 ТК РФ).

Работодатель не может отказать работнику в отзыве заявления об увольнении по причине добровольно принятого на себя обязательства по приему на работу другого работника (определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2008 г. № 48-В08-6). На практике может также возникнуть ситуация, когда работник желает взять очередной отпуск с последующим увольнением. В этом случае работник, получивший отпуск с последующим увольнением по собственному желанию, вправе отозвать свое заявление об увольнении при условии, если отпуск еще не начался и если на его место не приглашен в письменной форме в порядке перевода от другого работодателя другой работник (ч. 4 ст. 127 ТК РФ). В том случае, если отпуск уже начался, даже если это только первый день отпуска, работник лишается права отозвать свое заявление об увольнении.

Что касается продления отпуска на время болезни, то ответ на этот вопрос должен быть, скорее всего, отрицательным, поскольку реально (фактически) трудовые отношения с работником прекращены с момента начала отпуска.

Такой вывод подтверждают и правила ч. 4 ст. 127 ТК РФ, в соответствии с которыми работник, которому неиспользованный отпуск предоставлен с последующим увольнением по его инициативе, не вправе отозвать свое заявление об увольнении после начала отпуска, даже если это только первый день отпуска.

Изыявив желание получить отпуск с последующим увольнением, работник тем самым в первую очередь выразил желание прекратить трудовые отношения с работодателем (при увольнении по собственному желанию) или согласился с правомерностью его прекращения (при увольнении по другим основаниям). Поэтому следует полагать, что с момента начала отпуска работодатель не несет каких-либо обязательств перед работником, получившим отпуск с последующим увольнением, и, следовательно, правила о продлении ежегодного оплачиваемого отпуска, предусмотренные ч. 1 ст. 124 ТК, к таким работникам не применяются⁵.

Однако самое главное в данном случае, как считает автор настоящей статьи произвести все расчеты с работником, который собирается уходить в отпуск с последующим увольнением, выдать ему заполненную трудовую книжку, выписку из приказа об увольнении и т. д. заранее, до начала фактического проведения отпуска работником.

Информация

Бывший заместитель начальника отдела военного комиссариата Кировской области признан виновным во взяточничестве

Собранные следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области доказательства судом признаны достаточными для вынесения приговора бывшему заместителю начальника отдела военного комиссариата Кировской области 45-летнему Р. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 290 УК РФ (получение взятки – 4 эпизода) и ч.3 ст. 30 ч.1 ст. 290 УК РФ (покушение на получение взятки).

Судом установлено, что Р., будучи должностным лицом военного комиссариата Кировской области, в период проведения призывных компаний в 2010- 2012 годах получал от призывников или их родственников денежные средства в размере от 10 до 15 тыс. рублей в качестве взяток за направление призывников для прохождения военной службы в войсковые части, дислоцированные на территории Кировской области. В результате указанных действий подсудимый незаконно получил денежные средства на общую сумму 85 тыс. рублей.

Напомним, что Р. был задержан сотрудниками полиции вечером 12 декабря 2012 года при получении взятки в размере 15 тыс. рублей за выполнение им действий по обеспечению прохождения военной службы призывников в войсковых частях гор. Кирова и Кировской области.

Суд приговорил Р. к наказанию в виде штрафа в размере 350 тыс. рублей с лишением права занимать руководящие должности в учреждениях МО РФ сроком на 2 года.

⁵ Орловский Ю.П., Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. Указ. соч.

“ПРЕСТУПЛЕНИЕ АГРЕССИИ” И УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ ЭТИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*И.Ю. Белый, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного и конституционного права МГЛУ*

В рамках сессии Ассамблеи государств – участников Международного уголовного суда 13 февраля 2009 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке состоялось заседание Рабочей группы по определению понятия «преступление агрессии», которая одобрила окончательный доклад о результатах своей почти десятилетней работы. Перед рабочей группой Подготовительной комиссии МУС стояла задача, сложность которой заключалась в наличии значительных разногласий относительно точного значения фразы в ст. 5(2) Статута, которая предусматривает, что любое положение о преступлении агрессии «соображается с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций». При этом, большинство государств придерживались той точки зрения, что заключение о том, имел ли место акт агрессии, в соответствии со своими полномочиями должен вынести Совет Безопасности (гл. 7 Устава ООН), прежде чем МУС сможет получить юрисдикцию в отношении преступления агрессии. В свою очередь, ряд государств занимали противоположную позицию. В этой связи шла «медленная работа над достижением компромисса, приемлемого для всех заинтересованных государств», как сообщал на пресс-конференции в Нью-Йорке председатель Рабочей группы Постоянный представитель Лихтенштейна при ООН Кристиан Веневезер. В

2010 г. в Уганде на Конференции государств – участников Римского статута по пересмотру Устава МУС вопрос в отношении преступления агрессии был рассмотрен и государства «смогли урегулировать оставшиеся разногласия»¹.

Мировое сообщество, отмечая, что агрессия, как вооруженное нападение одного государства на другое, представляет собой наибольшую опасность для международного мира, давно предпринимало шаги для признания агрессии преступным деянием, посягающим на интересы соблюдения всеобъемлющего мира и правила мирного урегулирования межгосударственных споров. Так, например:

– запрещение «агрессивных войн» нашло свое закрепление в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. о мирном разрешении международных споров;

– Декретом Советского государства о мире 1917 г. ведение захватнической войны было признано «величайшим преступлением против человечества»;

– Декларация Лиги Наций 1927 г. определяла, что «всякая агрессивная война является и остается запрещенной» и «составляет международное преступление»;

– Парижский пакт (Пакт Бриана – Келлога) 1928 г. запретил войну как орудие национальной политики;

¹ В работе Конференции приняли участие 86 делегаций государств – участников Статута и 33 государства-наблюдателя, включая Китай, Российскую Федерацию и США, а также международные организации, неправительственные организации, организации по защите потерпевших (Документы Обзорной конференции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icc-cpi.int/Menus/ASP/ReviewConference/Review+Conference.htm>).

– в Уставе ООН закреплен принцип, запрещающий не только применение силы, но и угрозу силой;

– приговоры Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов базируются на признании преступности агрессии, при этом принципы Нюрнбергского и Токийского трибуналов были подтверждены Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1946 г.;

– Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. указала, что «агрессивная война является преступлением против международного мира», при этом агрессией признавалось применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства.

Устав МУС ранее указывал в п. 2 ст. 5 Статута, что «Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со статьями 121 и 123 положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. Такое положение соотнобразуется с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций». С 2010 г. вышеуказанное положение исключено из Устава МУС².

Материально-правовое определение преступления агрессии для целей Римского статута раскрывается в двух пунктах новой статьи – ст. 8-bis:

– во-первых, это «планирование, подготовка, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава ООН»;

– во-вторых, под актом агрессии будет пониматься «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого госу-

дарства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций», т. е. участниками конференции решено и дальше руководствоваться «определением агрессии» 1974 г.³, в соответствии с которым агрессивным признается любое из нижеперечисленных действий (*actus reus*):

а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она не носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части;

б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

в) блокада портов или берегов другого государства вооруженными силами другого государства;

г) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские и воздушные флоты другого государства;

д) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

е) действия государства, позволяющие, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

ж) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечис-

² Resolution RC/Res.6 «The Crime of Aggression», adopted at the 13th plenary meeting, on 11 June 2010. Annex I. Amendments to the Rome Statute of the International Criminal Court on the Crime of Aggression.

³ Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.

ленным выше актам или его значительному участию в них.

В свою очередь, в процессуальном порядке осуществление юрисдикции МУС в отношении преступления агрессии может осуществляться как при передаче ситуации в МУС государством-участником или при инициировании расследования Прокурором *pro proprio motu* (ст. 15-бис Статута), так и при передаче ситуации Советом Безопасности ООН (ст. 15-тер Статута) при соблюдении следующих условий:

- только в отношении преступлений агрессии, совершенных один год спустя с момента ратификации или принятия данных поправок тридцатью государствами-участниками;
- в отношении преступления агрессии только после решения, принятого позднее 1 января 2017 г. тем же самым большинством государств-участников, которое требуется для принятия поправки к Статуту.

И тем не менее, такая отложенная во времени практическая реализация несколько не умаляет самого факта международно-правовой криминализации агрессии, что направлено в конечном счете на укрепление международного правопорядка и предупреждение тяжких международных преступлений⁴.

Таким образом, решением вышеуказанной Конференции государств – участников Римского статута по пересмотру Устава МУС был закреплен различный порядок осуществления юрисдикции Суда. Так, в случае передачи ситуации Советом Безопасности прокурор начинает расследование немедленно. В случае же передачи ситуации в МУС государством-участником или при инициировании расследования Прокурором (*pro proprio motu*) последний должен выяснить, вынес ли Совет Безопасности ООН определение в отношении акта агрессии, и уведомить Генерального секретаря ООН о ситуации, находящейся на рассмотрении Суда. В случае отсутствия такого решения Совета Безопасности ООН в течение шести месяцев Прокурор может начать расследование, если оно будет санкционировано Палатой предварительного производства МУС. Данное положение повышает

самостоятельность Суда в уголовном преследовании агрессора.

Тем не менее, при передаче МУС ситуации государством Суд сможет осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступления агрессии, только если государство-агрессор ранее не заявило о непризнании такой юрисдикции. Более того, в отношении государства, не являющегося участником Римского статута МУС, Суд не будет осуществлять свою юрисдикцию по преступлениям агрессии, совершенным как гражданами этого государства, так и на его территории.

Поправками к элементам преступлений (ст. 8-бис) также дана дополнительная характеристика специального субъекта и субъективной стороны преступления агрессии: нарушитель планировал, подготавливал, инициировал или осуществил акт агрессии, при этом он:

- во-первых, являлся лицом, которое было в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии;
- во-вторых, должен был сознавать фактические обстоятельства, указывающие на несовместимость применения вооруженной силы с Уставом Организации Объединенных Наций;
- в-третьих, осознавал фактические обстоятельства, указывающие на грубость нарушения Устава Организации Объединенных Наций в силу характера, серьезности и масштабов совершенного преступного деяния.

И наконец, в Приложении 3 к Резолюции RC/Res.6*, принятой консенсусом на 13-м пленарном заседании Конференции по Римскому статуту 11 июня 2010 г. «Положение о понимании в отношении поправок к Римскому статуту Международного уголовного суда, касающихся преступления агрессии», дополнительно указывается, что «для установления того, является ли факт агрессии явным нарушением Устава Организации Объединенных Наций, трех компонентов – характера, тяжести и масштаба – должно быть достаточно для того, чтобы подкрепить опре-

⁴ Трикоз Е.Н. Кампальская конференция по международному уголовному правосудию // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2011. № 1. С. 20 – 24.

деление нарушения как «явного». Ни один компонент сам по себе не является достаточно значимым для того, чтобы соответствовать стандарту явного нарушения».

Принимая во внимание вышеизложенное, следует сделать ряд выводов:

1. В отличие от Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. внесенные в Устав МУС изменения позволяют привлекать к индивидуальной уголовной ответственности за совершение акта агрессии и физических лиц, если они были в состоянии эффективно осуществлять контроль за политическими или военными действиями государства или руководить ими (п. 3-бис ст. 25 Статута).

2. Государства – участники Римского статута, ратифицировавшие вновь принятые поправки, не смогут апеллировать к МУС о привлечении к международной уголовной ответственности агрессоров, если они будут гражданами государств, не являющихся участниками Римского статута. Разрешение дан-

ной ситуации видится в возможности осуществления юрисдикции Судом при передаче ситуации Советом Безопасности ООН – в этом случае юрисдикция МУС может осуществляться в отношении любых преступлений агрессии, в том числе совершенных на территории государств, не являющихся участниками Статута, а также гражданами этих государств.

3. С учетом того что участниками Статута являются большинство государств мира (более 110), среди которых все страны ЕС, нормы о сотрудничестве с МУС становятся частью современного международного права. В этой связи Российской Федерацией должна быть активизирована правотворческая деятельность по имплементации в национальное уголовно-правовое и уголовно-процессуальное законодательство положений Римского статута, в том числе в сфере правового регулирования вопросов сотрудничества российских компетентных органов с МУС.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ВОЕННО-УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА*

Я.Н. Ермолович, кандидат юридических наук

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности являются основным направлением военно-уголовной политики и одним из ее основных методов. Дифференциация и индивидуализация заключаются в максимальном учете при привлечении к уголовной ответственности, квалификации преступлений, назначении наказания степени и характера общественной опасности совершенного лицом преступления, обстоятельств его совершения и некоторых личностных характеристик виновного. Индивидуализация поз-

воляет учесть фактические обстоятельства дела и личность виновного при назначении наказания в сторону ужесточения или смягчения мер, предусмотренных законом. Дифференциация применяется на правотворческой стадии, а индивидуализация – на правоприменительной. Указанные обстоятельства позволяют объединять дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности в один метод уголовной политики¹.

В научной литературе принято выделять категории дифференциации и индивидуализа-

* Мнение редакции может не совпадать с мнением автора, изложенным в настоящей статье.

¹ См., напр.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 184 – 201.

ции уголовной ответственности и дифференциации и индивидуализации наказания. Под уголовной ответственностью обычно понимается система мер, установленных в законе, применяемых государством к лицу, совершившему преступление. Как правило, эта система мер заключается в форме уголовного наказания². Однако к уголовной ответственности принято относить, помимо наказания, еще и осуждение лица, признание его судом виновным в совершении преступления³. Такая позиция подтверждается существованием в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) отдельных глав: освобождение от наказания (гл. 12) и освобождение от уголовной ответственности (гл. 11). В противном случае такое деление не имело бы смысла. Не вдаваясь в полемику о позитивной и ретроспективной уголовной ответственности, следует отметить, что уголовная ответственность наступает только за совершение преступления, т. е. применение принудительных мер медицинского характера за совершение общественно опасного деяния в состоянии невменяемости к уголовной ответственности не относится. Более того, в гл. 33 УК РФ «Преступления против военной службы» предусмотрены две нормы об освобождении от уголовной ответственности, если преступление явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств (примечания к ст.ст. 337, 338). Как и в случае с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим в этих двух случаях освобождение от уголовной ответственности не является императивом, а применяется по усмотрению органов военной юстиции. Такой же вероятностный характер носит и большинство оснований освобождения от наказания или от дальнейшего отбывания наказания, что можно также отнести к дифференциации уголовной ответственности в зависимости от определенных факторов. В еще более широком смысле уголовная ответственность представляет собой реализацию уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений. Таким образом, дифференциация и

индивидуализация уголовной ответственности является более широким понятием, чем дифференциация и индивидуализация наказания, которые, в свою очередь, являются составным элементом этой более широкой категории.

В научной литературе принято выделять основание и средства дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Под основанием дифференциации и индивидуализации понимается типовая степень общественной опасности содеянного и типовая степень опасности лица, совершившего преступление. Под средствами дифференциации уголовной ответственности понимается изменение размера, вида и характера мер уголовной ответственности в определенном направлении и объеме. К средствам дифференциации относят квалифицирующие, привилегирующие, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также освобождение от уголовной ответственности. Средства дифференциации Общей части УК РФ: категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям, обстоятельства, особо отягчающие и особо смягчающие наказание. Средства дифференциации Особенной части УК РФ: квалифицированные составы преступлений, специальные виды освобождения от уголовной ответственности, относительно определенные, альтернативные и кумулятивные санкции, факультативность уголовных наказаний.

В свою очередь, к средствам индивидуализации относятся институт освобождения от наказания, выбор оптимальной меры наказания, выражающейся в конкретном виде и размере наказания, а также применение более мягких мер, чем предусмотрено статьей УК РФ⁴.

До настоящего времени в военно-уголовном праве исследовались только вопросы дифференциации и индивидуализации наказаний, назначаемых военнослужащим. Этой проблеме посвящена всего одна диссертация – диссертация А.В. Ищенко⁵. В данной рабо-

² См., напр.: Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: учеб. пособие. М., 2005. С. 519 – 526.

³ См., напр.: Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982. С. 348.

⁴ Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 184 – 201.

⁵ Ищенко А.В. Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 138 с.

те автор приходит к выводу о том, что дифференциация и индивидуализация наказаний основываются на принципе справедливости, они развивают и дополняют его, но не совпадают с ним. Дифференциация и индивидуализация наказания являются самостоятельными принципами уголовного законодательства и права. Они различны по своему содержанию, задачам, уровням проявления и реализации, хотя и находятся в тесном взаимодействии. Дифференциация наказания является основой его последующей индивидуализации. При этом, дифференциация и индивидуализация наказания должны найти закрепление в законе в качестве самостоятельных уголовно-правовых принципов назначения наказания.

По поводу справедливости как принципа права в правовой науке существуют различные подходы. Например, В.М. Сырых отмечает, что понятие справедливости, взятое в отрыве от его действительного содержания, определяемого соответствующим способом производства, системой экономических отношений, лишается своего действительного содержания и превращается в универсальный способ придания субъективным положениям автора видимости научного анализа, позволяющего свести некие частные вопросы правовой или иной науки к ее фундаментальным основаниям в виде вечной справедливости. Принцип справедливости не обладает всеобщностью действия в праве поскольку: 1) предмет правового регулирования значительно шире сферы действия справедливости в праве; 2) имеется ряд правовых отношений, которые не в полной мере соответствуют требованиям справедливости; 3) справедливость представляет собой часть правового сознания и лежит за пределами права.

В силу названных причин признаком права является не справедливость, а эквивалентность⁶. Таким образом, категория справедливости имеет исторически преходящий характер, определяемый рядом внеправовых факторов, в том числе сознанием и личностью конкретного субъекта конкретных правоотношений, является во многом субъективной, а поэтому не может носить абсолютного ха-

рактера. Понятие «справедливость» относится в большей степени к сфере морали и имеет такое же качество, как и правда, которая, как известно, у каждого своя. В этом плане понимание справедливости в уголовном праве как соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного является ближе к понятию эквивалентности. Кроме того, такое понимание справедливости «упирается» в категории характера и степени общественной опасности, которые, как мы увидим ниже, согласно принципу неполноты основываются на общих неопределяемых понятиях. Например, сложно найти логическое объяснение тому факту, что в УК РФ за убийство предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет (ч. 1 ст. 105), а за причинение смерти по неосторожности – лишение свободы на срок до двух лет (ч. 1 ст. 109). С учетом того, что результат обоих преступлений одинаков, разница в наказаниях составляет 3 – 7 раз. Следовательно, характер и степень общественной опасности деяния в ряде случаев определяется законодателем (политической элитой) произвольно, исходя из его текущих политических интересов, и отношения к категории справедливости не имеет.

В вышеуказанной работе А.В. Ищенко приходит к выводу о том, что в вопросах дифференциации и индивидуализации наказаний присутствует определенная военная специфика, выражающаяся в особенностях целей наказаний и их назначении таким субъектам со специальным правовым статусом, какими являются военнослужащие. При назначении наказаний военнослужащим учитывается, что достижение целей наказания в условиях военной службы будет обеспечиваться средствами воздействия, которые предусмотрены не только нормами уголовного и уголовно-исполнительного права, но и военным законодательством.

Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим, имеют социально обусловленный характер и определяются экономическими, политически-

⁶ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007. С. 422, 432.

ми, правовыми, моральными и другими социальными факторами, влияющими на их развитие и содержание (уровнем нравственного развития общества, культуры, правосознания, науки, в том числе юридической, образования и т. п.). Они зависят от состояния национальной безопасности, направленности уголовной политики, характера и уровня развития военного строительства, содержания военной доктрины государства.

Дифференциация наказания, в свою очередь, определяется А.В. Ищенко как система разностей (различных объемов) наказания, обеспечивающая на уровне законодательного регулирования применение наказания в соответствии с характером и тяжестью преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного, выражающаяся в комплексе норм и институтов уголовного законодательства. Дифференциация наказания предполагает наличие системы дифференциалов, обеспечивающей и охватывающей все стороны и аспекты назначения наказания. При этом, чем больше закон будет содержать дифференциалов наказания (разностей), тем полнее будет производиться охват всех факторов, которые следует оценить через наказание. Целью дифференциации наказания является обеспечение оптимального соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного. Задача дифференциации наказания состоит в создании различных его объемов (дифференциалов), соответствующих определенным юридически значимым факторам.

Кроме того, дифференциация наказания, по мнению А.В. Ищенко, может рассматриваться и как модель деятельности, и как ее результат. В качестве модели дифференциация наказания представляет собой законодательскую и иную нормативную правовую деятельность законодательных органов государства и органов, обладающих правом нормотворчества, по установлению на основании классификационных признаков дифференциалов (разностей) наказания, служащих или являющихся оценкой посредством наказания факторов, характеризующих преступление, обстоятельства его совершения и личность

виновного на всех стадиях применения наказания. Индивидуализация наказания – это одно из основополагающих правовых требований обеспечения в каждом конкретном случае соответствия наказания на всех стадиях его применения характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

А.В. Ищенко также вводит категорию дифференциалов наказания, под которыми понимается разность, содержащая определенные параметры наказания и соответствующая определенным юридически значимым факторам. Каждый дифференциал наказания является приблизительной оценкой через наказание одного или нескольких факторов. Среди факторов, определяющих дифференциацию наказаний, назначаемых военнослужащим, выделяется категоричность преступлений, возраст, психическое состояние виновного.

Принятая в настоящее время классификация преступлений (ст. 15 УК РФ) основана на характере и степени общественной опасности деяния, в зависимости от которых определяется их тяжесть. Исходя из этого устанавливается четыре вида преступлений. В качестве критериев такого деления избраны два признака – форма вины и размер наказания. Так, из 45 составов воинских преступлений тяжкими являются 11, средней тяжести – 17 и небольшой тяжести – 17 составов преступлений. В результате процесса депенализации, происходящего с начала 90-х гг. прошлого столетия, законодатель исключил из текста закона все особо тяжкие составы воинских преступлений.

Принятая в настоящее время категоризация преступлений является довольно новым явлением в российском уголовном и военно-уголовном законодательстве. Так, до Октябрьской революции 1917 г. в военно-уголовном законодательстве отсутствовало понятие преступления. Для целей военно-уголовного законодательства использовались общеуголовные институты, закрепленные в Уложении о наказаниях уголовных и испра-

вительных 1845 г.⁷, где выделялись две категории – преступления или проступки, под которыми понимались как противозаконные деяния, так и неисполнение того, что предписано законом. Законодательного различия между этими категориями не проводилось. За преступления и проступки виновные «по роду и мере важности» подвергались наказаниям уголовным и исправительным. При этом, правонарушения, установленные Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, также назывались проступками; за них были установлены отдельные виды наказаний, на входивших в общую систему уголовных наказаний. Помимо этого, в Дисциплинарном уставе содержалось понятие дисциплинарного проступка, под которым понималось «маловажное» воинское правонарушение или нарушение общественного порядка, которые не влекли за собой предания суду. Дисциплинарное взыскание налагалось без суда властью начальства. Однако Воинским уставом о наказаниях 1869 г. в ряде случаев было предусмотрено за совершение воинского преступления назначение дисциплинарного взыскания. В этом случае дело передавалось в суд по усмотрению начальства. Эти институты были впоследствии восприняты советским военно-уголовным и военным законодательством и существовали вплоть до распада Советского Союза. Такое деление было обусловлено общим генезисом военно-уголовного и дисциплинарного законодательства, а также практическими задачами. Как указывалось в проекте Дисциплинарного устава, «учреждение по каждому маловажному проступку суда было бы не только неудобно в исполнении, но даже и не возможно»⁸. Хотя следует отметить, что отделение дисциплинарного законодательства от военно-уголовного началось задолго до принятия Свода военных постановлений 1869 г. Так, уже в Военно-уголовном уставе 1839 г. указывалось, что деяния, запрещенные под страхом взысканий по службе, определяемых без производства военного суда, в устав не входят (ст. 4). Таким образом, до Октябрьской революции воин-

ские преступления и проступки представляли собой единый правовой континуум, разграничение между ними проводилось по степени общественной опасности, однако обе категории являлись уголовно-правовыми институтами.

В Уголовном уложении 1903 г.⁹ содержалось уже понятие преступления, а также проводилась категоризация преступлений. Так, тяжкими преступлениями являлись такие деяния, за совершение которых были предусмотрены смертная казнь, каторга и ссылка на поселение. Преступлениями являлись деяния, за которые было предусмотрено заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме. Проступками — соответственно деяния, наказуемые арестом или денежной пеней.

В советский период категоризация преступлений по степени общественной опасности являлась в большей степени научной классификацией, основанной на толковании уголовного законодательства. Все преступления делились на особо тяжкие, тяжкие, не представляющие большой общественной опасности и малозначительные. Некоторые ученые, помимо этого, выделяли группу преступлений средней тяжести или не являющихся тяжкими¹⁰. Под особо тяжкими преступлениями понимались такие, за которые была предусмотрена смертная казнь или лишение свободы на срок до 15 лет; они были перечислены в ст. 22 Основ уголовного законодательства Союза ССР (далее – Основы). Только в 1972 г. было введено понятие тяжкого преступления, перечень таких преступлений содержался в ст. 7.1 Основ. Преступления, не являющиеся тяжкими, также прямо перечислялись, но уже в ст. 24 УК РСФСР 1960 г. На преступления, не представляющие большой общественной опасности, имелась только ссылка в ст. 52 УК РСФСР. Указание на малозначительное преступление содержалось в ст. 51 УК РСФСР; за их совершение могли быть применены меры общественного воздействия. Причем, в двух последних случаях кате-

⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. 198 с.

⁸ Анисимов А. Дисциплинарный устав. Варшава, 1872. С. 6.

⁹ Евангулов Г.Г. Уголовное Уложение. СПб., 1903. 373 с.

¹⁰ Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. С. 43 – 44.

гория преступления определялось судом с учетом обстоятельств дела и личности виновного.

В Законе СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» 1958 г. в ряде статей содержалась норма о том, что в случае совершения деяния при смягчающих обстоятельствах применяются правила Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР. Однако такие деяния не признавались малозначительными, они признавались воинскими преступлениями, но наличие смягчающих обстоятельств позволяло освобождать лицо от уголовной ответственности с привлечением к дисциплинарной. В Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил СССР указывалось, что в таком случае зависит от начальника, передать ли материалы на виновного в военные следственные органы или ограничиться дисциплинарным взысканием¹¹.

Касательно воинских преступлений следует отметить, что их можно было классифицировать на четыре группы: особо тяжкие (за которые была предусмотрена смертная казнь), тяжкие (перечисленные в ст. 7.1 Основ), воинские преступления, за которые была предусмотрена дисциплинарная ответственность, и все остальные.

Таким образом, в советский период категоризация преступлений осуществлялось по видам наказания, прямым перечислением преступлений и по судебному усмотрению. Научные разработки советского периода были реализованы в УК РФ, в котором была упорядочена классификация преступлений в зависимости от максимального размера лишения свободы, предусмотренного за данное преступление. Следует отметить, что за всю историю российского уголовного законодательства категоризация преступлений осуществлялась по следующим принципам: 1) по видам наказаний, предусмотренных за данное преступление; 2) прямым перечислением преступлений, относящихся к определенной категории; 3) по степени и характеру общественной опасности деяния, определяемой судом по конкретному делу; 4) по максималь-

ному размеру предусмотренного наказания. Военно-уголовное же законодательство имело обособленную специфическую подгруппу воинских преступлений, за которые было предусмотрено дисциплинарное взыскание.

Принятая в настоящее время категоризация преступлений по характеру и степени общественной опасности основывается на следующих положениях. Характером общественной опасности в теории уголовного права принято называть качественные характеристики преступления, которые зависят: 1) от содержания объекта посягательства (против жизни и здоровья личности, экологические преступления и т. д.); 2) формы вины (умышленно или неосторожно); 3) способа посягательства (насильственный, с применением оружия, ненасильственный); 4) мотива и целей совершенного преступления (низменные, корыстные, национальная вражда, религиозная ненависть, сострадание).

В то же время степень общественной опасности выражает количественные параметры преступления и определяется: 1) величиной причиненного вреда (тяжкий вред здоровью, крупный, особо крупный материальный ущерб и т. д.); 2) характером вины (заранее обдуманый или внезапно возникший умысел); 3) местом, временем и обстановкой, при которых совершено преступление (стихийное бедствие, чрезвычайное положение, массовые беспорядки и т. д.); 4) особенностью субъекта преступления (должностное лицо, несовершеннолетний и т. д.)¹².

Считается, что умышленное преступление более общественно опасно, чем неосторожное; преступление, совершенное группой лиц более общественно опасно, чем индивидуально совершенное; преступление, совершенное с корыстным мотивом, более общественно опасно, чем по мотиву личной неприязни и т. д. Характер общественной опасности как качественная характеристика преступления находит свое отражение в объекте преступного посягательства и классификации преступлений по объекту преступного посягательства. Из этого следует, что все преступ-

¹¹ Шупленков В.П. Индивидуализация наказания за воинские преступления: лекция. М., 1974. С. 8; *Его же*. Вопросы теории и практики назначения наказания за воинские преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 51 – 125.

¹² См. подробнее: Торкунов М.А. Формирование и развитие категории «общественная опасность» в российском уголовном законодательстве. М., 2007. С. 32.

ления, посягающие на один и тот же объект, имеют один и тот же характер общественной опасности, а один вид преступления от другого, посягающего на тот же объект, отличается степенью общественной опасности. Показателем характера и степени общественной опасности, установленной законодателем, является максимальный вид и размер наказания, предусмотренный за данное преступление. Однако из деления преступлений по характеру общественной опасности следует и их градация по степени общественной опасности.

Так, более общественно опасными признаются преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, поскольку за их совершение установлены в среднем наиболее строгие наказания, чем за остальные преступления. Средний срок предусмотренного лишения свободы за наиболее тяжкие из указанных преступлений составляет 15,5 лет, при наличии двух случаев возможного назначения пожизненного лишения свободы и одного случая возможного назначения смертной казни. В то время как за убийство средний срок лишения свободы, которое может быть назначено, составляет 12,25 лет, а за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 5,5 лет. Если учитывать все преступления против жизни и здоровья, то средний срок возможного лишения свободы будет еще меньше, поскольку за остальные преступления предусмотрены еще более мягкие наказания. За наиболее тяжкие преступления против мира и безопасности человечества средний срок возможного лишения свободы составляет почти 13 лет, при наличии одного случая возможного назначения смертной казни и одного случая возможного назначения пожизненного лишения свободы. Такое положение имеет исторические детерминанты.

В течение длительного времени в российской истории государственные преступления, или, как их сейчас называют, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, а в советский период – контрреволюционные преступления, занимали одно из первых мест в уголовно-правовых актах, поскольку эта категория пре-

ступлений угрожает непосредственно интересам политической элиты, которые отражает законодатель. Остальные преступления признавались менее общественно опасными и занимали второстепенные места в исторических уголовно-правовых актах.

Выделив преступления против военной службы в отдельную главу УК РФ, законодатель должен был оценить характер их общественной опасности, выражающийся в конкретных видах и размерах наказаний. В тех случаях, когда воинские преступления имели смежные общеуголовные составы преступлений или влекли те же последствия, например причинение вреда здоровью, законодатель должен был оценить вред, причиняемый родовому объекту преступлений против военной службы – военной безопасности Российской Федерации. Такая оценка должна была быть выражена в повышенном уровне санкций статей о преступлениях против военной службы по сравнению со смежными общеуголовными составами преступлений. Однако на практике эти исходные положения не всегда выполняются. В отдельных случаях устанавливаются одинаковые санкции за общие и воинские составы преступлений (например, в ст. 167 УК РФ и ст. 346 УК РФ). В других случаях, наоборот, за общеуголовный состав преступления предусмотрено более строгое наказание, чем за воинский (например, ч. 5 ст. 264 УК РФ и ч. 3 ст. 350 УК РФ; п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ). Как уже неоднократно указывалось, установление более строгого наказания за воинское преступление должно стать принципом военно-уголовной политики.

Дифференциация наказания по возрастному основанию проявляется в военно-уголовном законодательстве в возложении ответственности за совершение воинского преступления на военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, с 18 лет, а курсантов военных вузов – с 16 лет. Однако судебная практика, в отличие от теории военно-уголовного права, не признает субъектами воинских преступлений курсантов в возрасте от 16 до 18 лет.

Наказание в УК РФ дифференцируется в отношении военнослужащих как специаль-

ных субъектов преступления. Исходя из правового статуса военнослужащих, уголовные наказания классифицируются следующим образом: 1) наказания, которые не применяются к военнослужащим; 2) наказания, которые имеют специфику применения к военнослужащим; 3) наказания, применяемые к военнослужащим в полном объеме; 4) специально-воинские наказания. Кроме того, воинские наказания делятся на применяемые к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, и к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту. Следует отметить, что ни в одной статье о преступлениях против военной службы не предусмотрено в качестве наказания лишение воинского звания или государственных наград. По характеру общественной опасности все преступления дифференцируются для военнослужащих на общеуголовные и воинские.

В теории военно-уголовного права выделяется специфическое воинское средство дифференциации и индивидуализации наказания в случае группового воинского преступления, когда в его совершении совместно принимали участие подчиненные и начальники¹³. В этом случае предполагается, что ответственность начальника должна быть повышенной, т. е. ему должно быть назначено более строгое наказание, обусловленное его должностным положением. В данном случае должностное положение является фактором индивидуализации наказания. Однако в уголовном законодательстве эти положения не получили закрепления до настоящего времени. Хотя в общевоинских уставах устанавливается, что в ходе выполнения боевых задач воинской частью (подразделением) командир (начальник), руководствуясь требованиями боевых уставов, должен принимать меры по соблюдению норм международного гуманитарного права (ст. 77 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, далее – УВС ВС РФ). Командир полка (корабля) обязан принимать меры по предупреждению преступлений (ст. 94 УВС ВС РФ). За состояние воинской дисциплины в воинской части (подразделении) отвечают командир и

заместитель командира по воспитательной работе, которые должны постоянно поддерживать воинскую дисциплину, требовать от подчиненных ее соблюдения, пресекать любые действия, которые могут причинить вред боеспособности воинской части (подразделения) (ст.ст. 5, 6 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, далее – ДУВС РФ). Командир (начальник), не обеспечивший необходимых условий для соблюдения уставного порядка и требований воинской дисциплины, не принявший мер для их восстановления, несет за это ответственность. Командир (начальник) не несет дисциплинарной ответственности за правонарушения, совершенные его подчиненными, за исключением случаев, когда он скрыл правонарушение или не принял необходимых мер в пределах своих полномочий по предупреждению правонарушений и привлечению к ответственности виновных лиц (ст. 8 ДУ ВС РФ).

Личность виновного как фактор индивидуализации включает в себя ряд признаков и обстоятельств, которые, по А.В. Ищенко, делятся на четыре группы. Так, к первой группе данных относятся две составляющие: 1) общесоциальная характеристика (уровень социальной зрелости, устойчивость ориентаций, жизненные установки, образованность, отношение к общественно полезному труду, участие в общественной жизни, отношение к окружающим, чувство коллективизма); 2) воинская характеристика (воинское звание, срок службы, степень дисциплинированности и соблюдения требований общевоинских уставов, наличие поощрений и взысканий, овладение воинской специальностью и отношение к исполнению служебных обязанностей, выполнение ответственных служебных заданий, участие в боевых действиях, учениях, маневрах и т. п., инициативность и др.).

Вторая группа данных относится к психофизическим особенностям личности и делится на две составляющие: 1) нравственно-психологическая характеристика (черты характера, привычки, в том числе вредные, направленность личности – взгляды, интересы, потребности, склонности, психологическая

¹³ Чхиквадзе В.М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. С. 219.

устойчивость и волевые качества); 2) состояние здоровья (психическое состояние, в том числе наличие отклонений, не исключающих вменяемости, физическое состояние, в том числе наличие физических недостатков, степень годности к военной службе, связь психофизических недостатков с совершенным преступлением).

К третьей группе относятся сведения, характеризующие личность виновного до поступления на военную службу. К таковым относятся сведения об условиях воспитания (вне семьи или в семье, в полной или неполной семье, в какой обстановке – благополучной или неблагополучной, состав семьи, материальное положение и состояние здоровья членов семьи), об учебе, работе, участии в общественной жизни, поведении в быту, по месту учебы или на производстве, о наличии или отсутствии дисциплинарных проступков, административных правонарушений, совершении преступлений, судимости.

К четвертой группе данных, характеризующих личность виновного, относятся сведения о характере его постпреступного поведения, как положительного, так и отрицательного. Отрицательное поведение (сокрытие следов преступления, оказание сопротивления при задержании, уклонение от следствия и суда, несоблюдение требований меры пресечения, отказ возместить причиненный ущерб и т. п.) не признается отягчающим наказанием обстоятельством, так как не связано с вмененным преступлением.

Отягчающие обстоятельства, как один из видов дифференциалов уголовных наказаний, разделяются на две группы: а) относящиеся к общественной опасности деяния; б) характеризующие личность виновного. Все указанные обстоятельства перечислены в ст.ст. 61 и 63 УК РФ.

В практике военных судов, отмечает А.В. Ищенко, кроме указанных в законе смягчающих обстоятельств, в качестве таковых при назначении наказания военнослужащим учитывались положительная характеристика виновного, его успехи в боевой подготовке, проявление в прошлом высоких морально-боевых качеств при выполнении воинского долга, успешное выполнение ответственных

заданий и т. д. Нередко суды признавали факт совершения преступления впервые смягчающим наказанием обстоятельством при отсутствии таких элементов, как небольшая тяжесть преступления и случайное стечение обстоятельств.

Например, младший сержант Б. был осужден по ч. 4 ст. 337 и по ч. 2 ст. 339 УК РФ, окончательное наказание Б. определено в виде 4 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года. В обоснование применения к Б. условного осуждения суд первой инстанции указал на наличие по делу таких исключительных обстоятельств, как крайне тяжелое семейное положение подсудимого (больны мать и бабушка, жена находится на последнем месяце беременности) и совершение им преступления впервые. Ленинградский окружной военный суд признал, что гарнизонный военный суд допустил ошибку при оценке обстоятельств, послуживших основаниями для смягчения наказания осужденному, переоценил данные о его личности и не учел в должной степени конкретных обстоятельств дела, в связи с чем назначил Б. несправедливое вследствие чрезмерной мягкости наказание.

Так, из материалов дела усматривалось, что мать осужденного является трудоспособной, работает по месту жительства заведующей Домом досуга. Данных о каком-либо ее заболевании за последние годы в материалах дела нет. Что касается бабушки, то она, как видно из имеющихся документов, дееспособна, проживает в своем доме рядом с домом матери Б., которая обязана и в состоянии, если потребуется, оказать ей необходимую помощь. Из материалов дела также усматривалось, что брак Б. был заключен уже после того, как он заявил о себе в военную прокуратуру Выборгского гарнизона.

При назначении наказания Б. суд учел, что к уголовной ответственности он привлекается впервые. Однако в соответствии со ст. 61 УК РФ это обстоятельство может быть учтено в качестве смягчающего при совершении впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств. Совершенное же Б. преступление,

предусмотренное ч. 2 ст. 339 УК РФ, относится к категории тяжких¹⁴.

Такие данные, как наличие на иждивении военнослужащего нетрудоспособных родителей, малолетних детей, наличие у них болезней, тяжелое материальное положение и другие неблагоприятные факторы, характеризующие семейное положение, не повышают и не снижают общественной опасности преступления или личности виновного. Тем не менее, они должны приниматься во внимание при назначении наказания.

Таким образом, к правовым критериям дифференциации наказаний военнослужащих относятся как общие, так и специфические, применимые только к военнослужащим, факторы. При индивидуализации наказаний используются как правовые, так и внеправовые факторы, которые применяются по усмотрению суда. Из этого следует взаимосвязь индивидуализации наказаний с категорией судебного (судейского) усмотрения, под которым понимается возможность совершения определенных действий или принятия решений, предоставление субъекту определенной свободы в выборе правомерного поведения, выбор субъектом определенной цели и способов ее достижения, возможность выражать свою волю и принимать решения независимо от других лиц¹⁵. Судебное (судейское) усмотрение в уголовном, и тем более в военно-уголовном, праве остается довольно малоисследованным феноменом. Следует отметить, что в уголовно-процессуальном праве возможность принимать решения, влияющие на уголовную ответственность, имеют не только судьи, но и следователи и прокуроры, принимающие решение о движении уголовного дела, а также органы, учреждения и должностные лица, исполняющие уголовные наказания. Например, применение положений о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), об истечении сроков давности уголовного преследования (ст.ст. 78, 83 УК РФ, ст. 24 УПК РФ), о деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ, ст. 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ), о примирении с потерпев-

шим (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ) относится как к компетенции следователя, так и к компетенции суда. Условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, отсрочка наказания применяются по решению суда. Амнистия объявляется Государственной Думой, а помилование – Президентом Российской Федерации. Все эти институты являются правом, а не обязанностью указанных органов и должностных лиц. При принятии подобных решений правоприменитель руководствуется собственным правосознанием, определяемым рядом нередко внеправовых факторов. При освобождении от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания существенное значение имеют представление и характеристика на осужденного, даваемые учреждением или органом, исполняющим наказание.

Таким образом, средства дифференциации уголовной ответственности определяют рамки усмотрения правоприменителя, а индивидуализация уголовной ответственности является реализацией этого усмотрения. Современное российское уголовное законодательство предоставляет правоприменителю широкие возможности для усмотрения. Это, помимо вышеперечисленных институтов, и альтернативные санкции статей, и относительно определенные санкции статей, и возможность назначения дополнительных наказаний. Следует учитывать, что предоставление широких полномочий правоприменителю в уголовно-правовой сфере имеет определенный коррупциогенный потенциал и при отсутствии эффективного механизма контроля нивелирует все цели, задачи и результаты военно-уголовной политики и является, таким образом, угрозой военной безопасности Российской Федерации.

Одним из путей преодоления коррупциогенности уголовно-правовой сферы правоотношений представляется детальная регламентация деятельности органов военной юстиции, ограничение их возможностей по применению уголовного законодательства. Ранее в нашей стране уже возникали подобные

¹⁴ Обзорная справка о судебной работе гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2006 год. М., 2007. С. 13 – 15.

¹⁵ См., напр.: *Корякин В.М.* Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия: моногр. М., 2009. С. 54 – 66; *Барак А.* Судейское усмотрение. М., 1999. 376 с.

проблемы. Так, по поводу Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. современниками отмечалось, что основной целью законодатель ставил положить предел произволу судей. Для этого из Уложения были изъяты все неопределенные санкции, ранее часто встречавшиеся в своде законов, а также большинство оценочных категорий. В результате Уложение получилось невероятно многостатьным, содержащим огромное число различных видов отдельных преступлений, что предопределяло трудность в его изучении, толковании и применении на практике¹⁶.

Как отмечали современники, составители Уложения придерживались положения о том, что чем менее закон давал места судейскому произволу, тем более он казался совершенным. Недоверие к судьям того времени было небезосновательно. Следуя господствовавшей тенденции административного всевластия и всемогущества, составители Уложения надеялись применить тот же принцип и к уголовному законодательству. Они стремились все предусмотреть и тем лишить судей самой возможности произвола. Результаты судебной реформы 60-х гг. XIX в., заменившей разыскной процесс состязательным и предоставившей судьям возможность свободной оценки доказательств, расширившей возможности судейского усмотрения, оценивались современниками как существенное достижение, положительно влиявшее на качество правосудия.¹⁷ Таким образом, вопрос о пределах судебного (судейского) усмотрения является довольно спорным, имеет неоднозначный исторический опыт и требует специальных исследований в этой области.

Помимо дифференциации и индивидуализации наказаний, назначаемых военнослужащим, к средствам дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности можно отнести институты освобождения от уголовной ответственности и наказания, в том числе и специально воинские основания, такие как освобождение военнослужащих от наказания в связи с болезнью, назначение ограничения по военной службе, содержания

в дисциплинарной воинской части условно, освобождение от этих же наказаний условно-досрочно¹⁸.

Таким образом, в военно-уголовном праве дифференциацию ответственности следует рассматривать также в контексте взаимосвязи воинского преступления и дисциплинарного проступка. Учитывая генетическую взаимосвязь этих институтов, а также предусмотренность до недавнего времени в уголовном законе за ряд воинских преступлений вместо уголовного наказания дисциплинарного взыскания, следует прийти к выводу о том, что дифференциация ответственности является более широким методом и направлением военно-уголовной политики, чем дифференциация уголовного наказания. Дифференциация уголовной ответственности в военно-уголовном праве может также пониматься как установление различий между воинскими составами преступлений и смежными общеуголовными.

Под индивидуализацией уголовной ответственности следует понимать процесс, происходящий при назначении наказания, выражающийся в оценке степени и характера общественной опасности совершенного преступления с использованием критериев, содержащихся в уголовно-правовых нормах Общей и Особенной частей УК РФ, а также критериев, выработанных судебной практикой.

Как метод военно-уголовной политики дифференциация и индивидуализация заключаются в выработке средств и факторов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, оценке характера и степени общественной опасности того или иного преступного деяния, а также применении вышеуказанных правовых инструментов на практике в деятельности органов военной юстиции. К содержанию дифференциации и индивидуализации относятся: определение воинского преступления и дисциплинарного проступка, категоризация воинских преступлений, система и содержание воинских наказаний, дифференциация и индивидуализация воинских наказаний, специально воинские основания освобождения от наказаний.

¹⁶ Уложение о наказаниях уголовных исправительных // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890 – 1907.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. подробнее: Лобов Я.В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 137 с.

ПРЕСТУПНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

*Р. А. Ормокоев, адъюнкт кафедры уголовного права Военного университета,
подполковник юстиции*

31 августа 1992 г. Киргизская ССР стала независимым и суверенным государством. Задача обеспечения собственной военной безопасности обусловила необходимость создания Кыргызстаном своих Вооруженных Сил.

Первым шагом в создании военной организации независимого Кыргызстана стал Указ Президента Кыргызской Республики от 13 января 1992 г. № 12, которым был учрежден Государственный комитет Республики Кыргызстан по делам обороны – государственный орган, ответственный за создание Вооруженных Сил Кыргызской Республики.

Наряду с этим, Указом Президента Кыргызской Республики «О принятии под юрисдикцию Республики Кыргызстан воинских частей и учреждений, дислоцирующихся на территории республики»¹ от 29 мая 1992 г. № УП-180 все воинские части, учреждения Вооруженных Сил бывшего СССР с личным составом, боевой техникой, вооружением, казарменно-жилищным фондом и военно-техническим имуществом, дислоцированные на территории Республики Кыргызстан, были приняты под юрисдикцию Республики Кыргызстан, за исключением военных объектов, имевших стратегическое значение для Российской Федерации. Руководство воинскими частями, учреждениями и другими воинскими формированиями, принятыми под юрисдикцию Кыргызстана, возложено на Государственный комитет Республики Кыргызстан по делам обороны. В связи с этим

день 29 мая 1992 года стал официальной датой создания Вооруженных Сил Кыргызской Республики².

В период формирования Вооруженных Сил Кыргызской Республики военно-политическому руководству Кыргызстана в срочном порядке пришлось решать организационные, экономические, технические, социальные и правовые вопросы функционирования армии, поскольку главной задачей в тот период являлось максимальное сокращение сроков ее готовности к обеспечению защиты государственного строя, суверенитета и территориальной целостности страны.

В дальнейшем перед руководством Вооруженных Сил Кыргызской Республики встала необходимость решения и других важных задач, одной из которых являлась минимизация преступности в войсках.

С учетом наличия отдельных качественных недостатков призывного контингента, в том числе слабой физической и психологической подготовленности призывников к прохождению службы в армии, общего снижения престижа военной службы в кыргызском обществе и достаточно ограниченного финансирования Вооруженных Сил Кыргызской Республики, а также ряда других обстоятельств, объективно увеличивающих криминогенность складывающейся в воинских коллективах ситуации, задача эффективного воздействия на преступность военнослужащих стоит перед руководством страны и в настоящее

¹ О принятии под юрисдикцию Республики Кыргызстан воинских частей и учреждений, дислоцирующихся на территории Республики: Указ Президента Кыргызской Республики от 29 мая 1992 г. № 180 [Электронный ресурс]. URL: http://minjust.gov.kg/?page_id=2039.

² О праздновании Дня создания Вооруженных Сил Республики Кыргызстан: постановление Правительства Республики Кыргызстан от 21 мая 1992 г. № 119 (485) // Свободные горы. 1992. 24 мая. С. 3.

время, поскольку, как справедливо было отмечено Е.А. Моргуленко, любое преступление, совершенное военнослужащим, наносит организационный и материальный вред не только военной службе, но в итоге, подрывая престиж Вооруженных Сил и криминализируя сознание других воинов, крайне отрицательно сказывается на общей боеготовности и морально-психологическом состоянии войск, что, в свою очередь, негативным образом отражается на состоянии защищенности государства в целом³.

Важность усиления борьбы с преступлениями, совершаемыми военнослужащими, подтверждается и судебной практикой, свидетельствующей о росте таких преступлений. Так, если в 1992 г. было зарегистрировано 86 преступлений, совершенных в Вооруженных Силах Кыргызской Республики, то уже в 1998 г. этот показатель составлял 296 преступлений, а в 2007 г. – 466 преступлений⁴.

Указанные криминологические показатели объективно свидетельствуют о том, что преступность военнослужащих в Кыргызской Республике с момента создания ее Вооруженных Сил выросла более чем в пять раз, что с учетом сравнительно небольшой численности личного состава военной организации Кыргызстана не может не вызывать крайней озабоченности складывающейся тенденцией развития преступности рассматриваемого вида.

При этом, следует отметить, что непрерывно меняющаяся численность военнослужащих Вооруженных Сил Кыргызской Республики не дает возможности максимально полно выявить реальные тенденции преступности в войсках и установить приближенный к объективной действительности уровень преступности кыргызских военнослужащих. Так, например, численность Вооруженных Сил Кыргызской Республики на момент их образования (1991 – 1992 гг.) составляла около 11 тыс. человек личного состава, в конце 1999 г. – около 12,5 тыс., в 2003 г. – около 10,8 тыс., а в 2011 г. около 12 тыс. человек.

Для более объективной оценки статистических данных о преступности кыргызских военнослужащих следует кратко остановиться на особенностях структуры военной организации Кыргызстана. В соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики» от 24 июля 2009 г. № 242 в состав Вооруженных Сил Кыргызской Республики начиная с 2009 года входят только соединения, воинские части и учреждения (военные учебные заведения) Министерства обороны и Пограничных Войск Государственного Комитета национальной безопасности. Наряду с Вооруженными Силами, в Кыргызстане существуют и четыре других воинских формирования: внутренние войска Министерства внутренних дел, подразделения Министерства чрезвычайных ситуаций, подразделения Государственной Службы исполнения наказаний, а также Государственный Комитет национальной безопасности (без учета подразделений Пограничных Войск). Все эти формирования поднадзорны военной прокуратуре Кыргызской Республики, а их личный состав несет ответственность за совершение как общеуголовных, так и воинских преступлений.

Если принять зарегистрированный в 2010 г. уровень преступности кыргызских военнослужащих за отправную точку, то можно констатировать, что в 2011 г. количество преступлений, совершенных военнослужащими Министерства обороны Кыргызской Республики, по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 34 %, а за первый квартал 2012 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – на 70 %. При этом, следует для сравнения указать на то, что в целом по Кыргызстану состояние «общегражданской» преступности в 2011 г. было ниже аналогичного показателя 2010 г. на 10,1 %.

Одновременно отмечают и определенные изменения структуры преступности военнослужащих Министерства обороны Кыргызской Республики. Так, в 2011 г. по сравнению с аналогичными показателями 2010 г. было зарегистрировано увеличение совершенных

³ Моргуленко Е.А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 4.

⁴ Государственная статистическая отчетность. Форма № 2. Статистическая отчетность военной прокуратуры Кыргызской Республики за период 1992 – 2007 гг.

рассматриваемой категорией военнослужащих преступлений против личности на 50 %, преступлений против общественной безопасности и общественного порядка на 50 %, «должностных преступлений» – на 72 %, преступлений против военной службы (воинских) – на 100 %.

Вместе с тем, за указанный период произошло снижение на 50 % количества совершенных военнослужащими Министерства обороны Кыргызской Республики преступлений в сфере экономики.

Если же сравнивать динамику преступности рассматриваемой категории военнослужащих в традиционных для военной криминологии показателях, то следует отметить факт увеличения в 2011 г. доли преступлений против военной службы (воинских) на 100 %, а общеуголовных – на 34,2 %.

Таким образом, опираясь на статистические показатели, приходится констатировать общую тенденцию роста преступности военнослужащих Министерства обороны Кыргызской Республики.

Одновременно с этим отмечается и определенная нестабильность криминологических показателей преступности военнослужащих рассматриваемой категории. Так, за первый квартал 2012 г. количество преступлений, совершенных указанными военнослужащими, относительного аналогичного периода прошлого года снизилось на 66 %. Однако следует иметь в виду, что подобного рода снижение, как и периодические резкие «всплески» регистрируемой части преступности, вписываются в общие закономерности ее динамики и, как правило, не влияют на общую тенденцию ее развития.

Отмеченная тенденция роста преступности кыргызских военнослужащих обусловлена совокупностью ряда обстоятельств, связанных с жизнедеятельностью Вооруженных Сил Кыргызской Республики, которые усугубляют детерминирующее воздействие общесоциальных причин преступности в стране.

Так, например, имеющаяся в настоящее время тенденция увеличения преступлений,

связанных с хищением военнослужащими государственного имущества, на наш взгляд, помимо традиционных для данного вида преступности причин (низкий уровень производства в стране, падение культуры, недостатки системы воспитания, бедность значительной части кыргызских граждан, дефекты функционирования правоохранительной и пенитенциарной системы и др.), обусловлена и наличием в Вооруженных Силах таких фактов, как отсутствие должного контроля со стороны соответствующих управлений Министерства обороны и командиров воинских частей на местах за соблюдением их подчиненными требований военного законодательства и твердой воинской дисциплины. Нередко деятельность подчиненных военнослужащих пущена на самотек, командиры воинских частей подходят к проверке деятельности материально ответственных лиц формально, факты хищений командирами частей почти не выявляются, а выявленные недостатки материальных средств не всегда оформляются надлежащим образом с последующей передачей в органы военной прокуратуры.

В качестве иллюстрации вышеуказанной ситуации можно привести следующие данные. В 2009 г. военной прокуратурой Кыргызской Республики были обнародованы сведения о преступлениях, совершенных военнослужащими в указанной сфере. В докладе старшего прокурора отдела военной прокуратуры В. Краснокуцкого отмечалось, что ущерб, причиненный государству в результате экономических преступлений, совершенных в Вооруженных Силах Кыргызской Республики, превысил 1,1 миллиона кыргызских сомов. По результатам связанных с этим прокурорских проверок военной прокуратурой было внесено 32 акта прокурорского реагирования, к дисциплинарной ответственности привлечено 25 должностных лиц и было возбуждено 7 уголовных дел. Благодаря мерам, принятым военной прокуратурой Кыргызской Республики, удалось возместить 845 786 сомов, из них 799 327 сомов были перечислены в республиканский бюджет⁵.

⁵ Краснокуцкий В. Военная прокуратура выявляет нарушения больше всего со стороны военкоматов [Электронный ресурс]. URL: <http://svodka.akipress.org/news:15401>.

Указанные обстоятельства на фоне достаточно низкого самосознания некоторой части материально ответственных лиц и их корыстного стремления обогатиться за счет государства, безусловно, являются мощнейшими факторами развития вышеотмеченной тенденции преступности военнослужащих Министерства обороны Кыргызской Республики.

Кроме того, рассматривая тенденцию роста преступности кыргызских военнослужащих, необходимо отметить и такую важную причину данного негативного процесса, как низкое качество призывного контингента, поскольку именно молодое пополнение привносит в армейскую среду значительную часть криминогенных детерминант.

О «качестве» призывной молодежи можно судить по следующим фактам. По сравнению с 2005 г. уровень преступности несовершеннолетних в 2011 г. вырос на 44 %. В 2007 г. количество преступлений, совершенных подростками, составляло 760, в 2008 г. – 892, в 2009 г. – 846. В 2010 г. уровень преступности несовершеннолетних резко вырос и составил 1 059 зарегистрированных преступлений. В 2011 г. данный показатель был на уровне 1 095 преступлений, или 4,1 % от общего числа зарегистрированных в Кыргызстане в 2011 г. преступлений⁶.

Безусловно, рост преступности несовершеннолетних, в особенности в среде призывного контингента, самым пагубным образом отражается на общем состоянии преступности в войсках, поскольку на военную службу в основном попадают призывники именно из малообеспеченных слоев кыргызского общества, где и аккумулирована основная часть

молодежи, имеющей личный криминальный опыт, низкий уровень образования и воспитания, а нередко и набор различных, в том числе психических, заболеваний.

Серьезной проблемой, напрямую влияющей на рассматриваемые тенденции преступности военнослужащих Вооруженных Сил Кыргызской Республики, является и не всегда высокий профессионализм офицерского и сержантского корпуса. Признаком здоровой государственности является функционирование социальных механизмов отбора лучших общественных сил в офицерский корпус. В настоящее время можно констатировать отсутствие в Кыргызстане аналогичных механизмов. Сложившаяся внутривойсковая обстановка в Кыргызской Республике, в особенности на фоне прошедших двух революций 2005 и 2010 гг., не только не способствует поступлению интеллектуально и физически развитых молодых людей в военно-учебные заведения, но, напротив, стимулирует уход из армии наиболее активных офицеров, которые, с одной стороны, не могут в полной мере реализовать свои профессиональные способности в войсках, а с другой – не получают должной материальной и социальной оценки своего ратного труда.

Таким образом, анализ статистических данных, характеризующих преступность военнослужащих Министерства обороны Кыргызской Республики, объективно свидетельствует о сложившейся к настоящему времени негативной тенденции роста данной преступности, «переломить» которую без разработки и реализации комплексных мер ее предупреждения и профилактики вряд ли представляется возможным.

Информация

В Кировской области бывший председатель областной военно-врачебной комиссии признан виновным во взяточничестве

Собранные следственными органами Следственного комитета РФ по Кировской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора бывшему председателю военно-врачебной комиссии военного комиссариата Кировской области 30-летнему Ш. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 290 УК РФ (получение взятки) и ч.3 ст. 30 ч.1 ст. 290 УК РФ (покушение на получение взятки).

Судом установлено, что Ш. в течение весны 2012 года неоднократно получал взятки по 5 тысяч рублей от посредников, действующих в интересах призывников, согласование установленного диагноза и заключения врачей отдела военного комиссариата Кировской области по Октябрьскому району и Первомайскому району города Кирова об ограниченной годности призывников к военной службе. Преступная деятельность Ш. была пресечена сотрудниками полиции в конце 2012 года при получении очередной взятки в размере 15 тысяч рублей за совершение аналогичных действий.

Суд назначил Ш. наказание в виде штрафа в размере 275 тысяч рублей с лишением права заниматься врачебной деятельностью, связанной с правом проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в Вооруженных силах России сроком на 3 года.

⁶ Статистические данные научно-исследовательского центра (НИЦ) МВД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knews.kg/ru/action/13978>.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАЩИЩАЕТ ИНФОРМАЦИЮ

Н.Л. Козориз, доцент кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета, кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент

В соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (далее – Закон «Об информации...») информация в зависимости от категории доступа к ней подразделяется на общедоступную информацию, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами¹ (информация ограниченного доступа). Таким образом, информация в зависимости от порядка ее предоставления или распространения подразделяется следующим образом: 1) информация, свободно распространяемая; 2) информация, предоставляемая по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях; 3) информация, которая в соответствии с федеральными законами подлежит предоставлению или распространению; 4) информация, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается. Кроме того, законодательством Российской Федерации могут быть установлены виды информации в зависимости от ее содержания или обладателя.

Все государственные информационные ресурсы Российской Федерации являются открытыми и общедоступными. Исключение составляет *документированная информация, отнесенная законом к категории ограниченного доступа*.

Документированная информация – зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель².

В соответствии с Законом «Об информации...» защите подлежат сведения ограниченного доступа, а степень защиты определяет их обладатель. Ответственность за выполнение мер по защите информации возлагается именно на обладателя информации.

Таким образом, согласно Закону «Об информации...» для того, чтобы информация могла быть отнесена к категории с ограниченным доступом, необходимо соблюдение, по крайней мере, двух условий:

1) она должна быть документированной, т. е. зафиксированной на материальном носителе;

2) должен существовать нормативный акт (закон), в соответствии с которым ограничивается доступ к ней.

Информация с ограниченным доступом, в свою очередь, подразделяется на *сведения, составляющие государственную тайну, и конфиденциальную информацию* (ст. 9 Закона «Об информации...»).

Существует мнение, что документирование не следует считать условием, обязательным для отнесения информации к категории с ог-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации; Налоговый кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1; Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ; Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ; Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 и др.

² Пункт 11 ст. 2 Закона «Об информации...».

раниченным доступом, поскольку в качестве материального носителя могут выступать и физические поля, не имеющие реквизитов³.

Ниже приведены перечень основных видов информации с ограниченным доступом и соответствующая основная нормативная база. В Министерстве обороны Российской Федерации разработан перечень сведений, подлежащих засекречиванию, учитывающий все основные категории сведений (информации), требующие ограничения доступа по признаку государственной тайны.

Следует отметить, что из всех многочисленных видов конфиденциальной информации в Законе «Об информации...» впрямую упомянуты лишь персональные данные, и в свя-

зи с ними – информация о частной жизни, информация, нарушающая личную тайну, семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Это обусловлено тесной связью сведений, относящихся к конкретному человеку, с его правом на неприкосновенность частной жизни, т. е. той особой сферы семейных, бытовых, личных и интимных отношений, которая не подлежит контролю со стороны государства.

Действующее законодательство не позволяет сделать однозначный вывод: конфиденциальность есть обязательное свойство только документированной информации, которая подлежит дальнейшей защите ее обладателем.

Категории доступа		Нормативные правовые акты
Государственная тайна		Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в редакции от 8 ноября 2011 г.); Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» от 30 ноября 1995 г. № 1203 (в редакции от 21 сентября 2011 г.)
Конфиденциальная информация (Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 6 марта 1997 г. № 188)	Профессиональная тайна	Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в редакции от 7 декабря 2011 г.). Статья 161; Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Статья 7; Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ. Статья 22; Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 г. № 1233
	Служебная информация	Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в редакции от 11 июля 2011 г.). Статья 41
	Коммерческая тайна	Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (в редакции от 11 июля 2011 г.)
	Тайна связи	Федеральный закон «О почтовой связи» от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ (в редакции от 6 декабря 2011 г.). Статья 63
	Банковская тайна	Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (в редакции от 28 апреля 2009 г., с изменениями от 3 июня 2009 г.). Статья 26
	Налоговая тайна	Налоговый кодекс Российской Федерации (в редакции от 3 декабря 2011 г.). Статьи 102, 313
	Нотариальная тайна	Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утверждены Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г., № 4462-1) (в редакции от 30 декабря 2008 г.). Статья 5
	Адвокатская тайна	Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в редакции от 23 июля 2008 г.). Статья 8
	Аудиторская тайна	Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ. Статья 9
	Врачебная тайна	Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Статья 13
	Тайна страхования	Гражданский кодекс Российской Федерации (в редакции от 30 ноября 2011 г.). Статья 946
	Тайна усыновления	Семейный кодекс Российской Федерации (в редакции от 30 ноября 2011 г.). Статья 139.
	Тайна исповеди	Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в редакции от 23 июля 2008 г.). Статья 3
Тайна завещания	Гражданский кодекс Российской Федерации (в редакции от 30 июня 2008 г.). Статья 1123	

³ Карпычев В.Ю. Основы информационной безопасности: учеб. пособие. М., 2001.

Так, ст. 2 Федерального закона «Об информации...» устанавливает, что конфиденциальность информации – обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя. Конфиденциальной информацией является документированная информация, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством, а ст. 16 того же Закона устанавливает, что «защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на... соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа».

Защите подлежит любая документированная информация, неправомерное обращение с которой может нанести ущерб ее обладателю. Однако же доступ к некоторым из перечисленных ранее видов сведений (например, тем, которые становятся известны адвокату в связи с оказанием им юридической помощи) может быть ограничен и без обязательного документирования.

Главной чертой настоящего этапа развития законодательства в области обеспечения информационной безопасности является переход к более глубокому уровню осмысления предмета правового регулирования и соответственно построению более развитой нормативной правовой базы в исследуемой области.

В Указе Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 частично упорядочен состав конфиденциальной информации. Указом утвержден перечень сведений конфиденциального характера, в котором приведены шесть видов информации:

1) сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях;

2) сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства;

3) служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной влас-

ти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (служебная тайна);

4) сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и так далее);

5) сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (коммерческая тайна);

6) сведения о сущности изобретения полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них.

Можно обратить внимание на то, что в п. 4 перечня, касающемся профессиональной тайны, словосочетание «и так далее» предоставляет возможность продолжения перечня дефиниций, связанных с профессиональной деятельностью.

Закон «Об информации...» в п. 4 ст. 8 «Право на доступ к информации» устанавливает перечень сведений, к которым *не может быть ограничен доступ*, а именно:

1) нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающие правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления;

2) информация о состоянии окружающей среды;

3) информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну);

4) информация, накапливаемая в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан (физических лиц) и организаций такой информацией;

5) иная информация, недопустимость ограничения доступа к которой установлена федеральными законами.

Таким образом, анализ действующего законодательства и ведомственных нормативных правовых актов показывает, что:

1) информацией является совокупность предназначенных для передачи формализованных знаний и сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления (Закон «Об информации...»);

2) правовой защите подлежит не только документированная информация;

3) документированная информация является объектом гражданских прав и имеет обладателя;

4) информация может быть конфиденциальной, ознакомление с которой ограничивается законодательством или ее обладателем, и общедоступной, массовой, предназначенной для неограниченного круга лиц (Закон «Об информации...»);

5) установление режима и ограничения использования информации определяются законодательством или обладателем информации, которые объявляют степень (уровень) ее конфиденциальности. Конфиденциальными в соответствии с законом являются, в частности, такие виды информации, как:

– содержащая государственную тайну (ст.ст. 275, 276, 283, 284 Уголовного кодекса Российской Федерации; Закон Российской Федерации «О государственной тайне»);

– передаваемая путем переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации; ст. 138 Уголовного кодекса Российской Федерации; ст. 63 Федерального закона «О связи»); касающаяся тайны усыновления (ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации; ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации);

– содержащая коммерческую тайну (ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации), банковскую тайну (ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации), личную тайну (ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федера-

ции), семейную тайну (ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации), являющаяся объектом авторских и смежных прав (ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации; часть 4 Гражданского кодекса Российской Федерации);

– непосредственно затрагивающая права и свободы гражданина или персональные данные (ст. 140 Уголовного кодекса Российской Федерации; Закон «Об информации...»; Федеральный закон «О персональных данных») и др.;

6) любая форма завладения и пользования конфиденциальной документированной информацией без прямо выраженного согласия ее обладателя (за исключением случаев, прямо указанных в законе) является нарушением его прав, т. е. неправомерной;

7) неправомерное использование документированной информации наказуемо.

Уголовный кодекс Российской Федерации впервые в российском законодательстве установил нормы, объявляющие общественно опасными деяниями конкретные действия в сфере компьютерной информации и устанавливающие ответственность за их совершение. К уголовно наказуемым отнесены неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273) и нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274). В ноябре 2012 г. в состав Уголовного кодекса Российской Федерации введена ст. 159⁶, определяющая ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации (т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей)⁴.

В тех случаях, когда общественно опасные действия в области информационных отношений совершаются без применения компьютерных средств, законодатель нередко отно-

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ.

сит их к другим соответствующим родовым объектам.

Так, в разделе «Преступления против личности» Уголовного кодекса Российской Федерации присутствуют: клевета или оскорбление (ст.ст. 129, 130), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140), нарушение авторских, смежных изобретательских и патентных прав (ст.ст. 146, 147), разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155). В разделе «Преступления в сфере эко-

номики» – кража, мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, умышленное уничтожение или повреждение имущества, заведомо ложная реклама, изготовление и сбыт поддельных кредитных карт, незаконный экспорт технологий, научно-технической информации (ст.ст. 158, 159, 164, 167, 182, 187, 189) и т. д.

Таким образом, информационные отношения получили и уголовно-правовую защиту, а конфиденциальная документированная информация стала новым предметом преступления.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОЛГОСРОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Е. А. Свининых, кандидат юридических наук, доцент

Анализ имеющихся данных о размещении государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) в течение последних лет показывает на расширение практики заключения долгосрочных государственных контрактов (далее – государственные контракты) по ГОЗ. Более того, с 2011 г. государственные контракты стали заключаться не только на трехлетний период, как это предусмотрено в постановлениях Правительства Российской Федерации о ГОЗ¹, но и на более длительный период (8 – 10 лет)².

Так, в 2011 г. было заключено 394 долгосрочных государственных контрактов на сумму 272,3 млрд руб., а к 2012 г. общее количество заключенных государственных контрактов должно было составить 745 на сумму 391 млрд руб.³ В целом объем долгосрочных государственных контрактов в период с 2009 г. по 2012 г. в общем объеме ГОЗ увеличился с 25 % (в 2009 г.) до 53 % (в 2012 г.)⁴. В 2013 г. планируется заключить в 1,4 раза больше долгосрочных государственных контрактов по сравнению

¹ В связи с переходом в 2008 г. Российской Федерации на трехлетний бюджетный цикл (см. Федеральный закон «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ) Правительство Российской Федерации также перешло к утверждению ГОЗ на текущий финансовый год и два плановых года.

² О состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации : доклад Экспертного совета по проблемам законодательного обеспечения развития оборонно-промышленного комплекса при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации. М., 2012. С. 6; Формирование предложений Минобороны в проект гособоронзаказа на 2012 – 2014 годы находится в завершающей стадии (интервью с А. Сухоруковым) // Национальная оборона. 2011. № 11.

³ Пресс-конференция первого заместителя Министра обороны Российской Федерации Александра Сухорукова [Электронный ресурс]. URL: http://function.mil.ru/for_media/press_conferences/detail.htm?id=10917821@morfPressConferenceNew (дата обращения: 24.06.2013).

⁴ Гаравский А. ГОЗ-2012: все по плану // Красная звезда. 2012. 20 апр. С. 3.

с 2012 г., что составляет 48 % общего объема ГОЗ⁵.

Предметом долгосрочных государственных контрактов в первую очередь является поставка сложных образцов вооружения и военной техники: стратегических ракетных комплексов, надводных кораблей и подводных лодок, зенитно-ракетных и космических комплексов и другой продукции с длительным технологическим циклом.

Заключение долгосрочных государственных контрактов позволило отказаться от практики их ежегодного перезаключения на новый финансовый год, которая имела место до внесения в 2007 г. в ст. 72 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) изменений. Указанные изменения предоставили возможность заключать государственные контракты о поставке товаров в соответствии с государственной программой вооружения (далее – ГПВ) сроком не на один год, а на срок реализации ГПВ, но в пределах средств, установленных в ГПВ на соответствующие цели. В результате, как уже отмечалось выше, по окончании каждого финансового года не требуется проводить очередные торги на право заключения государственного контракта. Кроме того, появилась возможность осуществлять бесперебойное финансирование поставщика. Таким образом, в настоящее время законодатель принял решение не использовать серии краткосрочных контрактов для закупки сложных видов вооружения и военной техники (далее – ВиВТ) в силу неоправданности подобного подхода для регулирования деятельности, предполагающей внушительные по своим размерам капиталовложения и носящей долгосрочный характер.

Кроме того, в п. 3 ст. 72 БК РФ, а также в Постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил приня-

тия решений о заключении долгосрочных государственных (муниципальных) контрактов на выполнение работ (оказание услуг) с длительным производственным циклом» от 29 декабря 2007 г. № 978 предусмотрен правовой механизм заключения государственными заказчиками долгосрочных государственных контрактов на срок и в пределах средств, предусмотренных на реализацию проектов (мероприятий) федеральных целевых программ (далее – ФЦП), утвержденных в установленном порядке. Возможность заключения государственных контрактов в отсутствие утвержденных лимитов бюджетных обязательств на соответствующий год, но в пределах объема соответствующего расходного обязательства в рамках ФЦП, также подтверждается письмом Минфина России от 26 октября 2008 г. № 02-03-0/3290⁶ и письмом Минэкономразвития России от 15 октября 2008 г. № Д05-4418⁷. В качестве справочной информации отметим, что, по словам А.П. Сухорукова, в настоящее время Минобороны России является заказчиком по 7 ФЦП: заказчиком-координатором в ФЦП «Промышленная утилизация вооружения и военной техники на 2011 – 2015 годы и на период до 2020 года» и заказчиком в ФЦП «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012 – 2020 годы» и еще в ряде ФЦП. На все 7 ФЦП размер финансирования составляет около 18 млрд руб.⁸

Положительный эффект от заключения долгосрочных государственных контрактов состоит в следующем. Во-первых, долгосрочные контракты на закупку хоть и небольших объемов продукции военного назначения (далее – ПВН) позволяют предприятиям оборонно-промышленного комплекса (далее – предприятия ОПК) планировать свою деятельность на длительную перспективу, так как система закупок ВиВТ становится более пред-

⁵ Тихонов А. Минобороны и ВПК: к единой цели // Красная звезда. 2013. 26 апр. С. 7.

⁶ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Пресс-конференция первого заместителя Министра обороны Российской Федерации Александра Сухорукова.

Заметим, что по информации, размещенной на официальном сайте федеральных целевых программ, в 2013 г. Минобороны России является государственным заказчиком по 9 ФЦП, из которых государственным заказчиком-координатором по 4 ФЦП: «Промышленная утилизация вооружения и военной техники на 2011 – 2015 годы и на период до 2020 года», «Развитие российских космодромов на 2006 – 2015 годы», «Совершенствование федеральной системы разведки и контроля воздушного пространства Российской Федерации (2007 – 2015 годы)», «Обеспечение безопасности полетов воздушных судов государственной авиации Российской Федерации в 2011 – 2015 годах» (URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Foiv/View/2013> (дата обращения: 24.06.2013).

сказуемой⁹. Во-вторых, переход на долгосрочные контракты позволяет предприятиям ОПК проводить работу по внедрению инновационных научно-технических разработок в создание новых образцов ВиВТ, оптимизировать производство, сокращая тем самым себестоимость выпускаемой продукции¹⁰. В-третьих, заключение долгосрочных контрактов расширяет возможности предприятий ОПК в получении кредитов, так как банковские организации в состоянии прогнозировать финансовые возможности своих потенциальных должников на длительную перспективу.

Отметив положительные стороны практики заключения долгосрочных государственных контрактов, необходимо указать и на возникающие у контрагентов по таким контрактам проблемы и риски.

Представляется, что поставщики (подрядчики, исполнители) по долгосрочным государственным контрактам будут испытывать определенные затруднения при обеспечении исполнения договорных обязательств. Так, согласно ч. 3 ст. 96 вступающего в силу с 1 января 2014 г. Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе) исполнение контракта может обеспечиваться либо внесением денежных средств на счет заказчика, либо предоставлением банковской гарантии по выбору участника закупки¹¹. В отношении банковской гарантии устанавливается требование о том, что срок ее действия должен превышать срок действия контракта не менее чем на один месяц. Таким образом, для соблюдения требований об обеспечении исполнения государственного контракта участнику закупки потребуется

либо внести на счет заказчика довольно внушительные по своей сумме денежные средства, либо предоставить долгосрочную банковскую гарантию, что серьезно увеличивает издержки поставщика (подрядчика, исполнителя) и в конечном счете себестоимость продукции (работы, услуги).

В этой связи представляется оправданным предоставление Федеральным законом «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (п. 2 ст. 6) государственному заказчику при размещении ГОЗ возможности при определенных обстоятельствах не устанавливать требования о внесении денежных средств в качестве обеспечения исполнения государственного контракта, причем и в тех случаях, когда установление требования такого обеспечения в силу ст. 96 Закона о контрактной системе обязательно. Напомним, что Закон о контрактной системе (ч. 10 ст. 96) допускает установление в Федеральном законе «О государственном оборонном заказе» (далее – Закон о гособоронзаказе) особенностей обеспечения исполнения контракта в сфере ГОЗ.

Заметим, что из формулировки п. 2 ст. 6 Закона о гособоронзаказе не вполне ясно, вправе ли государственный заказчик вообще не требовать от участника размещения ГОЗ предоставления какого-либо способа обеспечения исполнения государственного контракта. Ведь Закон о контрактной системе называет в качестве возможного способа обеспечения исполнения государственного контракта не только внесение денежных средств на счет заказчика, но и банковскую гарантию. Считаем, что государственный заказчик вправе не выдвигать требований об обеспечении исполнения государственного контракта, так как ч. 3 ст. 96 Закона о контрактной системе рассматривает банковскую гарантию

⁹ Состояние законодательного обеспечения разработки, испытаний и серийного производства высокоточного оружия на предприятиях российского оборонно-промышленного комплекса: доклад Экспертного совета по проблемам законодательного обеспечения развития оборонно-промышленного комплекса при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации / под общ. ред. В.Д. Кривова. М., 2013. С. 34 – 35.

¹⁰ О состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. С. 7.

¹¹ В действующем до 1 января 2014 г. Федеральном законе «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (далее – Закон № 94-ФЗ) в качестве способов обеспечения исполнения государственного контракта, заключенного по результатам торгов, называются банковская гарантия, выданная банком или иной кредитной организацией, или передача заказчику в залог денежных средств, в том числе в форме вклада (депозита) (см. ч. 4 ст. 29, ч. 4 ст. 38, ч. 19 ст. 41.12, ч. 26 ст. 65). При заключении государственных контрактов у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) или путем запроса котировок единственным способом обеспечения исполнения контракта является неустойка.

как альтернативу внесению денежных средств на счет заказчика, причем выбираемую участником закупки. Как следствие, отказ заказчика от требования об обеспечении исполнения государственного контракта путем внесения денежных средств означает автоматический отказ от обеспечения исполнения государственного контракта вообще.

Приступая к рассмотрению возникающих при заключении долгосрочных государственных контрактов рисков, укажем, что долгосрочный характер договорных отношений всегда сопряжен с труднопредсказуемыми рисками существенного изменения обстоятельств, из которых исходили стороны при заключении контракта. К таким рискам можно отнести инфляционные процессы, финансово-экономический кризис и связанные с ним затруднения в получении кредитов, разрушение сложившихся технологических цепочек из-за банкротства встроженных в кооперацию производителей отдельных комплекующих изделий, введение ограничений на импорт промышленных товаров и др.

Отсутствие механизмов адаптации условий долгосрочного государственного контракта к изменившимся обстоятельствам в ходе исполнения договорных обязательств влечет возложение всех имущественных потерь лишь на одну из сторон государственного контракта. Следует признать такой подход необоснованным в случае объективной невозможности предусмотреть при заключении контракта наступление существенного изменения обстоятельств. Поэтому важной задачей является «восполнение пробелов в договорах в связи с тем, что стороны не предвидели последующего наступления определенных изменившихся обстоятельств или, если предвидели, не урегулировали их должным образом»¹².

Определим предусмотренные гражданским законодательством последствия наступления негативных для сторон государственного контракта на поставку ВиВТ обстоятельств, которые они не могли предусмотреть при его заключении.

Во-первых, согласно ст.ст. 416 и 417 Гражданского кодекса Российской Федерации (да-

лее – ГК РФ) обстоятельства, независящие от сторон договора, могут явиться основанием для прекращения обязательств.

Во-вторых, в ст. 451 ГК РФ предусмотрена возможность изменения или расторжения договора в судебном порядке при существенном изменении обстоятельств, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Заметим, однако, что закрепленная в ст. 451 ГК РФ модель адаптации договорных условий к изменению обстоятельств преимущественно ориентирована на расторжение договора. Изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается по решению суда лишь в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях (п. 4 ст. 451 ГК РФ). В свою очередь, расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств обставлено такими условиями, что вероятность вынесения положительного судебного решения по иску о расторжении договора очень невысока. Таким образом, отечественное законодательство ограничивает возможности трехсторонней адаптации условий государственного контракта к изменившимся условиям, при которой стороны контракта обращаются в суд с целью разрешить возникшее между ними противоречие.

Перед тем как перейти к анализу иных вариантов адаптации государственного контракта к изменившимся условиям, обратим внимание на справедливое замечание А.Г. Дудко. Он считает, что в долгосрочном договоре по сравнению с краткосрочным договором основной мотивацией контрагентов в условиях изменения обстоятельств является его сохранение в измененном виде – адаптация к изменившимся обстоятельствам, продолжение сотрудничества для реализации преимуществ долговременных отношений, а не расторжение, которое может повлечь значительные имущественные потери сторон. В этой связи следует согласиться с позицией А.Г. Дудко о неоправданности подхода за-

¹² Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. М., 2000. С. 283.

конодателя, при котором судебное изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств (п. 4 ст. 451 ГК РФ) носит исключительный характер. Эффективность долгосрочного договора, прежде всего, определяется эффективностью его адаптации к изменению обстоятельств¹³.

В конечном итоге при существенном изменении обстоятельств стороны государственного контракта на поставку ВиВТ заинтересованы в восстановлении баланса интересов всех участников договорных отношений, распределении рисков изменения обстоятельств и имущественных последствий. Расторжение государственного контракта не выгодно как для государственного заказчика ГОЗ, так и для поставщика ВиВТ. Если государственный заказчик ГОЗ не заинтересован в расторжении контракта по причине крайне узкого круга производителей интересующей его продукции, то поставщик ВиВТ – в силу того, что государство, как правило, является единственным покупателем ПВН и при расторжении контракта производственные мощности предприятия будут простаивать.

Сохранению договорных связей в условиях существенного изменения обстоятельств может способствовать разработка гибких стандартов, способов и процедур адаптации долгосрочного контракта к изменению обстоятельств¹⁴. Чрезмерно детализированные негибкие требования заказчика, напротив, могут негативно отразиться на исполнении контракта.

Как пример укажем на критикуемое производителями продукции военного назначения правило, закрепленное в ч. 4.1 ст. 9 Закона № 94-ФЗ, согласно которому цена государственного контракта является твердой и не может изменяться в ходе его исполнения. Данное правило явно ориентировано на краткосрочные контракты, так как не позволяет учитывать ни инфляционные процессы в государственной экономике, ни необходимость проведения дополнительных работ при создании продукции. Даже если цена контракта определяется с помощью метода индексиро-

вания (расчет цены производится с учетом определенных Минэкономразвития России индексов-дефляторов. – *Прим. авт.*), то, как показала практика, заложенные в бюджет дефляторы оказываются меньше, чем реальный рост инфляции и рост стоимости материалов и комплектующих к конечной продукции¹⁵. В результате этого при заключении долгосрочных контрактов систематически возникают проблемы согласования с производителями ПВН условия о цене приобретаемых изделий.

В целях изменения установленного Законом № 94-ФЗ порядка определения цены контракта в ст. 11 Закона о гособоронзаказе было закреплено, что при заключении контракта в случае размещения ГОЗ у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) допустимо применение не только фиксированной, но и ориентировочной (уточняемой) цены либо цены, возмещающей издержки. Полномочие по установлению условий и порядка применения видов цен на продукции по ГОЗ предоставлено Правительству Российской Федерации. При этом, необходимо учитывать положения ч. 2 ст. 34 Закона о контрактной системе, согласно которым Правительство Российской Федерации вправе устанавливать случаи, при которых допустимо указание в государственном контракте не твердой цены, а ориентировочного значения цены контракта либо формулы цены и максимального значения цены контракта, установленных заказчиком в документации о закупке.

Помимо возможности односторонней (автоматической) адаптации цены государственного контракта к изменившимся обстоятельствам, когда ее изменение происходит «автоматически» в соответствии с согласованной в контракте формулой, в Законе о гособоронзаказе предусмотрена возможность двусторонней адаптации контрактной цены в ходе переговоров сторон. В частности, в случае, если срок поставки продукции по ГОЗ составляет не менее трех лет и цена на поставляемую продукцию изменилась, то головной

¹³ Дудко А.Г. Правовая адаптация долгосрочных договоров к изменившимся обстоятельствам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 4.

исполнитель в целях изменения цены государственного контракта предоставляет по запросу государственного заказчика необходимые информацию и обоснования (п. 7 ст. 7 Закона о гособоронзаказе). При изменении цены контракта в сторону увеличения головной исполнитель разрабатывает также перечень мер, направленных на сокращение издержек (подп. 9 п. 1 ст. 8 Закона о гособоронзаказе). В случае одобрения позиции головного исполнителя Правительство Российской Федерации при утверждении ГОЗ на очередной год и плановый период или при уточнении ГОЗ на текущий год принимает решение об изменении цены контракта (п. 5 ст. 6 Закона о гособоронзаказе). К сожалению, Закон о гособоронзаказе не определяет методику изменения цены государственного контракта, что позволяет сделать вывод о возможности относительно произвольного определения новой цены. Считаем, что если изменение цены на поставляемую продукцию произошло вследствие инфляционных процессов, то целесообразно учесть ранее выдвигаемые предложения профессионального сообщества: предусмотреть индексацию цен с учетом изменения в соответствии с действующим законодательством регулируемых государством цен (тарифов) на товары, работы (услуги) субъектов естественных монополий, а также с учетом официального уровня инфляции¹⁶.

В целях устранения проблем, вызываемых неконтролируемым ростом цен на закупаемые головным исполнителем сырье, материалы и комплектующие изделия, в подп. 1 п. 2 ст. 12 Закона о гособоронзаказе закреплена норма, согласно которой государственному заказчику для обеспечения выполнения государственного оборонного заказа предоставлено право предусматривать в долгосрочном государственном контракте в соответствии с ГПВ и долгосрочными целевыми программами опережающую закупку головным исполнителем сырья, материалов и комплектующих изделий в объеме, необходимом для обеспечения исполне-

ния этого контракта. Однако исполнение указанного требования заказчика предполагает наличие у головного исполнителя необходимого количества денежных средств. Если же свободных денежных средств в наличии нет, то потребуются осуществить авансирование головного исполнителя в требуемом размере либо у головного исполнителя должна быть возможность получить долгосрочный кредит на приемлемых условиях. Наличие указанных условий позволяет утверждать, что при ухудшении экономической ситуации в стране положения подп. 1 п. 2 ст. 12 Закона о гособоронзаказе обесмысливаются.

Обратим отдельное внимание на имеющие место на практике случаи необоснованного одностороннего изменения государственным заказчиком существенных условий государственных контрактов после утверждения ГОЗ Правительством Российской Федерации¹⁷. Например, проверки снабжения Морских сил общего назначения показали, что по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам иногда в течение года вносятся по 300 и более дополнений и изменений¹⁸. При всей очевидности произвола со стороны государственного заказчика следует констатировать, что Закон о гособоронзаказе обходит данную проблему стороной. В свою очередь, Закон о контрактной системе (подп. «б» п. 1 ч. 1 ст. 95) предоставляет государственному заказчику возможность изменять предмет государственного контракта лишь путем увеличения или уменьшения на 10 % количества закупаемого товара, объема выполняемой работы или оказываемой услуги. Из этого можно сделать вывод, что если возможность изменения условий контракта не была предусмотрена документацией о закупке и контрактом (подп. «а» п. 1 ч. 1 ст. 95 Закона о контрактной системе)¹⁹, то одностороннее изменение государственным заказчиком требований к качеству товара (работы, услуги), например, в части уточнения тактико-технических характеристик закупаемых ВиВТ, недопустимо.

¹⁶ О состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. С. 39.

¹⁷ О состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. С. 31.

¹⁸ Совершенствование законодательного обеспечения формирования и реализации государственного оборонного заказа: сб. материалов // Аналитический вестн. Совета Федерации. 2012. № 17. С. 39.

¹⁹ В государственном контракте, заключаемом с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), такая возможность исключена (п. 1 ч. 1 ст. 95 Закона о контрактной системе).

Во избежание конфликтов между государственным заказчиком и его контрагентом при одностороннем изменении условия о предмете контракта, на наш взгляд, следует предусматривать в контракте возможность проведения его сторонами переговоров по адаптации контракта к изменившимся обстоятельствам. Кроме того, необходимо определить порядок возмещения убытков за нарушение переговоров для создания максимальных возможностей сторонам государственного контракта достичь самостоятельной адаптации.

Проблема изменения предмета государственного контракта на поставку ВиВТ не нова и характерна для других стран. Экономисты отмечают, что, например, в США государственные заказчики первоначально придерживались практики установления чрезмерно детализированных требований, основанных на максимально эффективных по тем временам технологиях. Однако примерно в 1990 г. заказчики стали задавать требования к предмету поставки лишь в общем виде, что не всегда давало положительный результат. Поэтому специалисты стали предлагать более строго подходить к определению потребностей заказчиков, а при возникновении проблем использовать гибкие механизмы согласования технических характеристик систем ВиВТ с возрастающими затратами²⁰. При этом, рекомендуется обеспечивать возможность проведения сторонами государственного контракта переговоров по его адаптации на возможно более раннем этапе исполнения контракта, так как опыт США показывает, что заказчики нередко выдвигают новые, повышенные, требования к тактико-техническим характеристикам создаваемых систем ВиВТ в середине цикла их разработки²¹.

Затрагивая тему долгосрочных контрактов, нельзя обойти вниманием анонсирование руководством Минобороны России в феврале 2013 г. перехода на контракты полного жизненного цикла (сквозные контрак-

ты) на все виды ВиВТ. При этом, жизненный цикл охватывает период начиная с проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и заканчивая эксплуатацией и утилизацией созданных ВиВТ. В первую очередь речь шла о контрактах на самолеты, вертолеты, авто- и бронетехнику²².

В качестве аргументов в пользу перехода на контракты полного жизненного цикла указывается на следующее:

1) снятие с подразделений Минобороны России задач по осуществлению среднего и капитального ремонта ВиВТ, так как ведомственная система обучения не успевает за прогрессом науки и техники и развитием технической мысли на предприятиях-изготовителях²³;

2) устранение большого количества посредников, которые, получив заказ на ремонт ВиВТ, в дальнейшем занимались лишь его распределением среди своих субподрядчиков при минимальном их финансировании;

3) обеспечение предприятий ОПК занятостью и получение ими возможности планировать загрузку производственных мощностей на период эксплуатации выпущенной и поставленной военному заказчику продукции.

Определение контрактов жизненного цикла (далее – КЖЦ) закреплено в ч. 16 ст. 34 Закона о контрактной системе. Под КЖЦ понимается контракт, предусматривающий закупку товара или работы, последующие обслуживание, эксплуатацию в течение срока службы, ремонт, утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта. Как видим, КЖЦ представляет собой смешанный договор (п. 3 ст. 421 ГК РФ), сочетающий в себе элементы договоров поставки, подряда и возмездного оказания услуг.

Согласно ч. 16 ст. 34 Закона о контрактной системе КЖЦ заключается в случаях, предусмотренных Правительством Российской Федерации. При заключении КЖЦ для

²⁰ Федорович В.А., Муравник В.Б., Бочкарев О.И. США: военная экономика (организация и управление) / под общ. ред. П.С. Золотарева, Е.А. Роговского. М., 2013. С. 225.

²¹ Там же. С. 226.

²² Контракты на полный жизненный цикл // Военно-промышленный курьер. 2013. № 12 (480). С. 1; Контракты жизненного цикла // Там же. № 13 (481). С. 8.

²³ Данный аргумент на фоне предполагаемой в ближайшее время передаче активов ОАО «Авиаремонт», входящего в холдинг с ОАО «Оборонсервис» во главе, на баланс ОАК вызывает у ряда специалистов обоснованные возражения (Старое развалено, новое не создано (интервью с А. Ситновым) // Военно-промышленный курьер. 2013. № 19 (487). С. 5).

оценки заявок участников закупки заказчик в документации о закупке вместо таких критериев, как цена контракта и расходы на эксплуатацию и ремонт товаров, использование результатов работ, вправе устанавливать в качестве критерия стоимость жизненного цикла товара или созданного в результате выполнения работы объекта. Критерий стоимости жизненного цикла товара или созданного в результате выполнения работы объекта включает в себя расходы на закупку товара или выполнение работы, последующие обслуживание, эксплуатацию в течение срока их службы, ремонт, утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта (ч. 3 ст. 32 Закона о контрактной системе). Расчет стоимости жизненного цикла товара или созданного в результате выполнения работы объекта производится с учетом методи-

ческих рекомендаций, установленных федеральным органом исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок.

В заключение отметим, что заключение КЖЦ порождает риски, характерные для любого долгосрочного государственного контракта. Так, из-за длительного срока реализации КЖЦ поставщики (подрядчики, исполнители) подвержены инфляционным рискам. Кроме того, если государственный заказчик заключил несколько крупных КЖЦ, то при ухудшении экономической ситуации многократно возрастают риски невыполнения им принятых на себя денежных обязательств. Подходы к распределению договорных рисков между сторонами КЖЦ во многом аналогичны тем, которые были изложены выше применительно к долгосрочным государственным контрактам.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ											
	АБОНЕМЕНТ на газету журнал										79205	
	«Право в Вооруженных Силах - КОНСУЛЬТАНТ»										индекс и здания	
	(наименование издания)										Количество комплектов	
	на 2014 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	x	x	x	x	x	x						
	Куда											
	(почтовый индекс)				(адрес)							
	Кому											
(фамилия, инициалы)												

										ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		
ПВ место литер			на газету журнал									
			79205									
«Право в Вооруженных Силах - КОНСУЛЬТАНТ»										индекс и здания		
(наименование издания)												
Стоимость	подписки		___ руб. ___ коп.		Кол-во комплектов							
	переподписки		___ руб. ___ коп.									
на 2014 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
x	x	x	x	x	x							
Куда												
(почтовый индекс)				(адрес)								
Кому												
(фамилия, инициалы)												

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Щукин А.В. Российское военное законодательство на современном этапе

Рассмотрены материалы научно-практической конференции по теме: «Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы)», которую 16 мая с.г. провели Комитет Государственной Думы по обороне и Военный университет Минобороны России.

Ключевые слова: военное законодательство, развитие, анализ, конференция.

The Russian military law at the present stage

Shchukin AV, Deputy head of the State Duma Committee on Defense, Justice Colonel stock, pvs1997@mail.ru

Examined the materials science and practical conference on the theme: “Development of the Russian military law at the present stage (results, problems, perspectives)”, which on May 16 held a State Duma Committee on Defense and the Military University of the Defense Ministry of Russia.

Key words: military justice, development, analysis, conference.

Корякин В.М. Коррупциогенные факторы закона о контрактной системе

Проведен антикоррупционный анализ закона о контрактной системе в целях, чтобы правоприменители могли заблаговременно предвидеть те возможные коррупционные риски, которые могут возникнуть при его реализации.

Ключевые слова: Закон о контрактной системе, антикоррупционный анализ.

Corruption-factors of the law on the contract system VM Korjakin, LL.D., pvs1997@mail.ru

Analysis carried out an anti-corruption law on the contract system in order to advance enforcers could foresee those possible corruption risks that may arise during its implementation.

Key words: Law on the contract system, the analysis of anti-corruption.

Завальнюк А.В. К вопросу о возмещении гражданами средств федерального бюджета, затраченных на их военную (специальную) подготовку в образовательных учреждениях ФСБ России

Проведен анализ законодательства, предусматривающего включение в контракт о прохождении военной службы условия об обязанности гражданина возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную или специальную подготовку в случае отчисления из военного образовательного учреждения или увольнения с военной службы ранее установленного контрактом срока.

Ключевые слова: военнослужащий, расторжение контракта, возмещение средств на обучение.

On the question of compensation for the citizens of the federal budget spent on their military (special) training in educational institutions of the Russian FSB AV Zavalniuk, associate Russian FSB Border Guard Academy, pvs1997@mail.ru

The analysis of the legislation providing for the inclusion in the contract for military service conditions of the obligations of a citizen to reimburse the federal budget is spent on its military or special training in the event of transfers of military educational institution, or discharge from military service before the contractual deadline.

Key words: soldier, termination of the contract, the reimbursement of funds for education.

Свининых Е.А. Правовое регулирование деятельности военных представительств по контролю качества военной продукции, поставляемой по государственному оборонному заказу

В статье рассматриваются правовые основы деятельности военных представительств по контролю качества военной продукции, поставляемой по государственному оборонному заказу. Автор делает предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Ключевые слова: контроль качества; продукция военного назначения; военные представительства; государственный оборонный заказ

Legal regulation of activity of defense customer's inspectors on quality control of products of military purpose

Svininyh E.A., candidate of legal sciences, associate professor of the department of civil law, pvs1997@mail.ru

The article describes legal foundations of activity of defense customer's inspectors on quality control of products of military purpose in the defense procurement and acquisition sphere. The author suggests some measures on perfection of the modern legislation.

Key words: quality control; products of military purpose; defense customer's representation office; defense procurement and acquisition

Ефремов А.В. О некоторых вопросах, связанных с предоставлением мер социальной поддержки родителям погибших (умерших) военнослужащих

В статье рассмотрен вопрос о возможности признания родителей погибшего (умершего) военнослужащего членами его семьи, и распространение на них полного пакета социальных гарантий на федеральном уровне, который обуславливает проблемы правоприменительной практики.

Ключевые слова: погибший, умерший, призыв, начало военной службы, статус, гарантии, родители

ли, член семьи, военнослужащий, пенсия по случаю потери кормильца, студент, академический отпуск.

On some issues related to the provision of social support to parents dead soldiers

Efremov A.V., head of the legal branch of the military commissariat of the Republic of Chuvashia, pvs1997@mail.ru

The article considers the possibility of recognition of parents died (deceased) member of his family, and subjecting them to a full package of social protection at the federal level, which leads to problems in law enforcement.

Key words: the deceased, the deceased, call, military service status, guarantees, parents, family member, soldier, survivor's pension, student, academic leave.

Воробьев Е.Г. О связи служебного и постоянного жилищного обеспечения военнослужащих

Рассмотрены актуальные проблемы жилищного обеспечения военнослужащих, имеющих неопределенность в правовом регулировании и правоприменительной практики.

Ключевые слова: военнослужащий, жилищное обеспечение, проблемы.

On the relationship between official and permanent housing for military personnel

Vorobiev EG., PhD, Associate Professor, Colonel of Justice, pvs1997@mail.ru

The actual problems of housing for military personnel with the uncertainty in the legal regulation and law enforcement.

Key words: military, housing, problems.

Трофимов Е.Н. О некоторых вопросах обеспечения жилыми помещениями членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы в связи с исполнением обязанностей военной службы

В статье приводится правовое обоснование права на получение жилого помещения из фондов Министерства обороны Российской Федерации членов семей погибших (умерших) в период прохождения военной службы военнослужащих.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, обеспечение жильем, исполнение обязанностей военной службы, ветеран боевых действий, нуждаемость в жилом помещении.

On some questions of the living space of family members of soldiers killed (died) during his military service in connection with the performance of military duties

E.N.Trofimov, the lawyer, the lieutenant colonel of justice in a stock, pvs1997@mail.ru

In article the legal substantiation of the right to reception of premises from funds of the Ministry of Defence of the Russian Federation of members of

families of victims (died) in passage of military service of military men is resulted.

Key words: Military service, the military man, maintenance with habitation, discharge of duties of military service, the veteran of operations, needs in premises.

Ковтков Д.И. О выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, и членам их семей: вопросы практики.

В статье рассматриваются вопросы реализации права участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и членов их семей на денежные средства, дополняющие накопления для жилищного обеспечения, возникающие при реализации указанного право на практике.

Ключевые слова: военнослужащий, жилищное обеспечение участников накопительно-ипотечной системы, члены семьи военнослужащего, накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих.

Disbursement of funds to supplement savings for housing for military personnel who participated in the savings and mortgage system, and members of their families: practice questions.

Kovtkov Dmitry Ivanovich, consultant of the division of the Legal Department of the Ministry of defence of the Russian Federation, pvs1997@mail.ru

The article deals with the implementation of the rights of participants in the savings and mortgage system of housing for military personnel and their families on cash to supplement savings for housing arising from the realization of this right in practice.

Key words: serviceman, housing providing participants of accumulative and mortgage system, family members of serviceman, cumulative mortgage system of housing provision for military personnel.

Ефремов А.В. О вопросах, возникающих при расторжении трудового договора по инициативе работника (по собственному желанию)

В статье автор остановился на правовых вопросах, связанных с одним из самых распространенных на сегодняшний день оснований расторжения трудового договора – по инициативе работника (по собственному желанию).

Ключевые слова: гражданский персонал, трудовой договор, расторжение по собственному желанию.

On issues arising from the termination of the employment contract by the employee (by choice)

The article focused on the legal issues associated with one of the most common reasons to date of termination

of the employment contract - on the initiative of the employee (by choice).

Key words: civilian, contract of employment, termination at will.

Белый И.Ю. «Преступление агрессии» и условия осуществления юрисдикции Международного уголовного суда в отношении этих преступлений

Рассмотрены проблемные вопросы о том, имел ли место акт агрессии, заключение по которому в соответствии со своими полномочиями должен вынести Совет Безопасности.

Ключевые слова: преступление агрессии, международный суд, Совет безопасности ООН.

“The crime of aggression” and conditions for the exercise of jurisdiction of the International Criminal Court for these crimes

IY Belyi, JD, Associate Professor, Professor of International and Constitutional Law MSLU, pvs1997@mail.ru

Problem questions about whether there was an act of aggression, the conclusion to which, in accordance with its mandate, the Security Council must rule.

Key words: the crime of aggression, the international court, the UN Security Council.

Ермолович Я.Н. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности военнослужащих и военно-уголовная политика

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности являются основным направлением военно-уголовной политики и одним из ее основных методов.

Ключевые слова: военнослужащий, уголовная ответственность, дифференциация, индивидуализация.

Differentiation and individualization of criminal responsibility of the military and military-criminal policy

YN Ermolovich, PhD, pvs1997@mail.ru

Differentiation and individualization of criminal responsibility are the main focus of military criminal policy and one of its main techniques.

Key words: military, criminal liability, differentiation, individualisation.

Ормокоев Р.А. Преступность военнослужащих Министерства обороны Кыргызской Республики: криминологические показатели и современные тенденции

Рассмотрены актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми военнослужащими Кыргызской Республики, а также судебно-следст-

венной практики, свидетельствующей, по мнению автора, о росте таких преступлений.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, военнослужащие, преступность.

Crime Defence Ministry of the Kyrgyz Republic: criminological performance and current trends

RA Ormokojev, Associate Professor of Criminal Law of the Military University, Colonel of Justice, pvs1997@mail.ru

Pressing questions deal with crimes committed by military personnel of the Kyrgyz Republic, as well as the judicial and investigative practice, indicating the author's opinion, the growth of such crimes.

Key words: Kyrgyz Republic, the military, crime.

Козориз Н.Л. Законодательство защищает информацию

Проведен анализ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ применительно к военной сфере.

Ключевые слова: оборона, информация, защита.

The law protects the information

NL Kozoriz, assistant professor of military administration, administrative and financial rights of the Military University, PhD, Associate Professor, pvs1997@mail.ru

The analysis of the Federal Law “On Information, Information Technologies and Protection of Information” on July 27, 2006 № 149-FZ, in relation to the military sphere.

Key words: defense, information, protection.

Свининых Е.А. Государственный контракт как средство регулирования долгосрочных отношений в сфере государственного оборонного заказа

Проведен анализ имеющихся данных о размещении государственного оборонного заказа, который показывает, что в течение последних лет расширяется практика заключения долгосрочных государственных контрактов по государственному оборонному заказу.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, долгосрочные контракты.

State contract as a means of regulation of long-term relations in the sphere of state defense order

EA Svininyh, PhD, associate professor, pvs1997@mail.ru

The analysis of available data on the placement of the state defense order, which shows that in recent years, expanding the practice of long-term government contracts under the state defense order.

Key words: state defense order, long-term contracts.

НОВОЕ ВОЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе»

В соответствии со статьей 61 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемые:

Положение о военно-врачебной экспертизе; изменения, которые вносятся в постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 574 “Об утверждении Положения о независимой военно-врачебной экспертизе и о внесении изменений в Положение о военно-врачебной экспертизе” (Собрание законодательства Российской Федерации, 2008, № 31, ст. 3744).

2. Предоставить Министерству обороны Российской Федерации по согласованию с Министерством здравоохранения Российской Федерации право давать разъяснения по вопросам применения Положения, утвержденного настоящим постановлением.

3. Федеральным органам исполнительной власти привести свои нормативные правовые акты в соответствие с настоящим постановлением.

4. Признать утратившими силу акты Правительства Российской Федерации по перечню согласно приложению.

5. Настоящее постановление вступает в силу с 1 января 2014 г.

Председатель Правительства
Российской Федерации
Д. Медведев

Утверждено
постановлением Правительства
Российской Федерации
от 4 июля 2013 г. № 565

Положение о военно-врачебной экспертизе

I. Общие положения

1. Военно-врачебная экспертиза проводится в мирное и военное время в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее - Вооруженные Силы), во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее - другие войска), инженерно-технических и дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти и спасательных воинских формированиях Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее - воинские формирования), Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации (далее - органы), в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, органах внутренних дел Российской Федерации, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах Российской Федерации (далее - учреждения) в целях определения годности к военной службе, годности к службе, приравненной к военной службе (далее - приравненная служба), обучению (военной службе) по конкретным военно-учетным специальностям, обучению (службе) по специальностям в соответствии с занимаемой должностью, установления причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний у военнослужащих и приравненных к ним лиц, граждан, призванных на военные сборы, граждан, уволенных с военной службы, приравненной службы и военных сборов, с прохождением ими военной и приравненной службы (далее - причинная связь увечий, заболеваний), ре-

шения других вопросов, предусмотренных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами Министерства обороны Российской Федерации, других федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба).

2. Для проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях, органах и учреждениях создаются военно-врачебные комиссии.

В отдельных случаях военно-врачебные комиссии могут создаваться в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, в которых проводятся медицинское обследование (далее - обследование) и лечение военнослужащих.

3. На военно-врачебную комиссию возлагаются:

а) проведение освидетельствования:

граждан, поступающих на военную службу по контракту;

граждан, поступающих на приравненную службу;

военнослужащих;

сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органах Российской Федерации (далее - сотрудники);

граждан, поступающих в военные образовательные организации высшего образования (далее - военно-учебные заведения);

граждан, поступающих в федеральные государственные образовательные организации, находящиеся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена приравненная служба (далее - учебные заведения);

граждан, изъявивших желание в процессе обучения по основной образовательной программе пройти и проходящих военную подготовку в учебных военных центрах, на военных кафедрах (факультетах военного обучения) при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования (далее - образовательные организации), граждан, прошедших военную подготовку в учебных военных центрах, на военных

кафедрах (факультетах военного обучения) и оканчивающих образовательную организацию;

граждан, прошедших военную службу;

граждан, не проходивших военную службу и пребывающих в запасе;

граждан, прошедших приравненную службу;

граждан, призываемых на военные сборы;

граждан, проходящих военные сборы;

граждан, проходивших военные сборы;

членов семей военнослужащих (кроме военнослужащих, проходящих военную службу по призыву);

членов семей сотрудников;

граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу;

федеральных государственных гражданских служащих;

граждан из числа гражданского персонала и членов семей указанных граждан, направляемых для работы в иностранные государства;

б) методическое руководство военно-врачебной экспертизой и контроль в части, касающейся военно-врачебной экспертизы, за организацией, проведением и результатами обследований, лечебно-диагностических мероприятий в медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и учреждениях (организациях) Министерства обороны Российской Федерации, других федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба) (далее - военно-медицинские организации), в соединениях, воинских частях и организациях Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований, органов и учреждений, в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, в которых проводятся обследование, лечение и освидетельствование военнослужащих;

в) контроль за проведением обследования, лечения и освидетельствования граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу;

г) определение причинной связи увечий, заболеваний у военнослужащих, сотрудников, граждан, проходящих военные сборы, граждан, проходивших военную службу (приравненную службу), граждан, проходивших военные сборы, а также увечий, заболеваний, приведших к смерти военнослужащих, сотрудников, граждан, проходящих военные сборы, в том числе приведших к смерти лиц, застрахованных по обязательному государственному страхованию в соответствии с законодательством Российской Федерации;

д) определение категории годности граждан к военной службе (приравненной службе) по состоянию здоровья на момент их увольнения с военной службы (приравненной службы);

е) участие в научных исследованиях проблем военно-врачебной экспертизы;

ж) подготовка врачей-специалистов по вопросам организации и проведения военно-врачебной экспертизы;

з) организация и проведение контрольного обследования и повторного освидетельствования (в том числе по результатам независимой военно-врачебной экспертизы).

4. Военно-врачебная экспертиза предусматривает проведение обследования и освидетельствования.

При обследовании проводится комплекс диагностических мероприятий, осуществляемых посредством сбора и анализа жалоб гражданина, данных его анамнеза и осмотра, проведения лабораторных, инструментальных, морфологических и иных исследований, предшествующих освидетельствованию в целях, указанных в пункте 1 настоящего Положения.

При освидетельствовании проводятся изучение и оценка состояния здоровья и физического развития граждан на момент проведения экспертизы в целях определения их годности к военной службе (приравненной службе), обучению (военной службе) по конкретным военно-учетным специальностям, обучению (службе) по специальностям в соответствии с занимаемой должностью, решения других вопросов, предусмотренных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, настоящим Положением, нормативными правовыми актами Министерства обороны Российской Федерации, других федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба), с учетом результатов ранее проведенного обследования и с вынесением письменного заключения.

Освидетельствование военнослужащих, граждан, проходящих военные сборы, и сотрудников, получивших в период прохождения военной службы (приравненной службы) и военных сборов увечье, заболевание, проводится для определения категории годности к военной службе (приравненной службе) при определившемся врачебно-экспертном исходе.

Под определившимся врачебно-экспертным исходом понимается такое состояние здоровья, когда результаты обследования и лечения дают

основание военно-врачебной комиссии вынести заключение о категории годности к военной службе (приравненной службе) и когда дальнейшее лечение не приведет к изменению категории годности к военной службе (приравненной службе).

Заочное (по документам) освидетельствование запрещается, если иное не определено законодательством Российской Федерации и настоящим Положением.

5. Заключение военно-врачебной комиссии выносится открытым голосованием простым большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии.

6. Годность к военной службе граждан при первоначальной постановке на воинский учет, при призыве на военную службу, граждан, призываемых на военные сборы, граждан, проходящих военные сборы, граждан, поступающих на военную службу по контракту, граждан, поступающих в военно-учебные заведения, военнослужащих и лиц, пребывающих в запасе Вооруженных Сил, определяется в соответствии с требованиями к состоянию здоровья согласно приложению.

7. В целях обеспечения реализации права военнослужащих, лиц, прошедших военную службу, и сотрудников, а также членов их семей на проезд на безвозмездной основе военно-врачебная комиссия выносит заключение:

а) о необходимости лечения члена семьи сотрудника, военнослужащего, проходящего военную службу по контракту;

б) о необходимости лечения в стационарных условиях офицера, уволенного с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которого в льготном исчислении составляет 20 лет и более, а при общей продолжительности военной службы 25 лет и более - независимо от основания увольнения;

в) о необходимости сопровождения (с указанием количества сопровождающих лиц):

военнослужащего, следующего на лечение в медицинскую организацию (санаторно-курортную организацию), в отпуск по болезни или к избранному месту жительства при увольнении с военной службы;

членов семьи военнослужащего - гражданина Российской Федерации, проходящего военную службу по контракту, сотрудника, следующих на лечение в медицинскую организацию (санаторно-курортную организацию);

г) о необходимости проезда освидетельствованного гражданина и сопровождающих его лиц воздушным, железнодорожным, водным или автомобильным (за исключением такси) транспортом в зависимости от состояния его здоровья, потребности в медицинской помощи и постороннем уходе;

д) о необходимости проезда освидетельствованного гражданина, требующего изоляции, и сопровождающих его лиц в отдельном 4-местном купе купейного вагона скорого или пассажирского поезда, в каютах III категории или на местах II категории транспортных линий;

е) о необходимости лечения либо медицинского освидетельствования сотрудников.

8. Гражданин может обжаловать вынесенное военно-врачебной комиссией в отношении его заключение в вышестоящую военно-врачебную комиссию или в суд.

По решению вышестоящей военно-врачебной комиссии гражданин может быть направлен на контрольное обследование и повторное освидетельствование.

Заключение военно-врачебной комиссии о категории годности к военной службе (приравненной службе), о годности к обучению (военной службе) по конкретной военно-учетной специальности, обучению (службе) по специальности в соответствии с занимаемой должностью действительно в течение года с даты освидетельствования, если иное не определено в этом заключении. Повторное либо очередное заключение военно-врачебной комиссии отменяет предыдущее (за исключением заключения военно-врачебной комиссии о временной негодности к военной службе (приравненной службе) и причинной связи увечий, заболеваний).

Контрольное обследование и повторное освидетельствование гражданина ранее установленного срока могут проводиться по его заявлению (заявлению его законного представителя) или по решению военно-врачебной комиссии, если в состоянии его здоровья произошли изменения, дающие основания для пересмотра заключения военно-врачебной комиссии, либо по решению военно-врачебной комиссии в случае выявления нарушений порядка освидетельствования, повлиявших на заключение военно-врачебной комиссии, а также для проверки обоснованности заключения подчиненной военно-врачебной комиссии. При этом вышестоящая военно-врачебная комиссия, принявшая решение о контрольном обследовании и по-

вторном освидетельствовании гражданина, отменяет ранее вынесенное в отношении гражданина заключение военно-врачебной комиссии.

При несогласии гражданина с заключением военно-врачебной комиссии, а также с результатом освидетельствования, проведенного в рамках работы призывной комиссии или комиссии по постановке граждан на воинский учет, гражданин имеет право на производство независимой военно-врачебной экспертизы в порядке, установленном Положением о независимой военно-врачебной экспертизе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 574.

9. Для проведения освидетельствования граждан, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, граждан, призываемых на военную службу или на военные сборы, граждан, направляемых на альтернативную гражданскую службу, граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, медицинского осмотра граждан, не пребывающих в запасе и призванных на военную службу, перед направлением их к месту прохождения военной службы, граждан, не состоящих на военной службе и поступающих на военную службу по контракту, граждан, поступающих в военно-учебные заведения, граждан, изъявивших желание пройти и проходящих военную подготовку в учебных военных центрах, на военных кафедрах (факультетах военного обучения) при образовательных организациях, граждан, прошедших военную подготовку в учебных военных центрах, на военных кафедрах (факультетах военного обучения) и оканчивающих образовательную организацию, граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил, а также контрольного освидетельствования граждан, получивших отсрочку и освобождение от призыва на военную службу по состоянию здоровья, и граждан, заявивших о несогласии с заключениями об их годности к военной службе по результатам освидетельствования, руководителями медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения по заявке начальника отдела военного комиссариата субъекта Российской Федерации по муниципальному образованию (далее - отдел военного комиссариата), военного комиссара субъекта Российской Федерации (далее - военный комиссар) выделяются врачи-специалисты и медицинские работники со средним медицинским образованием.

10. Руководители, другие должностные лица федеральных органов исполнительной власти,

органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, медицинские организации независимо от организационно-правовой формы обязаны сообщать в 2-недельный срок по запросам отделов военных комиссариатов, кадровых служб и военно-врачебных комиссий сведения о гражданах, характеризующие состояние их здоровья, в том числе о гражданах, состоящих на учете (наблюдении) по поводу психических расстройств, наркомании, алкоголизма, токсикомании, злоупотребления наркотическими средствами и другими токсическими веществами, инфицирования вирусом иммунодефицита человека, состоящих на диспансерном наблюдении по поводу других заболеваний, с указанием диагноза и даты постановки на учет (наблюдение), представлять медицинские карты амбулаторных больных, медицинские книжки военнослужащих и при необходимости другие медицинские документы (медицинские карты стационарных больных, истории болезни, рентгенограммы, протоколы специальных методов исследования и другие медицинские документы), а также иные сведения, необходимые для проведения освидетельствования граждан.

Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя, в том числе после смерти гражданина, лицами, которым они стали известны при проведении военно-врачебной экспертизы, за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации.

По окончании освидетельствования отделы военных комиссариатов, кадровые службы и военно-врачебные комиссии возвращают в 2-недельный срок медицинские документы в соответствующие федеральные органы исполнительной власти, исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, медицинские организации.

Порядок учета и хранения документов, подтверждающих обоснованность освобождения граждан от призыва на военную службу по состоянию здоровья, их копий определяется Министерством обороны Российской Федерации.

11. Руководители органов организуют обследование и освидетельствование граждан, поступающих на военную службу по контракту в органы, военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в органах, и членов их семей, граждан, проходящих военные сбо-

ры по линии органов, граждан, имеющих воинское звание офицера и пребывающих в запасе Службы внешней разведки Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, граждан, поступающих в военно-учебные заведения органов.

Руководители учреждений организуют обследование и освидетельствование граждан, поступающих на приравненную службу, сотрудников и членов их семей, граждан, поступающих в учебные заведения.

12. Военно-врачебная экспертиза граждан, направляемых на альтернативную гражданскую службу, осуществляется в порядке и в объеме, которые определены настоящим Положением для граждан, подлежащих призыву на военную службу.

Требования к состоянию здоровья граждан, направляемых на альтернативную гражданскую службу, соответствуют требованиям, предъявляемым к гражданам, призываемым на военную службу.

II. Обследование и освидетельствование граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу

13. Организация освидетельствования возлагается:

при первоначальной постановке на воинский учет:

граждан в год достижения ими 17 лет - на комиссию по постановке граждан на воинский учет;

граждан женского пола после получения ими военно-учетной специальности, лиц, приобретших гражданство Российской Федерации, граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы, граждан, проживавших за пределами Российской Федерации и прибывших для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и граждан, обязанных явиться для первоначальной постановки на воинский учет, но не явившихся в сроки, установленные пунктом 1 статьи 9 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе", - на начальника отдела военного комиссариата;

при призыве граждан на военную службу - на призывную комиссию.

14. До начала освидетельствования при первоначальной постановке на воинский учет и при призыве на военную службу граждане проходят в медицинских организациях государствен-

ной и муниципальной систем здравоохранения следующие обязательные диагностические исследования:

флюорография (рентгенография) легких в 2 проекциях (если она не проводилась или если в медицинских документах отсутствуют сведения о данном исследовании в течение последних 6 месяцев) с обязательным представлением при освидетельствовании флюорограмм (рентгенограмм);
общий (клинический) анализ крови;
общий анализ мочи.

До начала освидетельствования при призыве на военную службу граждане проходят также следующие обязательные диагностические исследования:

электрокардиография в покое;

исследование крови на антитела к вирусу иммунодефицита человека, маркеры гепатита “В” и “С”.

15. Освидетельствование граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу проводят врачи-специалисты: врач-хирург, врач-терапевт, врач-невролог, врач-психиатр, врач-офтальмолог, врач-оториноларинголог, врач-стоматолог и при необходимости - врачи других специальностей.

16. Персональный состав врачей-специалистов, включаемых в комиссию по постановке граждан на воинский учет, согласовывается с руководителями медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения и утверждается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации по представлению военного комиссара. Указанным решением также назначаются врачи, руководящие работой по освидетельствованию граждан при первоначальной постановке на воинский учет.

Персональный состав врачей-специалистов, привлекаемых для проведения освидетельствования граждан при призыве на военную службу, согласовывается с руководителями медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения и утверждается председателями призывных комиссий по представлению военного комиссара (начальника отдела военного комиссариата). Решением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по представлению военного комиссара назначаются врачи, руководящие работой по освидетельствованию граждан, подлежащих призыву на военную службу.

17. При первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу освиде-

тельствование граждан, являющихся детьми-инвалидами, инвалидами I группы или имеющих иную группу инвалидности без указания срока переосвидетельствования, проводится заочно с их согласия или с согласия их законных представителей на основании медицинских карт амбулаторного больного и копий актов медико-социальной экспертизы гражданина, заверенных подписью руководителя и печатью соответствующего бюро медико-социальной экспертизы.

18. По результатам освидетельствования граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу врачами, руководящими работой по освидетельствованию граждан, на основании заключений врачей-специалистов дается заключение о годности к военной службе по следующим категориям:

А - годен к военной службе;

Б - годен к военной службе с незначительными ограничениями;

В - ограниченно годен к военной службе;

Г - временно не годен к военной службе;

Д - не годен к военной службе.

При первоначальной постановке гражданина на воинский учет или призыве на военную службу заключение о временной негодности к военной службе выносится на срок до 12 месяцев.

Гражданам, признанным годными к военной службе или годными к военной службе с незначительными ограничениями, при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу в целях распределения по видам и родам войск Вооруженных Сил, другим войскам, воинским формированиям и органам в соответствии с графой I раздела II “Расписание болезней” приложения к настоящему Положению (далее - расписание болезней) и таблицей 1 приложения к настоящему Положению определяются показатели предназначения для прохождения военной службы.

19. При первоначальной постановке граждан на воинский учет по решению председателя комиссии по постановке граждан на воинский учет может определяться их годность к обучению в общественно-государственных и общественных объединениях, профессиональных образовательных организациях, осуществляющих подготовку граждан по военно-учетным специальностям.

20. В случае невозможности вынесения медицинского заключения о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья в ходе освидетельствования гражданин на основании

решения комиссии по постановке граждан на воинский учет, призывной комиссии или начальника отдела военного комиссариата, принятого по заключению врачей-специалистов, направляется в медицинскую организацию государственной или муниципальной систем здравоохранения на обследование в амбулаторных или стационарных условиях для уточнения диагноза заболевания.

При возможности завершения обследования гражданина до окончания работы комиссии по постановке граждан на воинский учет или призывной комиссии врач-специалист выносит заключение о том, что гражданин нуждается в обследовании с указанием срока явки на повторное освидетельствование.

По завершении обследования составляется медицинское заключение о состоянии здоровья гражданина.

В случае если обследование гражданина не может быть завершено до окончания работы призывной комиссии, освидетельствование указанного гражданина проводится в период следующего призыва граждан на военную службу с вынесением заключения о категории годности к военной службе.

21. Руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья, органов местного самоуправления, руководители медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения обеспечивают своевременное обследование граждан в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и стандартами медицинской помощи, утверждаемыми Министерством здравоохранения Российской Федерации. Контроль за своевременным завершением обследования граждан осуществляется соответствующими военными комиссариатами.

22. Граждане, не пребывающие в запасе, призванные на военную службу, непосредственно перед направлением к месту военной службы проходят медицинский осмотр в целях исключения призыва на военную службу граждан, не подлежащих призыву по состоянию здоровья.

Призывная комиссия субъекта Российской Федерации организует медицинский осмотр граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, перед направлением их к месту прохождения военной службы, а также контрольное освидетельствование граждан, получивших отсрочку или освобождение от призыва на военную службу по состоянию здоровья, и граждан, заявивших о несогласии с за-

ключением об их годности к военной службе по результатам освидетельствования.

По решению призывной комиссии субъекта Российской Федерации контрольное освидетельствование граждан, получивших отсрочку или освобождение от призыва на военную службу по состоянию здоровья, может проводиться заочно путем изучения их личных дел и медицинских документов, представленных в призывную комиссию субъекта Российской Федерации. При необходимости проводится очное контрольное освидетельствование указанных граждан.

Медицинский осмотр и контрольное освидетельствование осуществляются врачами-специалистами, включенными в состав призывной комиссии субъекта Российской Федерации: врачом-хирургом, врачом-терапевтом, врачом-неврологом, врачом-психиатром, врачом-офтальмологом, врачом-оториноларингологом, врачом-стоматологом, врачом-дерматовенерологом и при необходимости - врачами других специальностей.

В случае выявления у гражданина при медицинском осмотре перед направлением к месту прохождения военной службы или при контрольном освидетельствовании отклонений в состоянии здоровья, изменяющих его категорию годности к военной службе, призывная комиссия субъекта Российской Федерации отменяет решение призывной комиссии, о чем сообщает гражданину и в соответствующую призывную комиссию. При этом одновременно с отменой решения призывной комиссии призывная комиссия субъекта Российской Федерации принимает решение в соответствии с Федеральным законом "О воинской обязанности и военной службе".

23. Формы документов, заполняемых врачами-специалистами, врачами, руководящими работой по освидетельствованию граждан, при первоначальной постановке граждан на воинский учет, при призыве граждан на военную службу, при медицинском осмотре граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, перед направлением их к месту прохождения военной службы, при контрольном освидетельствовании граждан, получивших отсрочку или освобождение от призыва на военную службу по состоянию здоровья, и граждан, заявивших о несогласии с заключением об их годности к военной службе по результатам освидетельствования, а также правила их заполнения определяются Министерством обороны Российской Федерации.

(Продолжение следует)